

16+

Сергей Катканов

Тихая моя родина

исторические очерки

Сергей Юрьевич Катканов

Тихая моя родина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69905878

SelfPub; 2023

Аннотация

В основе "Дневника епархиального миссионера" настоящий дневник епархиального миссионера Николая Следникова, который на рубеже XIX-XX веков ездил по Вологодской епархии с целью обращения раскольников в православие. Очерк содержит уникальный исторический материал. "Прилуцкий век. 1892-1992" – история вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря в предреволюционный, советский и постсоветский периоды. Очерк основан как на архивных материалах, так и на свидетельствах очевидцев. "Архивные тени 1929-1937" – рассказ о судьбах репрессированных священников на основе подлинников уголовных дел НКВД. В завершении книги – православная публицистика разных лет.

Сергей Катканов

Тихая моя родина

Дневник епархиального миссионера

Предисловие

Какими были русские крестьяне в предреволюционной России? История донесла до нас голоса политиков, генералов, писателей, но крестьянских голосов мы совершенно не слышим, лишь отвлеченные рассуждения всех упомянутых по «крестьянскому вопросу». А кто из них хорошо знал крестьян? Кто мог судить, например, о характере их религиозности? Сельские батюшки не припомню, чтобы писали мемуары.

Вопрос о религиозности русских крестьян на закате империи оказался совершенно мифологизирован. Одни считают, что тогда все поголовно верили в Бога, и только злокозненные большевики «порушили веру», другие, напротив, утверждают, что перед революцией народ уже ни во что не верил, и только поэтому революция свершилась. Как же на самом деле?

Вопрос этот важен до чрезвычайности. От того, как мы поймем религиозность нашего крестьянства, зависит, сможем ли мы понять духовные причины крушения империи и все последующие катаклизмы русской истории XX века. А от

этого зависит выбор пути всё ещё не определившейся России.

В нашем распоряжении оказался уникальный документ, публиковавшийся в «Вологодских епархиальных ведомостях». Епархиальный миссионер Николай Николаевич Следников в 1899-1905 годах ездил по деревням с тем, чтобы обращать раскольников-старообрядцев в православие, а потом подробно описывал свои поездки. Как видим, раскол XVII века далеко ещё не был изжит в начале века XX-го, но, читая дневник епархиального миссионера, постепенно убеждаешься, что это не только, и даже не столько о раскольниках. Это о религиозной жизни русских крестьян со всеми её темными и светлыми сторонами.

Николай Следников – талантливый, незаурядный человек, он так ярко живописует и раскольников, и православных, что они, как живые, смотрят на нас со страниц его дневника. Человек, душа которого горела верою, он вместе с тем очень искренен и отнюдь не склонен идеализировать крестьянство. Его заметки дышат правдой, порою – очень неудобной, иногда – рождающей надежду.

Хочу предложить вашему вниманию фрагменты этого дневника. Их выбор, конечно, субъективен, но, уверяю вас, не пытался подобрать их под какую-либо заранее заданную тенденцию, просто выписывал то, что показалось наиболее ярким, характерным и позволяющим делать выводы, какими бы они не были. По ходу цитирования, конечно, не удержусь

от комментариев. Всё это так перекликается с нашей реальностью рубежа XX-XXI веков... Что изменилось за сто лет? Всё. И одновременно – ничего.

Н.Н. Следников совершал свои миссионерские поездки будучи ещё мирянином, а революцию он встретил уже в сане епископа, впрочем, за пределами нашей епархии. Очень хочу, чтобы земляки услышали голос этого замечательного, но мало кому ныне известного человека.

Поездки вологодского епархиального миссионера в 1899 году.

Н.С.: 9 марта... по воле его преосвященства отправился в Грязовецкий уезд... 10 числа в 6-ом часу вместе со священником Алексеем Соколовым поехали мы в деревню Зажелка... Комната была полна народа... С большим оживлением говорили на любимый всеми старообрядцами вопрос об антихристе. Василию Позднякову, наслушавшемуся ни на чем не основанных страннических толков, всё хотелось доказать, что антихрист уже пришёл, утвердить даже такую нелепость, что он был ещё во времена земной жизни Господа Иисуса Христа.

С.К.: Вот уж, воистину, сто лет пролетели, как один день. И ныне раскольники всех мастей и православные, тяготеющие в расколу, любимым своим вопросом имеют антихриста, и богословский уровень их рассуждений на эту тему не сильно отличается от уровня стародавних раскольников.

Как-то современный батюшка сказал: «Если бы они думали о Христе столько же, сколько думают об антихристе, так давно бы уже стали святыми».

Н.С.: Народ здешний православный очень заинтересован вопросами веры, как потому что любит святую веру, так и потому, что живущие среди него раскольники часто говорят с ним о предметах веры, а он малосведущ и безответен против хул и обвинений Православной Церкви, какие изрыгают раскольники. Между тем, православным хочется защитить от нападок врагов благодатную Мать-Церковь. В сердца же слабые под влиянием настойчивой проповеди раскольников закрадывается сомнение, не погрешила ли, не ошиблась ли в самом деле в чем-нибудь Мать, породившая их для духовной жизни?

С.К.: Ну не вчера ли сказано? Народ наш всё так же заинтересован вопросами веры и всё так же «малосведущ». И попрежнему нечего ему ответить ни очередным «борцам с ИНН», ни протестантским сектантам, ни растлителям – рационалистам. Да к тому же ещё и не видно тех епархиальных миссионеров, которые готовы ездить по деревням и беседовать с православными крестьянами.

Н.С.: 11 числа вечером устроена была беседа в здании училища. Стояла страшная непогода, печально завывал ветер на снежных равнинах, замело все дороги... Старушка Татьяна опутана как слабое беззащитное насекомое сетями пауков-раскольников... По её мнению, спасение достигается

исключительно слезами и молитвой. Она... не утрашилась произнести кощунственные слова: «Для всех не хватит Тела Христова, православные причащаются вина, а не Крови Господней».

С.К.: Слышал бы эти слова протопоп Аввакум, полюбился бы на плоды порожденного им раскола. Вот бы рыдал. Да он ведь слышит и рыдает.

Н.С.: 12 марта прибыли в Барский Иоанно-Предтеченский приход. Здешние раскольники любят привлекать в свою секту православных при их кончине, пользуясь болезненной слабостью и страхом смерти. Они хоронят свои жертвы где-нибудь в лесу или в поле под хворостом. Бедных странники не любят, зато охотно привлекают в свою секту людей богатых. Странники по словам одного крестьянина «ночью темною приходят, ночью же и уходят, не признают никаких властей, не любят трудиться, но живут на чужой счет».

С.К.: Ныне возможность завладеть наследством вовлеченных в секту людей и спекулировать на материальных проблемах с удовольствием переняли сектанты протестантского толка.

Н.С.: В Воздвиженском... беседа продолжалась 4 часа и закончилась пением молитвы. «Достойно есть». Со слезами на глазах Михайло Никитин говорил об изменении патриархом Никоном текста этой молитвы. Так сильна привязанность нашего народа к букве и обряду! Понурия седую голову,

печальный выходил наш собеседник из комнаты...

С.К.: А разве не тронул вашего сердца старик, со слезами говорящий о вере? Горе тем, кто его соблазнил.

Н.С.: 14 числа отправились в деревню Кобяково... Добрые люди, которые радушно принимают в своём доме миссионера, от своих односельчан, раскольников, много терпят обид и оскорблений за то, что они, по мнению старообрядцев, сами бросаются в когти антихриста, пускают к себе его посланцев и предвестников, какими именами они называют миссионеров.

С.К.: Вы только вдумайтесь: православные в православной империи среди односельчан чувствуют себя чужими и терпят оскорбления, словно они – в языческом Риме. А вы думаете, в интеллектуальной среде той поры православные чувствовали себя лучше?

Н.С.: Потянулась речь о перстосложении, причем, когда приводились свидетельства не в пользу старообрядчества, одна женщина-раскольница вскричала: «И глаза не глядят на ваши книги», и скоро вышла из комнаты. В Горке и Затруднове старообрядцы поражают своею грубостью и ненавистью, какую они питают к членам Церкви. Детей своих они не хотят учить в церкви, отклоняя от этого и православных соседей. Слово миссионера падает на окаменелую почву, которая противится воспринимать в себя семя истины и добра.

С.К.: Все враги Церкви, будь то старообрядцы, протестанты, атеисты или современные раскольники всегда дышат зло-

бой и ненавистью и недолго бывают способны скрывать её за елейными улыбочками.

Н.С.: Часто во время беседы Тихон и Семен останавливали друг друга, запрещая говорить, расходились во мнениях. На вопрос, не разной ли они веры, прямой и бесхитростный Семен сказал: «Да у нас одна вера от козы, другая – от теленка». Что звучало в этих словах: шутка или искренне сознание ненормальности раскола, определить трудно, но есть основание полагать, что последнее.

С.К.: А мне кажется, что Семен сам свои убеждения все-речь не принимал, и то, о чем он спорил на самом деле не имело для него существенного значения.

Н.С.: Старообрядцы имеют очень странные взгляды на антихриста и его печать. По их мнению, антихриста нет, но печать его уже есть. Орудие действует само, без мастера, и странно, что эта печать была, по мнению Тихона Еремеева ещё при патриархе Филарете. Тихон считает, что женщины не имеют образа Божия, потому и не воскреснут, чем возбудил против себя сильное неудовольствие православных женщин.

С.К.: А слышали бы вы ещё более странные рассуждения современных любителей темы антихриста, например, их причудливую мысль о «предпечати». Ныне наши «супер-православные» вряд ли осознают, что являются прямыми наследниками убеждений старообрядцев. Если так дальше пойдет, они и «женский вопрос» разрешат в том же смысле.

Н.С.: К столу, где находились книги, вышел только Капитон Васильевич Каракулев, человек добродушный, но мало знающий, и его сестра, женщина невежественная, на все увещевания, направленные к ней, улыбающаяся и постоянно повторявшая: «Буду веровать так, как отцы благословляли». Родительское благословение – основной аргумент, приводимый большинством раскольников в своё оправдание.

С.К.: Между прочим, это обличение и нам, современным православным. Как часто мы объясняем свою принадлежность к Церкви верностью традициям предков. Неужели мы не понимаем, что Православие драгоценно вовсе не тем, что досталось нам от предков, а тем, что это вера истинная.

Н.С.: В Ельниковском Борисоглебском приходе я спросил одну женщину, может ли её соседку, Авдотью Гаврииловну, вывести из ада двуперстие, которым она креститься? Та ответила утвердительно. «А если я буду при молитве употреблять двуперстие, спасусь ли через это?» – спросил я. «Нет», – получаю ответ, – у тебя вера не правая». «Значит, – заключаю я, – дело в вере истинной, анев перстах»,

С.К.: Блестящее обличение обрядоверия.

Н.С.: Когда ехали в Сопелкино, по дороге попадался народ, спешно идущий послушать и поучиться, а при въезде в деревню около одной избы заметил огромную толпу народа. Это жаждущие послушать. Все они не могли втиснуться в довольно просторной комнате школы, с сожалением половина из них разошлась по домам.

С.К.: Скажите после этого, что русский народ не был тогда религиозен.

Н.С.: Со вниманием относился к беседе Александр Андреев Баркалев, который одно время, смущаемый раскольниками, долго искал правой веры, порядочно почитал книги, твердо убежденный в истине православия, теперь беседует на свободе о разных предметах веры.

С.К.: Таковы были лучшие представители православного крестьянства.

Н.С.: 26 марта беседовали в деревне Горшково. В целях отклонения православных от Матери-Церкви, раскольники измышляют и проповедают такую небылицу, что теперь царь на Руси есть вместе и патриарх. Это мнение, кажется, широко распространено между православными, потому что на лицах присутствующих было заметно удивление, когда раскрывалась нелепость подобной мысли.

С.К.: И сразу же возникает в памяти целая вереница ещё более нелепых мнений, распространенных между современными православными.

Н.С.: В Свистунове поговорила одна только старушка-раскольница Екатерина Бортникова, и сначала с большой охотой и удовольствием, например, о двуперстии, в котором она видит всю веру. Она даже говорила, что если бы в грязовецком соборе священники крестились двуперстно, ТО она пошла бы туда молиться, но на предложение присоединиться к единоверческой церкви, где она увидит всё, что дорого

для неё, отвечала отказом.

Православные отнеслись к беседе очень внимательно, особенно одна старушка Пелагия Юрьевна, бывшая около 15-и лет в расколе, в страннической секте. Пелагия ещё на Горке в Кустовском приходе обратила на себя внимание указанием Тихону Гремичеву неправильности его мнений. Здесь, в родной деревне, она увещевала своих товарок об оставлении ими заблуждений, за что пришлось ей получить от одной из них оплевание. Вот какие выходки допускают наши раскольники в бессильной злобе от невозможности оправдать свою веру.

После беседы Пелагия рассказала повесть о своей жизни. Она родилась от православных родителей, росла девочкой слабой и угрюмой. Пелагии было 12 лет, когда мать решила отдать её в монастырь, но туда её не взяли. Между тем, странники-раскольники предложили принять девочку к себе, и бедная мать согласилась на это. Началась печальная жизнь. Тяжело, жутко было девочке темными ночами бродить с места на место, сидеть вдали от света в сыром подполье. Привычка взяла своё. Решено было формально принять Пелагию в общество странников. Для неё настал пост и молитва, на коленях от поклонов появились кровавые жилки. Девочку окунали в проруби на реке Ухтоме на святую ночь великого четверга. С той поры Пелагия начала подвизаться в странстве, сделалась начетницей, усердно сеяла лжеучение. Но Бог возвратил её в лоно Церкви Православной. По смер-

ти матери, в конце жизни перешедшей в странство, Пелагия видит сон. Лежит её старушка-мать мертвая на столе, вдруг отрывается от тела голова и на курьих ножках направляется к топящейся печи и там сгорает. Сон заставил Пелагию задуматься. Да, верно говорят, что старообрядцы без головы – без епископа. Эта мысль не давала ей покоя, и вскоре она сделалась ревностной православной христианкой.

С.К.: Вы не знаете, фильм про Пелагию Юрьевну уже снимают? Или ещё и сценарий не написан? Не написан... А жаль. Старушка-то – как живая, и в её судьбе – душа русского народа. Это о том, как мрачная извращенная религиозность была побеждена Светом Православия. Есть ли сейчас тема важнее? Но вместо этого пишут книги и снимают фильмы про какую-то совершенно выдуманную Пелагию, какой на Руси ни когда быть не могло.

Н.С.: Пришлось указать на нелепость очень странного мнения, что причащение необходимо только для душ, находившихся в аде до пришествия Христа, а не для людей во плоти. И наш народ простой верит, верит без всяких сомнений бредням раскольников. Когда народ расходился по домам, Любовь Сергеевна говорила мне, что не спастись ей без причащения, хорошо знает она это из книг, но перейти в Церковь пугают её порочные священники: непостыющиеся, курящие табак и т.п.

С.К.: Вот вам ещё одна «старая песня о главном» и донныне весьма популярная среди людей нецерковных. Дескать, по-

шли бы В Церковь, да «священники порочные». Не хочется даже доказывать, что порочных священников и тогда, и сейчас – единицы. Дело даже не в том, а в странной готовности погубить собственную душу потому только, что некоторые люди в Церкви нам не нравятся.

Н.С.: То, что раз вошло в голову и вкоренилось в сознании темного и неразвитого человека, трудно рассеять и уничтожить. Того, для кого вера и персты – одно, нелегко самыми очевидными доказательствами разубедить в правильности его любимого воззрения. Провожая нас, Григорий Афиногенов, с крыльца что-то бормоча, показывал нам своё любимое двуперстие до тех пор, пока мы не скрылись от его взоров.

С.К.: Господи, как всё знакомо. Вот и нет уже почти старообрядцев, а люди-то всё те же.

Н.С.: Левино. «Какие были путаники, те запутались в сетях раскола, а другие не лезут в них», – сообщили мужички. Казаринские старообрядцы – простые и добрые люди. Вполне согласны, что в Церкви Христовой должно быть священство и все таинства, что мы не содержим ни одной ереси. «Так если вы, – говорит священник, – согласны с нами во взглядах, то приходите в Церковь». «Подумаем», – сказал Иван Николаев и, тепло попрощавшись, добродушные старообрядцы отправились на работу.

С.К.: Боюсь, что «добродушные старообрядцы» так легко соглашались с православными просто из равнодушия к ре-

лигии, о чем красноречиво говорит следующий случай.

Н.С.: Деревня Гридино. Говорю, что раскольники – вне Церкви и их ждет страшная гибель. «Ну что же, делать нечего, если и погибнем», – равнодушно замечала несколько раз Елена.

С.К.: Классический пример безрелигиозного сознания. Тут говорить вообще бесполезно.

Н.С.: Все хорошо понимают и осознают, что старообрядческие наставники бегут бесед, боясь лишиться авторитета и значения, потерять то обаяние, которое они производят на несведущих и легковверных простецов.

С.К.: Вот подтверждение того, что одной только проповеди в СМИ недостаточно, что православный миссионер должен «идти в народ». Сколько раз доводилось узнавать о том, как лидеры современных сект просто отбрасывали газету, где что-то против них написано, со словами: «Всё это враньё». А вот встретились бы они при народе с миссионером лицом к лицу, чтобы тогда запели?

Н.С.: «Удивляемся, – говорили крестьяне, – как наша светская власть позволяет свободно действовать этим людям во вред православию». Православные, из-за корыстных видов защищающие раскол путем печати, постоянно публикуют в газетах факты освобождения от ответственности окружным судом лиц, привлекаемых за явную пропаганду раскола, окрыляют дух старообрядчества, укрепляют в них убеждение, что они могут делать всё, сеять семена своих учений,

где угодно, и они сеют повсюду смелую рукою.

С.К.: Нам бы, господа, ваши проблемы. Не жили вы в эпоху «многоконфессиональности».

Н.С.: «У вас в храмах стоят пьяницы, блудники, табашники, с ними молиться ни за что не буду». – говорит мнящий себя праведным Василий Федоров. У раскольников иссякла любовь – жизненное начало христианской религии, она улетучилась под гнетом исполнения мелочных правил и предписаний... Напрасно смущают старообрядцев недостойные члены Церкви Православной, и при них она остается чиста и непорочна.

С.К.: Вот тут заметна существенная разница между православными и раскольниками всех мастей. Православные хорошо знают, что гордыня – смертный грех, и даже будучи подверженными этому греху, стараются скрывать проявления своей гордыни, как нечто крайне постыдное. Раскольники, не имея духовного руководства, с такой отвагой выпячивают на публике проявления своей безудержной гордыни, что становится понятно – за грех они её не считают.

Н.С.: Флоровский приход, Семеново. На беседу из раскольников явились две женщины. Мужья у них православные, они были тут же. Горькое житьё супругов. Жены раскольницы гнушаются ими, не допуская до своей чашки с пищей, они отталкивают от неё даже своих малолетних детей.

С.К.: Если мать брезгует собственным ребенком, считая, что он её осквернит, даже прикоснувшись к её чашке, то не

надо и спрашивать, христианка ли она. Спрашивать приходится уже о том, осталось ли в ней хоть что-то человеческое? Что происходит с людьми, ненавидящими Церковь?

Н.С.: Лежский волок, Раменский Богоявленский приход. Место для странников здесь было удобное. За деревней росли тогда непроходимые леса. Приедут в деревню полицейские власти, странники оставят свои дома и находят приют под зеленым кровом развесистых сосен. Туда не проникнут «антихристовы слуги». Лесная глушь служила и кладбищем для странников, здесь и теперь они хоронят своих мертвецов.

С.К.: Сколько героического пафоса борьбы в жизни этих «религиозных партизан». Как соблазнителен и до ныне этот пафос для многих православных.

Н.С.: Как окаменело сердце многих раскольников, как огрубели они в своём невежестве, сделались неспособными к восприятию семян истины, как закрываются они от лучей солнца – веры Христовой, можно было видеть на беседе в Кондраше. После приведенных из книг данных о неправоте федосеевщины, Константин Зосимов в порыве ожесточения воскликнул: «Если все уйдут в Церковь, я один останусь... Не пойду туда». Тяжелое, подавляющее впечатление производят подобные слова.

С.К.: А кому из современных катехизаторов не известно это «тяжелое подавляющее впечатление»?

Н.С.: Надеевских женщин много путает одна раскольница

из деревни Терехова по имени Параскева, которая ходит к ним. «Где священник посидит, – делает она наставления, – то место нужно выскрести». Из раскольников деревни Андреевская только одна хорошо читает – Ольга Ивановна Пutnikова. Разговорчивая с простецами, к нам на беседу она, видимо, явилась с намерением молчать, вела себя скромно, смиренно, высказала только, что жить «в вере» благословили её родители. Рассуждали, не опасный ли путь указан ей родителями? На земле дороже души человеческой нет ни чего, должно оставить все привязанности, забыть все сокровища мира, лишь бы найти правую веру и жить в ней. Чтобы вызвать раскольницу на рассуждения, я сказал ей: «Докажи мне правоту своего упования, и я, заботясь о спасении своей души, перейду в вашу общину». «Переходи», – был ответ.

С.К.: Представить себе на месте этой раскольницы многих православных очень легко. И очень страшно.

Н.С.: Я стал говорить притчею. Как же я пойду к тебе в келью, я заблужусь, потому что не кому мне указать дороги. Как буду жить в ней – я задохнусь без воздуха, умру с голода и жажды, ослабею от бессонницы. У вас, разъясняю я, нет священников, которые бы, получив от Христа власть, указали бы верный путь к небу, нет воздуха – Благодати Божией, нет пищи и питья- Животворящего Тела и Крови Христовой. У вас меня совесть замучает за безверие обетованиям Христовым о нерушимости Его Церкви.

С.К.: Николай Николаевич ездил по раскольникам пер-

вый год, и не отстал ещё от «метания бисера».

Н.С.: 7 октября в Исакове. Напрасны были оклики вестовщика на зов придти послушать Писания. Все раскольники и даже некоторые православные отвечали отказом. Пошли мы со священником сами в дома раскольников и выслушали от них тот же ответ, причем, пришлось нам познакомиться с той густой умственной тьмой, которая царит среди них. Приходили к филиппанке Евгении. Она держится этой веры, потому что так жили её родители. «А если бы – спрашиваю, – отец и мать у тебя были татары или евреи, осталась бы ты в их вере и пренебрегла бы истиной Христовой?» «Не знаю», – отвечала она. «А как по-твоему, татары и евреи могут получить спасение, оставаясь при своих заблуждениях?» «Я думаю, что могут». «А зачем Христос кровь Свою пролил на кресте?»

С.К.: Ещё раз скажу: семь раз подумайте, прежде чем презентовать православие в качестве веры предков.

Н.С.: Николай Флавианов – человек очень смиренный и немудрый, но поучать других своей вере любит. Это неотъемлемая черта каждого почти раскольника. Сам ни чего не понимает, и ни когда ни чего не докажет, но поносить «никонианство» – этот, в его устах, бездонный кладезь еретичества, у него потребность.

С.К.: А сколько таких сейчас? Только у современных раскольников вместо никонианства – сергианство.

Н.С.: Житель деревни Лесное Павел Семенов пришел к

нам с видом незлобивого агнца, с намерением молчать. «Я – овца, – говорил он льстиво, – рассуждать не буду». «Я тоже овца, – отвечаю ему, – мы будем беседовать по-дружески, истина скорее откроется, если обменяемся взглядами и мыслями».

С.К.: Щас.

Н.С.: Шурбовский приход – маленький, вся деревня раскинулась около самой церкви. В полуверсте от православного храма находится раскольпическая молельня. Две силы, светлая и темная, православие и раскол, находятся здесь в столкновении друг с другом. Борьба между ними идет постоянная и упорная. Твердо сопротивляется тьма перед действием света. Едва начинают проникать в неё лучи истинной веры.

С.К.: Маленькая модель вселенной.

Н.С.: Будут ли они слушать и верить, если вполне убеждены, что миссионер – посланник антихриста. Они могут смотреть на него только со злобой и ожесточением. На одной беседе подняли они страшный шум. «Подавай билет, по которому ты едешь учить нас», – кричали они. Я просил сельского старосту остановить шумевших, но староста оказался тоже раскольником, да при том – пьяным и стал производить ещё большие безобразия. В порыве ожесточения старообрядцы не соображали, что говорили.

С.К.: Этот фрагмент обязательно надо включить в пособие для начинающего катехизатора.

Н.С.: Одна старушка по имени Екатерина сердито говорила: «Вы только смущать ездите, прежде бывало все в деревне крестились спасовым крестом, а теперь у половины увидишь щепоть, и, показав левой рукой троеперстие, кричала: вот у вас в этом (указательном) пальце сидит помощник дьявола, а здесь (в большом) сам сатана, сатана...»

В Остревцове говорил старик о плачевном нынешнем времени, когда не стало таинств священства, причащения, когда принятие Тела и Крови Христовой приходится заменять прохождением 3-х лестовок в день. Все это наделал антихрист, он теперь царствует, имя его Иисус.

С.К.: Хорошо известно то безнадежное чувство, которое возникает, когда понимаешь: молчать невозможно, а говорить бесполезно. Что же делать? Мужайтесь. Господь дарует надежду.

Н.С.: Среди этих типичных раскольников в приходе, как исключение, есть несколько личностей, имеющих мягкое сердце, не отворачивающееся от света знания, читающих книги с целью найти истинную веру. 1-го декабря, когда мне уже были поданы лошади, чтобы ехать в Васиановщину, Марья Ивановна просила остаться ещё на день, побеседовать с ними. Я согласился. Собрались в комнате кроме Марьи Ивановны Василий Васильев, его брат Степан Маркелов, самый сведущий в книгах раскольник прихода, и несколько человек из православных. Кротко, мирно беседовали мы в продолжении почти 10-и часов и всё это время чувствовали се-

бя бодрыми.

С.К.: Разве не стоило объехать пол-епархии ради одной только этой беседы?

Из отчета о состоянии раскола за 1899 год.

Н.С.: Каких ужасных хулений не насажат эти расколоучители на Православную Церковь... Что ваша Церковь это овощное хранилище, место нечистых бесов, звон колокола – рев апокалиптического зверя, священники и миссионеры – предтечи и слуги антихристовы.

Конечно, ни усиленная деятельность начетников, ни приманка деньгами и материальной помощью не составляют истинных и коренных основ живучести раскола. Существовая уже более 230 лет, раскол успел крепко прильнуть к народному чувству. В тех местах, где «старая вера» утвердилась издавна, она является наследством, которое передается от предков к потомкам.

Во многих приходах, где есть раскольники, утвердился в народе взгляд на раскол, как на веру более строгую, чем православная, как на иноческий подвиг, нести который не всякий в силах. Доводилось слышать: «Какая я ещё староверка, молода ещё, а там поститься да молиться нужно». Смотрит православный на жизнь раскольников и видит – на всем у них лежит печать сдержанности и порядка, на каждом шагу – Иисусова молитва, поклоны, пост, нет у них табакокурения, чаепития и других соблазнительных привычек. «Какая

у них строгая вера», – заключает он, и эта вера становится идеалом, к которому он рано или поздно стремится приблизиться.

С.К.: Почему некоторые неправославные конфессии дают образцы веры куда более строгой, чем православие? Это огромный вопрос. Как-то одна протестантка сказала: «Наш пастор как учит, так и живет, а ваши священники...» Почему? Православие в России – вера массовая, а среди «широких масс» всегда найдется куда больше «паршивых овец», чем среди маленьких общин, следующих строгой самоизоляции. Порою православные куда меньше ценят свою веру, которая для них – «само собой», за которую им никогда не приходилось страдать, чем сектанты, которые испытывают на себе жесткий прессинг. Они склонны более дорожить своей верой. Но это имеет и свою обратную сторону. Секта порождает у своих членов ощущение исключительности, особенности. Это стимулирует тщеславие, порождает разновидность «аскетизма», которым гордятся, как средством противопоставить себя окружающим. Так что сектантской «строгостью» не надо обольщаться, в ней порою нет ни какой духовности. Сектантский «аскетизм» хоть и может произвести впечатление, но он угрюм и мрачен, он порождает порою такую озлобленность, до которой ни когда не дойдут наши «обычные» православные.

Н.С.: Бывали случаи, когда в порыве злобы раскольник выбивал у православного зубы, когда раздраженные старо-

обрядцы выбивали стекла в доме защитника св. Церкви... Хотя силен ещё раскол, хотя встречаются случаи уклонения В него, но они не часты, и то время, когда «Поминутно валились в кадку креститься» прошло и, Бог даст, навсегда. Епархиальный миссионер Николай Следников в продолжении 1899 года сделал 7 миссионерских поездок, которые продолжались 99 дней. Господь возвратил в лоно Церкви 33 человека.

С.К.: Чтение дневника иногда вызывает ощущение бессмысленности «всех этих разговоров», но вы посмотрите, какой результат: 33 души присоединились к Церкви! Конечно, очень трудно судить о мотивах этого присоединения, во многих случаях оно может быть формальным, и всё же... Попробуйте вывести 33 человека из современных протестантских сект в Православную Церковь, и вы поймете, что это за цифра.

1990

В Кокшениге (Тотемский уезд)

Н.С.: Сохранившиеся грамоты и духовные ведомости показывают, что в некоторых приходах, где теперь коренится раскол, он появился если не сразу же после антицерковного движения в Москве, вызванного книжными исправлениями при патриархе Никоне, то по крайней мере через очень короткое время после него.

Рассказывают, что в некоторых кокшенгских храмах

служба не совершалась по полгода, хотя священник и жил на приходе, что к службе в храм никто не ходит.

С.К.: Это уже не о раскольниках, это о православных. Священник, который не служил полгода – немыслимо и вообще невообразимо. Православный священник не может не служить полгода! Отговорка – в храм не ходят – нелепа. Потому ведь и не ходят, что службы нет. А вот священник, который служил полгода в пустом храме для православного сознания выглядел бы естественно. Только такое вряд ли возможно, пусть несколько человек, но обязательно подтянулись бы уже через месяц. Этот факт говорит о разложении православного духовенства, и мы не можем в него не верить, потому что он стал нам известен от православного миссионера.

Н.С.: Менять православие на раскол в конце жизни в некоторых приходах Кокшеньги является привычкой. «У нас мода такая», – говорят про то раскольники.

В мае месяце Пармена Кожевникова судили в Тотьме. Он у своего односельчанина – крестьянина «окрестил» больного младенца, только что получившего крещение от православного священника и похоронил его где-то без ведома полиции. Пармен был приговорен окружным судом к тюремному заключению на 1 год и 4 месяца. «И без меня не светлее будет в Верхококшеньге, не там, так в остроге всё равно буду учить», – сказал на суде Пармен.

С.К.: Думаю, что да, без Пармена там светлее не стало, и хотя за духовные преступления невозможно не наказывать,

но ведь необходимость применения государственных карательных мер тем и вызвана, что священники не служили, а миссионеры тем временем просвещали алеутов.

Н.С.: Многие уже не принимают раскол, а придерживающиеся его, чувствуют свою заброшенность и неправильность религиозных убеждений. «Что вы раньше не ездили? – говорит с печалью в голосе один раскольник на беседе в Петряеве, – мы, может быть и не ушли бы в веру».

Есть между расколоучителями лица с убеждением преданные своей вере, у которых покрывало лежит на сердцах их. Самомнение и самоуверенность препятствуют им понимать и видеть ясные доказательства своей неправоты в древних книгах. Очи смотрят и не видят, уши слушают и не слышат.

С.К.: Поневоле вспоминается полемика по религиозным вопросам в Интернете, особенно с современными раскольниками. Доказательств тут ни кто не воспринимает вообще, ни кто не пытается аргументировано опровергнуть позицию оппонента. Его просто называют продажным, ещё как-нибудь оскорбляют и считают это достаточным для победы в диспуте.

Н.С.: Миссионер кажется им на первый взгляд обманщиком, оттого-то осыпают они его оскорблениями, криками по его адресу: «Путаешь народ, ни чего не понимаешь, пеплом посыпаешь истину, лжешь» и т.д. На прощание я вновь повторил приглашение придти на беседу в Иудиху, но вдогонку

услышал сказанные со злобой слова Ивана: «Много врешь, не пойдем».

С.К.: Вы представляете, какие крепкие нервы нужны для того, чтобы после всего этого продолжать вести «беседы в Иудихе»? Сколько тут требуется смирения и терпения, но более всего – упования на Божью помощь. Апостолам ведь было ещё труднее.

Н.С.: Религиозное развитие среди прихожан Тощкой церкви стоит на очень низком уровне. Это дети, но дети какие-то странные, они хотят питаться не млеком учения, а самой твердой пищей. Не зная понятного и ясного учения Христова, изложенного в Его Евангелии, они интересуются книгами таинственными: Апокалипсисом Иоанна Богослова, книгами Ездры, Даниила, с усердием занимаются толкованием разных трудных для понимания мест этих книг.

С.К.: Болезненная тяга к «мистическим тайнам» ещё в большей степени характерна для всех современных раскольников.

Н.С.: Тимофей Антонов сказал: «Честно говорил я старикам: вечно причастие, вечно священство, но они голос мой зашибали. Показывал им места в книгах, подтверждающие мои слова, но они в один голос говорили: «Не мудри, только веруй». А я чту слово Божие и древние книги и совестью не кривлю!»

С.К.: На таких вот Тимофеях от века держалась Святая Русь. Грамотный крестьянин, храбро и твердо встающий на

защиту Истины Православия – вы думаете это такой исключительный случай? Это не единичный случай. Таких людей не бывает слишком много, но на них-то всё и держится.

Н.С.: Спрашивает священник у раскольника, проживающего в его приходе и слывущего за грамотея: «У тебя есть Евангелие?» «Есть», – отвечает он, «Принеси». Раскольник выносит из своей конуры «Житие протопопа Аввакума». Он уверял, что двоеперстие спасительно, если человек и погибнет, если на том свете будет в огне гореть, то уж перстки будут поверх огня, хоть они да уцелеют от пламени.

С.К.: В наше время стало уже традицией лить слезу по поводу религиозной безграмотности «широких православных масс», но, как видите, такой дикости, какая была, пожалуй, что уже и нет. Как ни странно, средний уровень осведомленности в вопросах веры сейчас выше, чем был сто лет назад.

Грязовецкий уезд

Н.С.: По своей неопытности я подъехал к деревне, где есть притон странников, на паре лошадей с колокольчиками. У странников со звоном колокольчиков сейчас же соединяются представления о становом, и они при звуке его, как и теперь случилось, торопятся попрыгаться в свои норы.

С.К.: Партизаны, однако.

Н.С.: Иван Николаев спрашивал меня: «Был ли до патриарха Никона истинный Христос?» Поставленный в недоумение его вопросом, я переспросил его, что он говорит и так

ли говорит? Он повторил прежние слова.

С.К.: Ещё раз: не надо преувеличивать меру современного религиозного одичания.

Н.С.: Один из священников Грязовецкого собора просил меня побывать в деревне Крест, где православный старичок усомнился в правоте нашей веры и выражал желание посмотреть старые книги для своего вразумления.

С.К.: Это замечательный старичок. Он «жаждет правды». Он боится ошибиться, он просит помочь ему разобраться в мучающих его вопросах. Если бы все были такие.

Н.С.: У еретиков не всё худо, есть и хорошее. Даже и у язычников хранятся проблески истины и добра, которые были открыты первому человеку Адаму, не смотря на целые тысячи лет, прошедшие с той поры.

С.К.: Вот завещание, которое должны услышать современные миссионеры. Если мы несём слово истины, значит, не можем видеть заведомых врагов в наших оппонентах, и среди самых горькоплачевных заблуждений мы всё же можем распознать проблески истины.

В Домшине и его окрестностях

Н.С.: В Домшине и соседних с ним селах некоторое время проживал и сеял лжеучения один из первых знаменитых расколоучителей протопоп Иоанн Неронов. Здесь боле двух веков раздается протест против Православной Церкви, и существует раскол. Есть спасовцы, странники, самокрещенцы,

филиппане.

В Вахрушеве есть раскольническая моленная, за деревней начинается густой лес, который служит удобным кладбищем для сектантов, хоронящих своих мертвецов под зеленым кустом или деревом. В глубине леса опытный и старательный наблюдатель найдет не мало «тайников», в которых секретно живут и ждут смерти «ушедшие от мира», то есть перекрещенные во время приступа болезни странники, отправившиеся, по словам родных, на богомолье в далекие обители.

Странников, ещё не крещенных по раскольническому обряду, так же трудно распознать, как хлыстов. Они скрывают свои убеждения, называют себя церковными. Но явись у них серьезная болезнь, и они не задумываясь переходят в странство.

С.К.: Несмотря на очевидный комизм религиозных практик «странников», от них веет какой-то запредельной жутью. Вдруг начинаешь чувствовать, что эти люди оказались в страшном, воистину трагическом положении, их леса с «тайниками» – за церковной оградой и полны такого лютого зверья, что не приведи Господи. И вот тут вдруг не просто понимаешь, а до сердечного содрогания осознаешь, как страшно оказаться вне Церкви, как беззащитен там человек. И какое же это счастье, что мы – в Церкви. А достаточно ли мы это ценим?

Н.С.: За месяц – полтора до моего приезда в Домшине был случай, о котором местные жители долго и много гово-

рили. В одной из домшинских деревень жил богатый человек – Иван Фомич Волков, раскольник. Он горел желанием найти правую веру, средства позволяли ему купить для себя порядочное количество книг, их он читал с упоением и усердием, любил вступать в рассуждения со всеми знакомыми ему людьми по поводу прочитанного. В видах большей возможности заниматься благочестивыми подвигами, он поселился в лесу, где построил себе избушку.

Разбирая вероучение разных раскольниковских сект, он не останавливал внимание на Православной Церкви, считая её еретической, потому результат его исканий был печальный: все секты – спасовцы, филипповцы, странники – неправы, а где правая вера – неизвестно. Поставленный в ужасное недоумение, Волков решил сам себя крестить. Во время болезни приказал выкопать около его избушки яму в 3 аршина глубиной, ушёл и крестился в ней. Вскоре после этого пошла слухи, что Волков умер.

С.К.: Этот пример потряс меня до глубины души. Волков – личность огромная, незаурядная, исключительная. Его безудержное стремление к истине поразительно, его искренность не вызывает сомнений. Богатый человек вдруг бросил всё ради поиска Града Божьего. Это натура чисто русская религиозная до самых своих глубин. И как же страшен итог его поисков, которые привели богоискателя в полный крошечный тупик. «Сам себя крестил» – нужен гениальный художник, что бы отразить всю адову глубину этой трагедии, этого

крушения личности. Воистину, личность, каких бы масштабов она не была, как бы искренне не стремилась к истине, сколько бы не проявляла готовности к отречению от всего в этом мире ради Града Божьего, всё же имеет возможность гармоничного развития только в Церкви. Вот о чем надо снимать кино. Но что такое для нашего мира Волков? «Религиозный фанатик». Да, Волков – фанатик, но не религия привела его к трагедии, а гордыня, исказившая его религиозные представления.

Н.С.: В деревне Баранцево один старик-раскольник, умирая, не только лишил свою дочь, перешедшую в Православную Церковь, следующей ей части наследства, но даже не захотел допустить её пред свои глаза в последние минуты жизни.

СК.: Ещё один «озлобленный религиозный фанатик»? Всё верно. Но если бы только известно было «миру сему», что в православии нет даже намека на фанатизм. Это прискорбное состояние души возникает только у тех, кто отрицает Церковь. Или у тех, кто фактически ушёл из Церкви, даже если продолжает думать, что не покидал церковной ограды.

В Кадниковском уезде

Н.С.: В Великом Камне есть крестьянин Константин Михайлов, который, по словам священника, ни чего не слышал о Божьей матери, ему не известен святой Николай. На-

ши речи о Святой Троице, о Сыне Божиим, воплотившемся ради нашего спасения, показались ему новыми. Константин мне говорил, что вполне уверен в необходимости креститься двухперстно, а что значат два перста, такими вопросами он не задается. В деревне Починок раскольница Александра говорила, что у нас в храме будто бы совсем не читается Евангелие.

С.К.: Откуда берется эта «полудикость и полная дикость»? А это всего лишь характерная особенность нецерковного религиозного сознания.

Н.С.: Филиппанин по имени Василий был стар и слеп, но слушать Писание – любитель. Добрый, спокойный, миролюбивый старик оставил Православную Церковь, потому что верил более людям, чем Писанию. «Доказывал ли, – спрашиваю, – тебе Силуан по книгам, когда обвинял в разных ересьях Православную Церковь, к которой ты принадлежал?» «Нет, он был ученый, и я верил ему на слово». «Напрасно ты, дедушка, верил словам...»

С.К.: Как часто людей религиозных обвиняют в «слепой вере», между тем, слепота веры для православных – порок, а отнюдь не достоинство. «Слепая вера», как видим, до добра не доводит.

Н.С.: В деревне Осиновице есть крестьянин по имени Капитон, он в церковь не ходит, но не исполняет и обязанностей старообрядца. Крепки в его душе раскольнические мнения, но он в то же время интересуется такими вопросами,

как движение земли вокруг солнца, заслуги Колумба и проч., от которых как от чумы, бежали его предки- раскольники.

С.К. Ох уж эти мне сельские грамотеи, В голове – полная каша, а самомнения столько, что хватило бы на десять Колумбов.

Н.С.: Деревня Половоз. Мария Грачева живет в отдельной хижине со своей матерью-раскольницей. Мария – энергичная, вспыльчивая женщина, в расколе живет уже более полудесятка лет и так окрепла в своих верованиях и привычках что с убеждением и силой в голосе заявила нам: «Не выйду из веры, в ней умру». Мария – неграмотная, но от разных старообрядцев – соседей усвоила порядочно раскольнических мнений, её знания усилились особенно с тех пор, как в Половоз переселился филиппанин Андрей Волков.

В Андрее не виделось снисхождения, кротости, хотя бы и лицемерной. Лицо его дышало самоуверенностью, глаза – дерзостью, В поступках видна была отвага. Андрей ничего не слушал. Он взял книгу «Материалы по расколу» и, не обращая ни на что внимания, стал читать то одну, то другую страницу, пока женщина, его стяпуха, не увела ссобой расходившегося старика.

С.К.: Характернейшая черта всех сектантов и раскольников, включая современных. Они готовы говорить до бесконечности, но совершенно не способны слушать. Их рация всегда включена на «передачу», где находится кнопка «прием» они вообще не в курсе.

Н.С.: Василию, старавшемуся сдерживаться, не раздражаться, стало не по себе при раскрытии мысли о необходимости причащения и его вечности. Он горячился и говорил: «Если мы не причащаемся, то неужели Бог нас не спасет, не помилует, ведь Он милостив, будем просить: Господи, Господи – спасет Он нас».

С.К.: Говорить имеет смысл только ради того, чтобы в одном случае из ста встретить такого Василия.

Н.С.: Поршинцы, да и вообще жители Зыковского прихода апатичны к вере, им всё равно, какой бы веры не держались их жены, дети. Равнодушные к вере, они ни сколько не пекутся о духовном, не стараются узнать Слово Божие, оттого они народ совсем несведующий в делах религии и легковёрный. Бывали такие случаи: одна православная женщина уговорила свою сестру перед смертью оставить раскол и напутствоваться у батюшки. Это сделала она по сердечной вере в истину Православной Церкви. Но вот раскольники насаживали ей, что она погубила душу сестры, великий грех приняла на себя, и малосведущая женщина приходит к священнику со слезами на глазах, кается ему: «Что я наделала, погубила я сестру, которая была по вере, а я уговорила её оставить веру».

С.К.: Большинство людей всегда вот так же точно неустойчивы и своего мнения не имеют. Сейчас можно часто слышать: пусть люди сами выбирают. Но могут ли они, в состоянии ли они выбирать?

Н.С.: На руках Захара сидел малютка-внучек. «А что, де-душка, ведь ты не дашь своему внучку поесть из своей чашки? «Нет, нет», – решительно ответил лед.

С.К.: Хороша же та вера, которая побуждает деда брезговать собственным внуком.

Н.С.: Старики – очень добрые и мягкие люди, они были бы православными, если бы не удерживала их в расколе их дочь, Авдотья. Она, не старая женщина, расколу предана всей душой. Глаза её искрятся уверенностью и непоколебимым желанием хранить старую веру, в них заметна готовность умереть за двуперстие и прочие обряды.

С.К.: И враги человеку – домашние его.

В селе Новленском и его окрестностях

Н.С.: Здесь родился раскол давно, ещё в самые первые времена его появления на Руси. Семена лжеучений, вероятно, занесены сюда протопопом Иваном Нероновым, который одним из первых восстал против исправления богослужебных книг при патриархе Никоне.

Посеянные плевелы разрастаются. В духовных ведомостях за 1808 год в приходе Михайло-Архангельской церкви в числе раскольников отмечаются более 100 человек. В настоящее время здесь насчитывается 150 с лишним раскольников и столько же, если не более, кандидатов на принятие старой веры, с трепетом сердечным ожидающих, как сами выражаются, «того возжеленного дня», когда они будут перекре-

щены филиппанскими наставниками Православные называют веру старообрядцев новленскою.

С.К.: Если бы только протопопы Аввакум Петров и Иван Неронов видели, во что обратятся их последователи. Попы, конечно, не могли выступать за «беспоповство» и отвержение таинств. Но это сделали они- два безумных попа.

Н.С.: Сюда приезжают из Москвы благодетели – раскольники, которые раздают щедрые подачки своим собратиям. Недавно умершая раскольница – Михайло-Архангельского прихода, известная под именем мать Миропия, обладая значительными средствами, не жалела их для привлечения в стадо филиппан новых членов из православных семей.

С.К.: Вспомните угрюмого Парфена Рогожина и его старообрядческую семью из романа Достоевского, и картинка оживет.

Н.С.: Раскольники приходили, к сожалению, не с миром в сердце, а исключительно с целью во что бы то ни стало, хотя голосом, отстаивать свою правоту. Отсюда их буйное поведение, пренебрежение вопросами и разъяснениями миссионера и требование читать лишь то, что им хочется, отсюда их крики и шум... Девицы-раскольницы повторяли слова своих вождей, своими голосами поддерживая и усиливая шум, ими производимый.

На всех беседах Клавдиевы мешали правильному их ходу, они спешили высказать всё, что знают в вину Церкви, не задумываясь о порядке и связи речи. Они вдруг совершенно

неожиданно заговаривали то о том, то о другом предмете, любимом ими. Тяжело говорить с лицами, которые не хотят ни чего слушать и ни чему учиться, которые вследствие своей гордости считают себя непогрешимыми в понимании веры и великими знатоками Писания.

С.К.: И снова пытаюсь представить себе, как проповедовали святые апостолы, которых за миссионерские труды почти всех убили. И снова вспоминаю современных иеговистов, которым хоть кол на голове теши, они всё равно будут считать себя «непогрешимыми в понимании веры». Так было, так есть, так будет.

Н.С.: Крестьянин лет 20-ти с небольшим Федор Иванов в раскол ушёл ещё 18-летним юношей. Его склонили на свою сторону филиппане обманом. Выдавая за несомненную истину, они показывали ему разные подпольные книги, направленные против Церкви, останавливали его внимание на местах, способных сильно действовать на впечатлительную душу юноши. Он сделал для себя выписки из этих книг, их у него составила большая тетрадь. Федор внимательно слушал нас, потом ему стало не по себе от этих слов.

С.К.: И всегда среди тупой и злобной толпы найдется хотя бы один правдоискатель, которого действительно интересуется истина.

Из отчета епархиального миссионера о состоянии раскола в епархии за 1900 год

Раскол распространен по всем почти уездам Вологодской епархии. Наибольшее количество приходов с раскольническим населением находится в Вологодском уезде – 34, затем в Грязовецком – 29, в Тотемском -13, в Кадниковском -12. К началу 1901 года число раскольников в епархии достигало 7597 человек.

Самая распространенная секта – филипповская. В значительном количестве встречаются даниловцы-полубрачники, аароновцы-брачники, спасовцы, федосеевцы, странники. Есть так же поморцы, нетовцы, самокрещенцы.

Ненормальность такого явления в расколе, как постоянное дробление и разрозненность между членами беспоповщических общин сознается самими раскольниками, и среди наиболее рассудительных из них нередко возникали попытки придти к объединению «древнеправославной веры», но попытки окончились неудачей.

С.К.: Это вечный закон любого раскола: отколовшаяся от Церкви часть всегда продолжает до бесконечности внутренне дробиться на бесчисленное количество самостоятельных фрагментов, которые постепенно совершенно перестают быть похожими на «первораскольников». Во что выродилось, например, героические катакобники, восставшие против «сергианства» – без слез смотреть невозможно. Они так же раздробились на бесчисленное количество сект, порою – жалких, порою – омерзительных, но в любом случае – несколько не напоминающих первые катакомбные общины.

А разве лютеров раскол не постигла та же судьба? Сегодня к нам приезжают представители бесчисленного количества протестантских сект, на которые раздробилось лютеранство, и от которых в ужасе отшатнулись бы первые лютеране.

Любой раскол всегда порождает недовольством действиями церковной иерархии, а иерархия всегда дает к этому достаточно оснований. Но дело в том, что только единая церковная иерархия может гарантировать единство церковного вероучения. Оставшись без иерархии, любые раскольники вскоре начинают петь «кто в лес, кто по дрова» и разбредаются в разные стороны, как овцы, оставшиеся без пастыря. Раскол сам по себе – не ересь, но любой раскол постепенно приобретает черты ереси, потому что у раскольников «сколько голов, столько и озарений». Мы видели уже в какую чушь верили старообрядцы, сколько у них за 200 лет накопилось диких мнений. Вот что значит остаться без иерархии.

А представьте себе, что при большевиках Церковь не пошла бы за митрополитом Сергием. Оставшись без централизованного церковного управления, Русская Церковь распалась бы на множество сект, любая из которых сейчас выглядела бы столь же жалко, как и нынешние катакомбники.

Есть только одна реальная причина для того, чтобы заявить о своём неподчинении церковной иерархии: если иерархия вся совокупно впадет в явную ересь. Пока же «наверху» не исказили ни одного догмата, всё остальное надо терпеть, иначе всем конец. Увы, и ныне не всех убеждают

горькие исторические примеры того, как страшен раскол.

Н.С.: Минувшим летом пять семей, усомнившиеся в правоте «старой веры» из Белослудского и Нижнетоимского приходов Сольвычедского уезда во главе с крестьянином Иваном Гулиным, представителем белослудских аароновцев, задумали съездить в Москву и там на месте посмотреть и разузнать, какая вера истинная... На родину искатели истинной веры воротились ещё в большем смущении и сильнейшем подозрении относительно правоты раскола... «Видим, – говорят некоторые из них, – что мы в расколе, да исправиться тяжело. Как мужичек, когда выпьет вина, так и на другой день не может исправиться – всё голова болит. А ведь мы-то больше 30-ти годов вино-то это старое пьем. Тут не вдруг оправишься, всё болит.»

С.К.: Видите, как трудно бывает «включить обратку»? Православным стоило бы помнить хорошее правило компьютерщиков: прежде чем совершить какое-либо действие, подумай, сможешь ли вернуться в исходное положение.

Н.С.: В последнее время одним из могучих средств для усиления раскола и влияния его на православный народ, являются участившиеся случаи оправдания на судах пропагандистов, уличенных в своём преступлении. Православным частенько приходится выслушивать от раскольников такие мысли: «По закону равны, что ваша мирская Церковь, что наша – стародревняя. Миссионеров посылают только для того, чтобы все зараз не ушли из Церкви в старую веру».

Миссионеру приходится давать ответ на вопрос начетников. «Знает ли царь-то, что ты здесь ездешь?»

С.К.: Это общая черта всех времен и народов: судить о мире по узкому кругу своего общения. Если все мои знакомые смотрят телевизор, значит все люди смотрят телевизор. Если все вокруг меня – старообрядцы, так похоже, что один только миссионер и не старообрядец. И всё же нам сегодня трудно представить себе то общество, которое не было информационным, и то до какой степени отдельные группы населения были изолированы, ничего вообще об окружающем мире не зная.

Н.С.: Никита Худяков из Тотемского уезда рассказал: «Не столь давно ушла к филиппанам моя мать. Услышал я про это после её нового крещения и спросил, зачем и как она допустила совершить это над собою и принять на душу великий грех. «Все крестились, – твердо заявила мне мать, – и Катерина, и Марья, ну и мне время пришло». «Но ведь грешно, противно закону Божию это крещение». «Не велико и дело-то сделала. Три только раза окунулась, какой тут грех?» – отвечала мне моя простая мать».

С.К.: Думаю, многим из нас известны бесчисленные примеры подобного рода религиозной безграмотности, помноженной на религиозное безразличие и стадный инстинкт. В этом смысле ни чего не изменилось.

Н.С.: В расколе есть люди очень религиозные, старающиеся жить благочестиво, быть добрыми, отдающиеся подви-

гам и трудам от чистого сердца, но таких мало. Большинство же раскольников озабочены лишь точным исполнением всех мелочных правил. Ревнитель исполнения обрядов, считается ревнителем веры. Пастыри почти всех приходов, зараженных расколом, особенно, где есть федосеевцы, проповедующие свободную любовь, с печалью в сердце жалуются на господствующую в расколе распущенность, разврат с его темными сторонами.

С.К.: Поразительно, не правда ли? Суровый аскетизм раскольников, на который с немym восхищением смотрит средний православный, соседствует у них с разнузданным развратом, на который средний православный смотрит уже с немym отвращением. Но ни чего удивительного тут нет. Это соседство крайностей – характерная черта всех почти расколов и сект. Так, один из «епископов» современных катакомбников, гордящихся своей строгостью, выложил в интернете воспоминания откровенно порнографического содержания. Раскольников, оставшихся без здравого духовного руководства, вечно бросает из крайности в крайность.

Н.С.: Особенно резко дурною чертою у раскольников последнее время стала замечаться их жадность к деньгам. «Что неурядиц у нас с этими деньгами, – говорят иногда про своих заправил старообрядцы, – всех деньги смутили».

С.К.: Сколько мы последнее время наслушались про жадность православного духовенства, про «попов на мерседесах». Про сектантскую жадность почему-то никто не гово-

рит. Между тем и сейчас безудержное корыстолюбие иных протестантских пасторов способно куда больше поражать воображение.

Н.С.: Есть в епархии местности, где закоренелый раскольник не допустит православному идти по той стороне дороги, откуда дует ветер, ибо ветер, дующий через православного, может перенести с него на раскольника что-нибудь худое. В Нижнетоимском приходе есть обыкновение мыть скобу двери, когда за неё подержался православный. Там бывает у дверей даже 3 скобы, и истинные раскольники ни когда не осквернят себя прикосновением к «мирской» скобе. Среди новленских раскольников распространено такое мнение, что если священник едет или идёт, то всячески надо стараться уклониться от встречи с ним. Если же сделать этого ни как нельзя, лучше лечь на дорогу лицом к земле, и хотя бы священник проехал по спине, нужно терпеть, не подниматься.

С.К.: Мы уже приводили примеры брезгливости раскольников, но и эти будут не лишними. Окончательный вывод можно сделать такой: раскольники, считая себя самыми лучшими христианами, на самом деле являются носителями антихристианского мировоззрения.

Н.С.: Вологодский раскол груб и темен. Побороть его можно не сразу, а постепенными усилиями, неослабным трудом.

С.К.: Раскол в конечном счете победили большевики. Оставшиеся после советской власти весьма немногочислен-

ные старообрядческие общины уже не несут в себе ни какой духовной угрозы. Большевики довольно быстро поняли, что раскольники для них куда опаснее православных. Православные более вменяемы и адекватны, благодаря наличию у них единой централизованной структуры, с ними легче договариваться о лояльности. Раскольники по определению – подпольщики и партизаны, сам характер их бытия уже несет в себе антигосударственное, деструктивное начало, они фанатичны, их очень трудно отследить, с ними ни о чем невозможно договориться. Как следствие – раскольников почти не стало. Не много знаю о современных старообрядческих общинах, но могу уверенно утверждать, что за последнюю четверть века на территории Вологодской епархии они не разу сколько-нибудь заметно не пытались «мутить воду».

1901

В Кокшеньге

Н.С.: Деревня Цибуниха – предмет особенной скорби пастыря. Жители деревни – православные, и их много, но с храмом они почти не знакомы, религиозная потребность у них слаба. Придёт крестьянин в чужой дом, не перекрестится перед иконами, даже шапки не снимет, но сразу же начинает говорить о мирском. Дети боятся священника, которым, вероятно, их путают матери.

Раскольники считают бороду неприкосновенной. Среди них распространено мнение о великой важности бороды.

«Если выпадет из бороды один волосок, – говорят они, – ты шилом его приколи к прежнему месту» – мнение вполне напоминающее бесчисленные мелочные правила, за которые исполнителей их, книжников и фарисеев, Господь обличал.

С.К.: Мнение, увы, присущее не только старообрядцам. Однажды мне рассказали про одного современного православного семинариста, который был твердо уверен, что если у священника нет бороды, то и таинства его недействительны. С большим трудом товарищи и преподаватели убеждали его, что безбородые священники бывают, и что совершаемые ими таинства действительны. А как-то один современный православный священник сказал: «Благодать идёт на бороду». У него была замечательная борода, и не надо сомневаться, что с её помощью он уловил не мало благодати, хотя не всем так повезло. Боюсь, тут проявляются некоторые не лучшие черты религиозности русского народа, а у раскольников они лишь более ярко выражены и доведены до крайнего абсурда.

В Грязовецком уезде

Н.С.: Чем занять свой досуг религиозным и благочестивым жителям деревни и куда идти в воскресный вечер? Жажда слышать от божественного, жития святых мучеников и преподобных влечет их к грамотным старообрядцам, а те, ищущие случая показать свою набожность, с охотой берутся за книгу, приучая к чтению своих посетителей. Рассказы о

жизни подвижников раздувают томящееся в душе русского человека стремление к аскетизму, к подвигу и, благодаря постоянным столкновениям со старообрядцами, это стремление ищет осуществление в расколе, как вере, по установившемуся мнению, более строгой.

С.К.: Иногда начинает казаться, что тот мир был такой же, как наш, и вдруг понимаешь, что он был гораздо религиознее нашего.

Н.С.: Диакон Нуромской церкви Владимир Попов по воскресным дням вечером посещает деревню и там читает жития святых и беседует о вере с собравшимся народом.

Одна раскольница из деревни Небоса является на беседы с заранее намеченными вопросами.

С.К.: Это ли не главная радость миссионера: встретить человека, имеющего вопросы, да ещё и готового выслушать ответы. Но это редко.

Н.С.: Александр – старик, возбуждающий к себе сожаление и бедностью умственной, и тщедушностью физической. В предметах веры он не сведущ. Настоятельствует Александр, по его словам, благодаря просьбам своей братии. «Просили. Нужно же кому-то править духовное дело». Крестить и исповедовать он, простец, не смущается, потому что «нет теперь нигде архиереев и попов». О том, куда делись архиереи, наставник не задумывается.

С.К.: Как бы не заблуждались эти порою довольно убогие люди, но они не могли и не хотели жить без веры.

Н.С.: В деревне Прокудино я заходил к другому грамотному раскольнику, Купцову, который, веря, что теперь горькоплачевное время, нет пастырей, нет Св. Тела и Крови Христовой, нет брака, живет одиноко в своей келье.

С.К.: Разве не берет за душу эта трагедия религиозного одиночества? Человек в большой духовной беде, но сам характер беды вызывает к нему уважение.

Н.С.: Безграмотность и бедность религиозных знаний не позволяет большинству крестьян понять разницу между догматами веры и обрядами, побуждая отстаивать и защищать мелочи, забывая о самом важном в деле спасения. Дарья Нестерова заговорила о предметах по своей специальности – о числе поклонов, за несоблюдение которых она готова каждого причислить к еретикам.

С.К.: Обрядоверие наиболее ярко проявилась у нас в расколе, но это, увы, общая черта русской религиозности, и среди православных обрядоверия предостаточно.

На Северной Двине

Н.С.: Редко в Вологодской губернии попадаются места, где бы так, как здесь, на Северной Двине, сохранно уцелели устои и формы жизни, в каких представляется нам раскол старообрядчества в первые времена его существования. Твердость, даже окаменелость в держании устоев и обычаев не поддававшаяся всепобеждающему духу времени с его новыми веяниями, заставляет думать, что раскол на Двине име-

ет свои крепкие корни в сознании и сердце народном, что зародыши его появились здесь давно, с самого начала появления раскола на Руси

Первым насадителем раскола на Двине нужно считать протопопа Аввакума. После собора 1667 года Аввакум отправлен был в ссылку в Пустозерск, ему пришлось плыть по Северной Двине и останавливаться в раскинувшихся на её берегу поселках. В письме с Мезени игумену Феокисту Аввакум сообщал, что он «ехал из Москвы по городам и весям и промыслял словесные рыбы». Огненное слово экзальтированного Аввакума, именующего себя страдальцем за веру, нападки на церковную власть, не могли не производить впечатление и не действовать на темную массу народа.

С.К.: Смотрите, что творит «огненное слово». Один только раз проехался по здешним местам пылающий верою протопоп – и на 300 лет последствий.

Н.С.: Образа в моленных и раскольнических домах – произведения большей частью своих иконописцев. На Двине указывают несколько человек, которые занимаются разрисовыванием и писанием книг. Всех таких живописцев, всех наставников, да ещё людей слывущих за начетников, сытно кормит темный двинский раскол.

С.К.: Да, этот мир по своей угрюмой замкнутости не уступит и Сибири. Это вам не Грязовецкий уезд. Но дальше вы убедитесь, что раскольники здесь – такие же в точности чудаки, ни чем не отличаются.

Н.С.: В Пучковском приходе раскольники – народ темный, не начитанный, не сведущий в предметах веры. Но такие-то люди с апломбом, как хорошие знатоки, превозносят перед православными свою веру, выставя напоказ все свои сведения...

На просьбу, обращенную к Егору, занять место у стола с книгами напротив меня, как подобает собеседнику, Егор не обратил внимания, но сел, обнявшись с приятелем, на скамье около двери лицом к народу. Пришлось удовольствоваться и этим, потому что он, рассказывали мне, с помощником миссионера позволял иногда себе даже беседовать лежа в знак пренебрежения к православному учителю веры.

Во время беседы вдруг сорвался с места Зиновий и, схватив со стола большой катехизис, начал читать из него статью о перстосложении. Напрасны были попытки остановить его, он читал без удержу, обратясь к народу. Напрасны были просьбы мои, направленные к слушателям, заставить замолчать читающего, чтобы был в беседе порядок.

СК.: Главная причина любого раскола не в умственных заблуждениях, не в логических ошибках и не в недостатке знаний. Главная причина в стремлении ощутить свою исключительность и, ни чему не учась, тот час начать учить других. А мы в беседах с этими людьми уповаем на факты и на логику.

Н.С.: Раскол свил на Нижней Тойме крепкое гнездо. Насажению раскола содействовали тамошние священники, нетрезвые и невежественные. Здесь в 40-х годах были такие

два пастыря, которые открыто ушли в раскол, разнося заразу по всему краю.

С.К.: Пара таких вот веселых попов, не напрягаясь, перечеркнут усилия двух десятков миссионеров. И сейчас так. И никого не волновало и не волнует, что существование плохих священников ни чего вообще не доказывает.

Н.С.: Едешь в лодке по Двине, в руле и веслах – раскольницы. Всё настраиваешь их на беседу о вере, о спасении, о Церкви- корабле земном. В ответ на советы и убеждения – одни улыбки, да слова: «Поживем, погрешим и покаемся». «Смерть, – возражаю, – приходит внезапно, что же ответим перед судом Божиим?» «Не знаем», – отвечают раскольницы, и на лице их появляется та же улыбка, поражающая в самое сердце.

С.К.: Безрелигиозное сознание выглядит для человека верующего дико и страшно. К этому невозможно привыкнуть. А они на нас смотрят, как на сумасшедших. Так и живем.

Н.С.: Егор – раскольник некрещенный в Церкви, теперь ему 25 лет. Он очень любит читать книги и имеет много знаний, религиозных и исторических. Книги он берет у священника. Заметно, что теперь он на стороне православия. Ему хочется увидеть лицом к лицу древние подлинные книги. Нужно было видеть, с какой радостью и усердием Егор взвалил на свои плечи тяжелый сундук с книгами и стремительно стал подниматься по высокой горе.

С.К.: Это один из ликов Вечной Руси, которая от века дер-

жится на таких вот бесхитростных правдоискателях.

Н.С.: Пелагия имеет претензии быть в расколе лицом выдающимся. Ещё молодая, она носит темного цвета одежду, много постится. Часто читая книги, она считает себя способною понимать писание глубоко и правильно и признает себя способною быть учительницей других. К сожалению, умственное развитие Пелагии так слабо, что в её голове от прочитанного случился сумбур, в котором трудно разобраться. Недавно у Пелагии умер муж, с которым она, мнящая себя подвижницей, порвала супружеские отношения.

С.К.: Неисстремимый типаж. И сейчас таких предостаточно, причем не в расколе, а в Православной Церкви, но внутренне подобные люди всегда на грани раскола.

Н.С.: Беседовали мы с Александрой Никитичной мирно и спокойно о разных предметах веры, только вдруг она спохватилась: «Ведь вас бранить надо, звать вас антихристами», – полусерьезно заговорила она.

С.К.: Видите, как всё сложно. Сколько в расколе людей, созревших для православия? А сколько в православии людей, созревших для раскола?

Н.С.: Во Флоровском Павловотчинском приходе многие по нерадению и под влиянием насмешек и убеждений старообрядцев не очищают своей совести покаянием и причастием иногда по 10-20 лет.

С.К.: Так начинаешь понимать, кто после революции разрушал храмы.

НС.: В Сидорове Грязовецкого уезда некоторые крестьяне, томящиеся мучительным вопросом – где правда, попросили остаться побеседовать с ними частно в их домах. Один из таких крестьян, Матфей Никифорович, собрал свои книги, розданные по рукам соседей, чтобы в своих книгах увидеть, чем поражается старая вера.

С.К.: А эти люди не могли разрушать храмы. Не могли.

Из отчёта о состоянии раскола в Вологодской епархии за 1901 год

Н.С.: На дальней Печере такие предметы, как чай, картофель, дрожжи, спички, керосин, словом все плоды культуры, которые проникают на Печеру, сильно смущают раскольников. Всё это кажется им знаменами антихриста. Свободное пользование православными плодами культуры раскольники ставят в упрек Церкви.

С.К.: Вспомните, как некоторые православные ополчились на компьютеры, стоило им появиться, сравните со старообрядцами, и вы поймете, насколько и те, и другие комичны.

Н.С.: В глухих местах старообрядцы не возьмут почитать книгу, если она не в кожаном переплете и не с медными застежками. На просьбы показать Евангелие приносят Соловецкую челобитную и довольствуются только Псалтирью, не читая других книг.

С.К.: Думаю, среди тех, кто ныне в точности так же при-

ходит в ужас от штрих-кодов, тоже не лишка знатоков Евангелия.

Н.С.: Желание проповедовать и распространять свою веру у всех раскольников сильное. На праздниках, в деревне, в поле, на дороге – они всегда заводят с крестьянами речь о вере.

С.К.: Кто не видел на своём пороге проповедников – иеговистов? А православного миссионера вы когда-нибудь видели на своём пороге?

1902

В Кокшеньге

Н.С.: Весной, пользуясь пребыванием раскольнической инокини Иринархии в Вологде, я приводил её несколько раз в кафедральный собор к архиерейским богослужениям. Об этом узнали раскольники, составили собор стариков и старух для суда над ней. На соборе особенно сильно волновалась матушка Мария, которая боится выглянуть на свет Божий из скорлупы раскольнических мелочных правил. Она и другие требовали отлучения Иринархии от общения в молитве. Умная Иринархия возвысила, на собрании голос: «Святые отцы не запретили испытывать веру. Святой князь Владимир, когда надумал менять веру языческую и отверг идолов, посылал послов по всем народам узнать, где вера лучше. Боязно душу загубить. Ну как мы ошибаемся? И вам, честное собрание, советую посмотреть на ихнюю службу». Старики не

послушали фанатичных старух, Иринархия не была отлучена, хотя для формы и получила запрет ходить в православные храмы.

С.К.: И радостно и тягостно бывает находить своих скорее среди чужих.

Н.С.: То какой-нибудь Филарет перекушает почти насильно в проруби напутствованного священником своего брата, который после холодной ванны скоро умирает, то наставник Василий Степанов с единомышленниками совсем насильно затаскивают в крестильный чан умирающего, так же исповеданного и причащенного Святых Тайн старика-солдата, не любившего раскольников. И все молчат, а священник узнаёт об этом спустя уже некоторое время и поражается подобной вестью.

С.К.: Увы, в Православном Царстве не всё было благополучно. При равнодушном отношении к вере даже со стороны священников, сектанты получали возможность действовать нагло и открыто. Но Николаю Следникову и в страшном сне не могло присниться то, что творится сейчас.

В Домшине

Н.С.: На публичных беседах Коновалов был, по свидетельству очевидцев очень «лют», «резал» священников без всякого стеснения. Слова: «Аще кто не крестится двумя перстам, и якоже и Христос, да будет проклят», произносил таким тоном, что даже православных, не слышавших этого

страшного изречения, приводил в смущение, а о причащении, совершаемом в церкви, так говорил, что, по словам рассказавшего нам о беседе человека, «волосы дыбом становились».

С.К.: Вот каких проповедников хочет слушать русский народ, а не академиков, у которых всё умненько и логичненько. И если какой-нибудь академик обратит внимание на то, что проповедник сказал явную глупость – Христос не осенял и не мог осенять себя ни каким крестным знамением, так ведь ему могут ответить: «Ты, парень, шибко грамотный, а у человека посмотри какая вера».

В Удоре

Н.С.: Наименование «филиппане» мало знакомо населению Удоры. Их здесь называют «бозовы» по имени главного вождя и руководителя их Михаила Бозова. Это – слепой старец, богатый крестьянин из села Важгорта держащий весь филипповский раскол Удоры в своих руках и силою нравственного авторитета, и своим капиталом. Самоуверенный и независимый от филиппан, он мыслит и действует вопреки основным законам и требованиям этой секты. Был случай, когда он повенчал одного вдовца по вымышленному им обряду, и теперь Бозов открыто высказывается, что брак можно совершать и мирянину.

Он уже 40 лет, как слеп и теперь безвыходно находится в своей комнате, прикованный к постели болезнью. Не все-

гда можно пробраться к нему, с ним трудно разговаривать. Не редко приходилось слышать миссионеру и священнику: «Умрет Бозов, и перейду к вам в Церковь».

С.К.: Какие типажи, какие крупные люди. По силам ли было простодушным крестьянам понять, что харизма подобных религиозных вождей густо замешана на гордыне, то есть начале антихристианском.

В Грязовецком уезде

Н.С.: В деревне есть очень начитанный и понятливый крестьянский юноша Михаил, который часто рассуждает со стариками-раскольниками, но в некоторых пунктах православного учения сам не тверд.

С.К.: Поищите-ка вот таких ребят среди современной сельской молодежи.

Н.С.: В деревне Слободе, жители которой по отзыву приходских пастырей весьма равнодушны к церкви, мы были утешены умильной картиной. Во вновь устроенном хорошем помещении земской школы вечернею порою причт Почковской церкви совершил молебное пение Божьей Матери. Дети, выстроившись в ряды, участвовали в пении. За группой детей стояли взрослые. Служение, к которому они мало привыкли, давалось им с трудом, но стройное пение сыновей и дочерей трогало их сердце, воодушевляя в их душах молитвенное чувство. После служения присутствовавшие разместились по ученическим скамьям и с усердием в

течение трех часов слушали миссионера.

С.К.: Сейчас, когда говорят об «оскудении веры» перед революцией, не всегда понимают, что это оскудение было таковым по сравнению с очень высоким уровнем религиозности. На самом деле русский народ и тогда был и сейчас остается едва ли не самым религиозным в мире.

1903

Н.С.: В морозный день после праздничной обедни мы со священником ехали побеседовать о предметах веры в деревню Индалово, где предполагал поселиться после пребывания в столице раскольник Зайцев, уроженец этой деревни, имеющий у себя много книг. Народ знал о беседе. Об этом можно было судить по тому, что при нашем приближении к деревне на прилегающей к Индалову снежной равнине, поверхность которой серебрилась под лучами зимнего солнца, стали показываться темные фигуры людей, направляющихся к деревне, занесенной снегом. Недалеко от Индалово на дороге мы обогнали седого и довольно уже дряхлого старца в большой меховой шапке и с посохом в руке, на который он опирался, видимо, утомленный от нелегкой для его возраста ходьбы. То был церковный староста, человек религиозный, благочестивый и страдающий о заблуждениях старообрядцев, по темноте своей и упорству пренебрегающих Церковью...

Скоро в комнате появились всегда первые посетители на-

ших бесед – малыши. Их серые, голубые, карие глаза с любопытством были устремлены на кучу полупудовых книг, которые в порядке были разложены на столе...

«Когда старообрядцы удаляются от Святых Тайн, они делаются, по словам Кирилла Александрийского, Богу врагами, а бесам друзьями». У сидевшего напротив меня пожилого толстого крестьянина по фамилии Шахов при этих словах передернуло лицо, и в глазах появился злой огонек. «Причащение совершалось до патриарха Никона, теперь его нет, поневоле будешь жить без него, – с сердцем высказал он. – Причастия теперь нет, потому что попы худы: пьяницы, табашники...»

Поздно вечером в темноте разбрелись они по своим логам, тихо переговариваясь по поводу того, что выслушали и поняли они во время беседы.

С.К.: Для меня в этом фрагменте, как впрочем и во всем дневнике, самое драгоценное – образ рассказчика. Каким замечательным человеком и христианином был Николай Николаевич Следников. Ревностный, пылающий верою, не боящийся правды и не отворачивающийся от язв народной души, он искренне любит крестьян и переживает за них. А сколько поэзии мы видим порою в его описаниях. Это был настоящий христианский романтик, совершенно чуждый той «казенной веры», за которую часто упрекают служителей Церкви той поры. Следникову можно верить, и тот крестьянский мир, который выходит из-под его пера – это

реальный и очень привлекательный мир, не смотря на все свои пороки. Как жаль, что этот мир был разрушен.

Буйство раскольников

Н.С.: Около села Новленского, среди деревень с раскольниковым населением, находится Тетерниковская моленная, окруженная домиками – келейками, число которых постепенно растет, потому что более ревнующие о соблюдении обычаев старообрядцы со всем своим имуществом переселяются сюда на постоянное жительство. Здесь по временам московский купец по имени Тимофей, восседая в кресле, как бы священнодействуя, вручает из большой чашки серебряные рубли и полтинники каждому приходящему к нему и целующему руку его раскольнику...

«У вас всё извращено, – закричал на всю комнату Клавдиев, забыв об условии говорить по 10 минут, – у вас говорится «во веки веков», а это ересь. Подавай Кириллову книгу.» Шалопанов стал вырывать её из моих рук. Не слушая объяснений, он стал осыпать нас потоком самых отборных ругательств. «Ты дьявол», – кричал он священнику. «В тебе – бес», – громко, почти иступленно выкрикивала его сестра – раскольница. Мы запели молитвы... Пение несколько отрезвило устроителей беспорядков. Впрочем, один из них, старик Ступнев, доселе сидевший с открытой головой, надел шапку и в ней стоял до конца пения.

С.К.: Советская атеистическая пропаганда очень любила

для борьбы с любой религией использовать описание раскольнического быта. Помню не один фильм, в котором очень ярко и убедительно было показано на примерах старообрядцев, как это ужасно – верить в Бога. С точки зрения безбожной пропаганды, это был тактически очень эффективный ход. Мы видели на экране психически ущербных, угрюмых и мрачных людей, боящихся жизни, чуждых её вполне невинных радостей, склонных к подавлению чужой воли и несущих на себе печать подавленности. И ведь по отношению к старообрядцам, сектантам всё это было в основном правдой. А советские люди, развращенные атеистической пропагандой, искренне считали, что таково – лицо религиозной веры вообще. Дошло до того, что – любого церковного православного человека уже начали называть сектантом. А я вот сейчас пересмотрел бы те фильмы и, думаю, что не без пользы, но уже не как атеистическую, а как антисектантскую пропаганду.

Один из многих

Н.С.: Он тяготеет к Церкви, он верит в необходимость священства, не отвергает таинств, но живет по келейному, потому что сильно смущается вопросом, почему на иконах благословляющая десница Спасителя изображается различно и т.д. Для человека, не знакомого с той ерундой в которой живет этот сомневающийся брат, кажутся странными его искренние потуги разрешить то, что так легко и просто

разрешает всякий, не выросший в атмосфере обрядоверия. Как креститься- тремя или двумя перстами, как произносить имя Христа Спасителя: «Исус» или «Иисус» имеет важное значение для раскольников, полагающих в этих предметах суть религии и продолжающих отстаивать свои обряды со стойкостью, мало уступающей той, какую имели первые раскольники, готовые со спокойствием всходить на костры за букву «аз».

С.К.: Как-то один еврей, перешедший из иудаизма в православие, рассказывал о том, что и доныне душа его невольно содрогается, когда он видит целиком написанное слово «Бог», а не «Б-г», как это принято в иудаизме. Этот человек давно уже всё понял и осознал, но иудейские рефлекс-ы коренятся в его душе настолько глубоко, что неизвестно, удастся ли их когда-нибудь изжить. Так же и обрядоверие – это не просто наивное заблуждение, вызванное религиозной безграмотностью, это глубокая духовная проблема, которую невозможно снять одними только разъяснениями. И неизвестно ещё, надо ли её снимать. Ты ему докажешь, что «вера не в перстах», а он в Бога верить перестанет.

Н.С.: Среди присоединившихся к православию есть видные лица в двинском расколе – крестьяне Иван Васильевич Гулин и Евдоким Антонович Шестаков. Первый из них, отличаясь начитанностью, светлостью ума и наблюдательностью, слыл за главного управителя двинского раскола. В постановлениях раскольнических соборов Иван Гулин имено-

вался «великим столпом веры древняя и адамантом истины». Усердное чтение древних книг и беспристрастное отношение к читаемому вразумило наставника и водителя раскольников, в каком страшном положении находятся они, и он – «наставник, незаконно вошедший в чин учительства и восхищающий недарованное». Ныне И.В. Гулин открыто встал на сторону Церкви. Одна женщина – раскольница, не стесняясь, говорила: «Лучше бы я своими руками спалила его со всем домом, чем всё это видеть».

С.К.: И ныне, беседуя с сектантами, раскольниками и прочими врагами Церкви, всегда надо держать в уме, что среди этих «Савлов» может найтись «Павел», к которому завтра ещё и за советом придем.

Н.С.: Крестьянин Крюковского прихода Василий Волков 30 лет живший вне общения с Православной Церковью и хваливший странничество, надумал окончательно сделаться его последователем. Он ушел в раскольнический скит, находящийся в 4-х верстах от села Беседного, и тут прожил 20 недель. За это время он увидел, как на самом деле мрачна жизнь странников, старающихся казаться подвижниками. Особенно его поразила нахальность «бегунов», содержавшихся за счет Волкова и требовавших от него денег для удовлетворения разных своих прихотей. Пребывание в скиту было для Волкова уроком, он искренне обратился к Церкви.

С.К.: Не устану поражаться тому, сколько упорных правдоискателей обреталось среди простых крестьян. Это ведь не

интеллектуалы, им трудно было разобраться в тонкостях веры, но они дышали верой, и они находили правый путь.

Н.С.: Священник Щугорской церкви рассказывал, что дети идущие в церковь, подвергаются нападениям со стороны раскольнических детей. Впрочем, многим детям раскольников нравятся порядки жизни и обучения в церковных школах, их родители нередко навещают школу во время занятий и оставляют её удовлетворенными. Другие дети, несмотря на запрещение от родителей, охотно усваивают молитвы и церковную историю, а от родителей это скрывают.

С.К.: К 1917 году эти дети станут молодыми крепкими мужиками. На чьей стороне они будут?

У воинственной раскольницы

Н.С.: Ещё с раннего утра дул сильный ветер. В полдень поднялась вьюга. Кипело, как в котле, по народному выражению. Все сидели дома, в такую метель – не до работы. Была полная надежда, что хотя бы от скуки, усиливающейся от завывания ветра, на беседу явятся даже равнодушные и ленивые, которые ранее отсутствовали на наших собраниях. Однако, надежды наши не оправдались, и мы пошли по домам...

...«Не хочу вас слушать, убирайтесь» – соскочив со скамьи, закричала раскольница, – я вас голиком выгоню», – и она бросилась на кухню, где был у неё голик. В это время дверь отворилась, и в ней показался священник с книга-

ми. Раскольница заметалась, глаза её загорелись злобой. Она схватила табуретку и бросилась на нас, затем стремительно направилась из избы. Ожидая больших неприятностей, мы поспешили за ней. Опасения наши оправдались. Вблизи кельи была куча длинных и тонких еловых кольев. Она схватила один из них и замахнулась им на нашу сторону, крича: «Подойдете – первого хвачу – разобью». Освирепевшая раскольница вполне могла привести свою угрозу в исполнение, и мы сочли за лучшее не прямым путем добираться до школы, но задами, через глубокие сугробы снега.

«Храбы же вы, она и с топором могла броситься на вас, она терпеть не может Церкви», – услышали мы при рассказе о нашем посещении раскольницы от крестьян.

С.К.: Вы, конечно, обратили внимание на то, сколько героической романтики в настоящей миссионерской работе. Можно роман писать «Как закалялся миссионер».

Н.С.: Некоторые даже считают грехом чисто мыть свою избы, так что иногда упрекают православных за их заботу о чистоте комнаты: «У тебя теперь так чисто, а каково за это будет на том свете?» Нам приходилось видеть старух-раскольников, которые ни когда не бывали в бане и ни когда не моют даже своего лица. Не моются раскольники главным образом ради подвига, а потом – из опасения оскверниться.

С.К.: Если бы кто-то захотел создать пародию на православный аскетизм – лучше не получилось бы. Враг рода человеческого – большой мастер пародий. А на что он ещё спо-

собен?

Н.С.: Горе православным женщинам, попавшим в раскольническую семью. Придет она из храма после венчания, ещё на крыльце перед входом в дом родственники-раскольники заставляют переменить троеперстие, которым она привыкла креститься, на двоеперстие. Придумывают разнообразные поводы, чтобы не пустить её в церковь. При стойкости в убеждениях православной женщины ярые раскольницы прибегают даже к истязаниям, чтобы достигнуть своей цели.

С.К.: Вот это и была самая настоящая гражданская война, и война эта шла за самое главное, что только есть в жизни человека.

Н.С.: Девушка-раскольница 17-и лет в деревне Петряеве ищет истинной веры. Ищет искренне, настойчиво, сознательно, с мужеством. В ней есть искра Божия. Как ни язвят её подруги и соседи, она (старается тайно) ходит к одному ревнителю православия учиться грамоте с единственной целью – приобрести навык читать книги, чтобы найти и утвердиться в неповрежденной ересью вере.

С.К.: Представьте себе какой-нибудь модный петербургский салон той поры, как водится, битком набитый разного рода «богоискателями», развивающими мудреные религиозные теории, и вы почувствуете, что они – никто и ничто перед этой незаметной крестьянской девушкой. Ведь её интересуется только истина и ничего более, а они... «все непонятное говорят, образованность свою показать хотят».

Н.С.: Прошлый год унес одного из деятельных и незамеченных ревнителей православия – Михаила Погожева из деревни Подкуста. На наших беседах уже не сидел этот старик-слепец около нас, ранее с глубоким вниманием слушающий, какие ответы давать ему раскольникам, когда они будут донимать его своими вопросами. Михайло жил в страшной бедности. Сколько раз раскольники, не жалея денег для завлечения его в свои сети, уговаривали старика перейти в их веру. Глух был покойный к искушениям коварных людей. Он боролся с раскольниками, раскрывал неправильность их веры и претерпел до конца. Мир праху твоему, неподкупный сын Церкви.

С.К.: Известен ли нам этот тип крестьянских «рыцарей веры»? Ведь мы же вообще ни чего о них не слышали.

Рассказ ямщика

Н.С.: После оживленной беседы со странниками, меня вызвался вести до ближайшей станции молодой, серьезный, любящий Церковь крестьянин Николай. Мы проезжали с ним через лес. Спокойно стояли вечно зеленые громадные сосны и ели, обложенные комьями снега. Через раскидистые ветви деревьев радостно выглядывало весеннее солнышко, начиная пригревать землю своими лучами. Кое-где робко чирикали птички. Наша лошадка быстро неслась по проторенной дороге. Скрипел снег под полозьями санок. Мы ехали молча. Ямщик первый прервал молчание...

«Много избушек ранее находилось в этом лесу, – заговорил он. – В них жили странники. Привольная жизнь в лесу манила и старых и молодых. Они оставляли свои дома, селились в чащах и хорошо устраивались тут. Особенно хорошо было у старца Изосимы. Вблизи маленькой теплой кельи журчал ручеек. Вода в нем чистая, светлая. За избушкой – десяток ульев-колод. Любил старик ходить за пчелами. Чего-чего не было у Изосимы, братия нанашивала ему всякого добра. Думаю, что не ради спасения своей души пришёл он сюда. У него была жена, дети малые, и он их бросил, не захотел трудиться».

С.К.: Удивительное дело: В дневнике епархиального миссионера с годами всё чаще и чаще появляются пейзажные зарисовки. Может быть он, изнемогая от постоянных картин духовного мрака, старался отдохнуть душой, созерцая прекрасный Божий мир. Может быть, это такой миссионерский прием, имеющий целью облегчить чтение и сделать его интереснее. Но главное тут, наверное, в понимании того, что русская религиозность неотделима от русской природы. Раскол существует не в безвоздушном пространстве. Сам окружающий нас замечательный мир Божьего творения, зеленеющий и цветущий, поющий птичьими голосами, ежеминутно дающий нам возможность ощутить радостную полноту бытия – главный обличитель угрюмого и мрачного раскола.

Кузюки (Никольский уезд)

Н.С.: Поезд быстро мчался по гладкому, ровному, как скатерть, полотну Котласско- Пермской железной дороги, оставляя позади громадные хвойные леса, тянущиеся по той и по другой стороне пути. Раздался гудок паровоза, и эхо его звонко отозвалось в глубине девственного леса, скрывающегося за горизонтом. Поезд стал уменьшать ход. «Станция старообрядческая», – заявил кондуктор при остановке поезда.

Первые семь верст от станции по направлению к починкам – топь. Ехать по ней невозможно. Лошадь вязнет и утопает в липкой грязи, едва двигаясь вперед, мы эти версты пробирались по бревнам, раскиданным рукою крестьян, когда они прорубали дорогу к железнодорожной станции. Приходилось идти с большой осторожностью, по местам прямо балансировать, чтобы не погрузиться в жидкую грязь. Соскользнешь с бревна и опустишься в болото. По обеим сторонам дороги – лесная чаща из елей, берез и осин. Куда не кинешь взгляд – везде дикая, но очаровательная в своей простоте заросль. Глаз услаждается словно искусною рукою насаженными кустами зеленых с громадными, как у восточных пальм, листьями папоротников, у подножия которых приютились семейства голубых незабудок. Там и сям около пней виднеются бледно-розовые цветочки северной полянки. Над лошадей тучи комаров, над нами – тоже. Отмахиваемся от них широкими листьями папоротников, но напрасно. Жарко. Пот ручьями льёт с лица. Но вот кончился лес.

Мы вздохнули легче. За полем открылся хутор – несколько домов в густой зелени деревьев. Это починок Максим, своим видом производящий такое впечатление, что тут у жителей – всего полная чаша. В починке все жители – раскольники.

С.К.: Вам не кажется, что последнее слово этого фрагмента звучит резким диссонансом ко всему его строю? Кругом так хорошо, тяжеловато, конечно, но всё равно хорошо, и вдруг – раскольники. Аномалия, противоречащая естественному строю земного бытия.

1905

Н.С.: Первородный сын Церкви Государь наш издал закон о веротерпимости. Старообрядцы ныне получили право иметь свои моленные, наставников, освобождающихся от воинской повинности и податей, монастыри.

«Государь-то ныне за нас, – с жаром повествует одна старушка-старообрядка. – Недавно он был в нашей моленной в Питере. Вею службу батюшка на ногах выстоял. Говорил нашим: «Знаю, что церковная вера – неправая, да делать мне нечего». На прощание много денег дал на моленную».

«Царь на нашей стороне – с горячностью говорил соседям молодой старообрядец- спасовец, – если кто нас теперь назовет староверами – в морду залеплю. Пойдете жаловаться – ни какой суд меня не накажет за это». «Да вы молитесь ли за царя-то, за милость?» Старообрядец заградил уста. Он не молится за благочестивого Государя.

Недавно вернувшийся из Москвы Самсон-старовер говорил православным, что миссионеры теперь уже не будут ездить, а про меня разнесли молву, что я ушёл в старую веру.

С.К.: Следников ни одним словом не выразил своего отношения к изменению религиозного законодательства. Он, искренний монархист, не мог осуждать действия Государя. Мне кажется, он даже думать запрещал себе о том, что царь что-то сделал не так. И всё же, разве не почувствовали православные, боровшиеся с расколом, что их предали? Получилось, что все их труды были напрасны.

Н.С.: «Теперь много наставников, у каждого своё стадо, на всех хватает дела, а когда официальный-то наставник будет – пойдет рознь». Василий Немытышев убедительно просил нас сообщить ему, не будут ли насильно заставлять старообрядцев строить моленные и избирать официальных наставников. Этого они более всего боятся. Удивительно, ранее раскольники с негодованием высказывались по поводу преследования их предков правительством, ныне же недовольны дарованной свободой.

С.К.: Боялись они, конечно, напрасно, но логика их страха вполне понятна. Старообрядцы решили, что во всем теперь уравниены в правах с православными и жить теперь будут во всем, как православные. Раньше они могли попрекать Церковь её исключительным положением в империи, но ведь они же прекрасно видели, как Церковь корчится под государственным руководством, делая только то, что велит её

власть. И вот тут они вздрогнули- а что если и с ними теперь будет так же? Им вроде бы как бы даровали свободу, но не получится ли так, что на деле у них свободу отберут? Они вдруг почувствовали, что раньше-то как раз они и были свободны. Это очень актуальная для нас проблема. Мы не всегда понимаем, что государственная Церковь есть Церковь порабощенная.

Н.С.: «А я так не попал в раскол», – сказал смелый мальчик лет 12-13, когда женщины выражали свои колебания, не окреститься ли им «в веру». Он рассказал: «В прошлом году я заболел зимой. Тяжело лежал. А староверы всегда тут и есть, где появится больной. Пришли ко мне и стали уговаривать перекреститься. Отец говорил мне: «Как хочешь», а мать твердит: «Надо исправиться». Я не хотел. Поучившись перед тем полгода в школе, я узнал, что старая вера – не истинная. Мать сильно настаивала на своём, пришёл уже в избу и наставник Андрей. Стали готовить воду для крещения. Я, хоть и слаб был, выбежал на улицу. Не хочу идти в старую веру. Так и остался православным.

С.К.: Так и остался православным... Маленький исповедник в одиночку пошёл, против всего свихнувшегося взрослого мира. Такие мальчики на Страшному Суде обличат раскольников, которые будут говорить: «Мы не виноваты, все вокруг нас так верили, это родители велели нам принять старую веру».

Н.С.: Недавно рассказала нам одна учительница, что она

познакомившись с несколькими вдумчивыми женщинами и сблизившись с ними, стала читать им сочинения Глеба Успенского, которые, по её мнению, должны быть сродни душе крестьянина и понятны им. И что же? Послушали – послушали женщины и сказали учительнице: «А этот, что написал книгу, святой отец или нет?» «Нет», – отвечала учительница. «Ну так прости Христа ради, оставь уж это чтение, нам бы от божественного».

С.К.: Наша интеллигенция, устраивая «хождение в народ», никогда не знала, чем живет русское крестьянство, что ему дорого, в чем оно нуждается. И мы сейчас очень плохо об этом осведомлены. А вот Николай Следников знал крестьянство и знал очень хорошо.

Н.С.: Много в деревне нужды, картины народного горя терзают моё сердце. Много в деревне диких суеверий, страшных пороков, проявлений вражды, злобы, гордости. Все средства надо испробовать, всеми мерами воспользоваться, чтобы проник свет Христов в крестьянское население, окутанное тьмой, чтобы он открыл крестьянам путь к Богу, к Небу, чтобы при помощи Божией достигли дети духовные чистоты сердца и вечного спасения.

С.К. ...И тогда не будет у нас ни каких революций.

Послесловие

Прошу простить меня за то, что своими комментариями мешал знакомиться с фрагментами дневника епархиального

миссионера. Да что же делать, если даже самый незначительный фрагмент этого дневника прямо-таки взывает к комментарию. У других читателей, очевидно, были бы другие соображения по поводу прочитанного, может быть противоположные моим. Можно со мной не соглашаться, да и со Следниковым – не обязательно. Я лишь хотел показать, что самый незначительный фрагмент этого уникального документа достоин отдельной мысли, что на нем надо обязательно остановиться и задуматься.

Какие уроки преподавал в конечном итоге этот дневник лично мне?

Во-первых, я узнал, что жили тогда на Руси такие замечательные люди, как Николай Следников. Мы ни чего не знаем об этом русском типаже. Откуда? А ведь для нас очень важно понять, что такие люди были. Мы ещё встретимся на страницах этой книги с Николаем Николаевичем, когда его будут звать уже по-другому.

Во-вторых, тут море уникальной информации о состоянии старообрядческого раскола на рубеже XIX-XX веков. Для историков эти сведения бесценны.

В-третьих, эти факты дают возможность сделать некоторые выводы о природе раскола как такового, то есть любого раскола. Сейчас, когда вокруг нас, пусть и не в таком количестве, начинают действовать раскольники катакомбно-зарубежного толка, нам очень важно понять, до какого состояния духовного мрака и убожества доводит любой раскол.

В-четвертых, и это, на мой взгляд, самое важное, миссионерский дневник даёт информацию к размышлению о характере религиозности русского народа накануне революции. Конечно, на основании одного только этого документа окончательные выводы сделать невозможно, но их тем более невозможно сделать, игнорируя такие документы.

Меня более всего поразило количество искренних и упорных богоискателей, которые стремятся к истине вопреки всему и несмотря ни на что, причем они встречаются как среди раскольников, так и среди православных. Такие люди всегда единичны даже среди самых религиозных народов в самые религиозные эпохи. Если среди верующих мы встречаем хотя бы одного на тысячу, способного к самостоятельному поиску истины, так это уже много, а здесь целая россыпь таких образов, и если тогда такие люди встречались буквально один за другим, так уже становится невозможно поверить в то, что накануне революции русский народ якобы был равнодушен к вере.

Конечно, развернувшиеся перед нами картины духовного мрака ужасны. Но они дают возможность объективно посмотреть на ситуацию и не должны нас смущать. Если разобраться, то всё это было всегда, а бывало и похуже. Даже самые религиозные эпохи русской истории при ближайшем рассмотрении дали бы нам не мало картин такого рода. Люди, которые дышат искренней, глубокой и чистой религиозностью всегда в меньшинстве.

Впрочем, не стану сильно настаивать на этих выводах. Настаиваю лишь на том, чтобы мы старались честно и вдумчиво относиться к истории русского православного народа.

Прилуцкий век

1892-1992

Предисловие

Смысл человеческой истории ускользает от тех, кто склонен рассматривать и оценивать её по частям. Мы никогда не поймем, чем была для России советская власть с лютыми гонениями на Церковь, если не узнаем правды о предреволюционном периоде, о том, как жила и чем дышала Русская Церковь накануне глобального катаклизма. Мы не сможем правильно оценить особенности церковного возрождения постсоветской эпохи, если не поймем из какой реальности оно выросло. В Вечности все события существуют одновременно, и там, надо полагать, общий смысл земной истории ясен, как Божий день. Нам не дано пока смотреть из Вечности, но, может быть, есть смысл учиться этому уже сейчас, стараясь охватить взглядом одновременно несколько эпох. Постараемся, сколько сможем, преодолеть фрагментарность, дробность своего восприятия и в какой-то мере это, может быть, уберезет нас от поверхностных и легковесных суждений.

Вот история одного из бесчисленных русских монасты-

рей – не самого большого, но и не самого маленького. Спасо-Прилуцкий монастырь на окраине Вологды избежал, как громкой славы, так и полной безвестности. Он типичен. Возьмем ровно сто лет его истории – от празднования 500-летия преставления основателя монастыря прп. Дмитрия Прилуцкого до празднования 600-летия. Этот век вобрал в себя три эпохи: имперскую, советскую, демократическую. Эти три совершенно непохожих друг на друга реальности тем не менее составляют единый, органичный процесс, в рамках которого всё взаимосвязано и взаимообусловлено. Сможем ли мы почувствовать органичную взаимосвязь событий?

Конечно, нам не дано написать детальную, подробную историю прилуцкого века. Стали известны лишь отдельные разрозненные факты – порою не слишком значительные, порою выхолощенные официальной интерпретацией, порою вырванные из контекста, который невозможно восстановить. Может быть, самые важные ключевые факты так и станут для нас навсегда неизвестными. Что же делать? Чем богаты. Постараемся же компенсировать скудность наших сведений вдумчивым отношением к каждой самой незначительной детали. Этот текст, как ни какой иной, вынуждает читателя быть соавтором.

Если для вас важна духовная правда русской истории, если вы не боитесь того, что эта правда может оказаться шокирующей, если вы готовы к тому, что под напором неудобных

фактов внутри вас начнут рушиться сложившиеся представления и устоявшиеся стереотипы, настойчиво требуя новых подходов и интерпретаций, тогда лучших соавторов я и пожелать для себя не могу.

Часть первая

В поисках утраченного монастыря

I Посох преподобного Димитрия (1892-1908)

Из достопримечательностей, находящихся в Церквях и хранилищах монастыря,

надлежит отметить: фелонь преподобного Димитрия из старинной шелковой материи

с оплечьем из бархата и крашенной подкладкой. Может быть, дар Димитрия

Донского. Деревянный черный костыль преподобного Димитрия с железным

наконечником, обшитый красным бархатом и обвитый золотым кружевом.

Г.К. Лукомский. 1914г.

11 февраля 1892 года Вологодский второклассный Спасо-Прилуцкий мужской монастырь торжественно праздновал пятисотлетие со дня преставления преподобного Димитрия Прилуцкого чудотворца, основателя монастыря, о чем подробно сообщали «Вологодские епархиальные ведо-

мости»:

«По сему случаю проходило в названной обители нарочитое празднество в честь великого угодника Божия, одного из древнейших святых земли Вологодской, в самый день празднества в 8-ом часу утра перед началом литургии совершен был из Вологды крестный ход в Прилуцкий монастырь с чудотворными и другими иконами города. По прибытию к монастырю крестный ход встречен был в Святых воротах настоятелем и братиею, после чего внутри монастырской ограды совершено было крестное обхождение вокруг соборного храма, в котором почивают мощи преподобного Димитрия. Во время этой процессии общее внимание богомольцев обращено было на облачение настоятеля, который имел на себе древнюю фелонь преподобного Димитрия, и вместо архимандритского жезла опирался на игуменский черный костыль того же угодника».

О, этот елейно-официозный стиль церковных репортажей!.. Как мало он говорит о подлинном духовном содержании события, будучи призванным вызвать у читателя некое среднестатистическое умиление. А между тем мы сталкиваемся тут с большой духовной загадкой. Прилуцкий настоятель архимандрит Анатолий, облачившись в фелонь преподобного Димитрия посягнул на многое, даже на очень многое. Что происходило в то время в его душе, какие чувства её наполняли? Во время крестного хода отец Анатолий фактически символизировал собой фигуру преподобного Димит-

рия. Его ли это была мысль, а если не его, то легко ли он её принял? Не страдал ли он от чувства собственного недо­стоинства, неся на плечах фелонь и держа в руках посох ве­ликого святого? А может быть он вообще не придавал все­му этому сколько-нибудь серьезного значения, воспринимая происходящее, как некое театрализованное действо? Если бы мы могли перенестись на сто лет назад, ответы на эти во­просы мы имели бы надежду прочесть на лице архиманд­рита Анатолия, но мы не видели его лица, и содержание его души навсегда останется для нас загадкой.

С какими чувствами слушал отец Анатолий выступление ректора Вологодской духовной семинарии протоиерея Иоан­на Лебедева? А может быть он его вообще не слушал, про­пуская мимо ушей, как ни чего не значащий плавно текущий официоз, способный лишь убаюкивать? Между тем, отец Иоанн говорил:

«Господь прославил угодника Своего тою славою, какая уготована всем благим и верным рабам Его. По ходатай­ству преподобного неоскудно потекли помощь и заступление всем, с верою прибегающим к раке цельбоносных мощей его, или молитвенно взиравшим на священное его изображение. Много перемен совершилось за этот период времени в жиз­ни нашего Отечества, много сменилось поколений, бывших свидетелями разнообразных превратностей судьбы, по воле Божьей пережитых нашими предками, изменилось даже са­мо лицо земли в крае нами обитаемом. Много бед и злоклю-

чений испытала и святая сия обитель, а ни область тления, ни область забвения не коснулись останков святого основателя ея. Снова пройдут века, снова будут меняться поколения и чередоваться события в судьбе нашего Отечества, а память праведного и гроб его, твердо верим, неизменно пребудут с похвалами среди всех устремлений потока времени, до того самого дня, в который по воле Вседержителя положен будет предел бытию этого мира».

Хорошие слова. Правильные. Пожалуй, даже очень правильные. И, как всегда в таких случаях бывает, мало говорящие уму и сердцу. Но, может быть, лицо отца Иоанна, когда он произносил эту речь, светило настоящей духовной радостью, а голос его дрожал от волнения, проникая в сердца слушателей? Тогда всё меняется. Но ведь это неизвестно.

Тот, кто дерзнул, «писать историю», должен понимать, что поставил перед собой задачу заведомо неосуществимую, потому что подлинная история – в душах людских, а они всегда сокрыты от нас. Что мы знаем о том давнем празднике? Например следующее:

«Празднество закончилось в кельях настоятеля обеденною трапезою, в которой участвовали кроме служивших литургию преосвященного Израиля, епископа Вологодского и Тотемского, трех архимандритов, четырех протоиереев и пяти священников и некоторые из приглашенных почтенных лиц города».

Не сомневаемся, что число духовных особ было подсчи-

тано безупречно. Если это что-нибудь значит. Хотя, что-то, конечно, значит. Очень трудно судить о том, что имеет значение для истории.

Протоиерея Иоанна Лебедева через пару месяцев после праздника поразил ревматизм, но батюшка встал на ноги. Приступ повторился через год с небольшим, 2 июня, накануне летнего праздника Спасо-Прилуцкой обители. Потом ещё через год и опять в июне, в форме гораздо более тяжелой. Почему-то обострение болезни случалось у отца ректора именно накануне праздника, из-за чего он не мог сослужить архимандриту Анатолию во время праздничного богослужения. А ведь они всегда служили эту службу вместе, потом обедали в настоятельских покоях, но вот с 500-летия этот обычай прервался.

2 июня 1895 года архимандрит Анатолий служил всенощную опять без отца Иоанна, а на следующий день, в самый праздник, он узнал о том, что вчера, именно вво время всенощной, тот скончался.

Имеет ли история болезни ректора Вологодской семинарии отношение к истории Спасо-Прилуцкого монастыря? Как знать.

Архимандрит Анатолий (В миру – Александр Смирнов) был сыном пономаря Николаевской Пеньковской церкви – Грязовецкого уезда. Закончил Вологодскую семинарию и в

1885 году был рукоположен во священника, служил в Николаевской Толшемской церкви Тотемского уезда. Не похоже, что он когда-нибудь стремился к монашеству, но в 1868 году умерла его жена, а вдовы священники тогда, как правило, принимали постриг, то есть тут была не его воля, а скорее сила традиции, поддержанная волей начальства. Так монахами порою становились люди, совершенно не имеющие к тому ни призвания, ни желания, ни когда не бывшие ни послушниками, ни простыми монахами, а сразу становившиеся иеромонахами. Но может быть, была Божья воля на то, чтобы ему стать монахом? Может быть, уже оказавшись в монастыре, он ощутил в себе призвание к иноческому житию? Может быть.

Итак, священник Александр Смирнов уволился за штат и поступил в число братства Тотемского Спасо-Суморина монастыря. Потом был устройтелем Устюженского Николо-Прилуцкого монастыря, настоятелем Сямского монастыря Вологодского уезда. Видимо, он был способным администратором, а потому по должностям продвигался не то, чтобы быстро, но неуклонно. В 1877 году он уже игумен, а в 1888 году – архимандрит, настоятель Спасо-Прилуцкого монастыря.

Монастырь, полученный в попечение отцом Анатолием, мало напоминал обитель былых времен. Ушли в прошлое

героические схватки с иноземцами, легендой стало былое хозяйственное могущество монастыря, во много раз уменьшилось число насельников. В начале XVIII века, к примеру, монастырская братия составляла 82 человека. В юбилейном 1892 году всей братии вместе с настоятелем было 12 человек (2 архимандрита, 6 иеромонахов, 3 иеродиакона, монах) да 20 человек послушников.

Пахотной земли монастырь не имел. Было 4 лошади, 6 дойных коров, бык и 2 подтелка. Для прокормления скота был луг на правом берегу реки Вологда – 31 десятина. Сена на лугу ставилось до 400 пудов. К владениям монастыря принадлежала так же рыбная ловля на реке Вексе в 25-и верстах от монастыря, но её сдавали в аренду. Настоятель не без иронии над этим немудрящим хозяйством рапортовал: «Хозяйственное устройство монастыря ни каких особенностей не имеет. Ни целебных минеральных источников, ни торговых лавок, ни заводов, ни водопроводов, ни различных мастерств, приносящих доход, при монастыре нет».

В 1893 году архимандрит Анатолий устроил в каменном корпусе при надвратной Вознесенской церкви гостиницу для приезжих богомольцев. Она не единожды служила добрую службу и в других делах. К примеру, в 1904 году, во время русско-японской войны, отец Анатолий писал в консисторию: «Настоятель и старшая братия изъявляют согласие на принятие в монастырь раненых воинов в количестве 5 человек для бесплатного ухода за ними с помещением их в мона-

стырском гостинном доме. Для ухода за больными будут назначены двое из служителей монастыря»

С 1868 года в каменном двухэтажном здании напротив святых ворот существовала, так же странноприимница в нижнем этаже при скотном дворе. Здесь странники и богомольцы пользовались приютом и трапезою до двух дней. Таковых посетителей было, к примеру, в 1902 году 4500 человек. Самым бедным из них была оказана помощь в общей сложности на 120 рублей.

В настоятельско-братском корпусе монастыря размещалась центральная Семенковская школа. В начале XX века занятия в ней проводил священник Прилуцкой церкви Евгений Вахрамеев (К слову сказать, в Прилуках отец Евгений служил вплоть до расстрела в 1937 году). В монастырской библиотеке книг и журналов разных наименований числилось до шестисот.

Основной статьей дохода в 1892 году являлись крестные ходы и церковные кружечные сборы, за которые было получено 2612 рублей. Исправно шло жалование из казны – 1250 рублей. За рыбную ловлю получено было 680 рублей, за частично сдаваемые в аренду сенокосные луга – 424 р. Случайные благотворительные доходы и пожертвования составили 1381 р. За помещение школы – 60 р, за перевоз через реку Вологда – 21 р, за место для погребения – 20 р.

В свободное от богослужения время некоторые послушники занимались ремеслами: портняжным, переплетным,

выпилкою из дерева, а в летнее время – садоводством и огородничеством. О том, чтобы кто-нибудь из штатной братии имел подобного рода увлечения сведений не сохранилось. Кроме того, в монастыре по вольному найму держали до 10 человек. Среди них были сторожа, столяр, скотник, повар, кучер, истопник. Чему же посвящала досуг штатная братия, ремеслами не занимаясь, повседневные труды перекладывая на вольнонаемных, а немногочисленные монастырские угодья предпочитая сдавать в аренду?

Вот послужной список монашествующих, составленный настоятелем монастыря в 1892 году:

«Бывший настоятель Старицкого Успенского монастыря Тверской епархии архимандрит Агафангел. Был уличен в поджоге мельницы, принадлежащей означенному монастырю. Дело прекращено по высочайшему повелению. Перемещен в Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь под строгий надзор настоятеля за образом его жизни и поведения.

Иеромонах Алексей. Был судим и штрафован в 1879 году запрещением священнослужения на 3 месяца за растрату церковных денег. В 1881 году за постыдный образ жизни перемещен в Лопотов монастырь с запрещением священнослужения. В 1889 году за нетрезвость отправлен в Спасо-Прилуцкий монастырь с запрещением священнослужения.

Иеромонах Антоний. Был штрафован за беспорядочное

не всегда трезвое поведение.

Иеродиакон Пахомий. Судим и оштрафован в 1887 году за нетрезвость, грубость, буйство и за бесчинные поступки в храме при богослужении, за что был послан из Заоникиевской пустыни в Лопотов монастырь. Оттуда перемещен под строгий надзор настоятеля в Спасо-Преображенскую пустынь с воспрещением богослужения. В 1890 году за нетрезвую жизнь и самовольные отлучки из монастыря перемещен в Арсениево-Комельский монастырь.

Иеродиакон Поликарп. Был судим за нетрезвую жизнь, самовольные отлучки и смуты между братией.

Иеродиакон Кирилл. Поведения не всегда трезвого, характера грубого и неуступчивого».

Положительно характеризуются настоятелем лишь казначей иеромонах Нектарий, иеромонах Варнава, больной старик, иеромонах Нил, духовник, и монах Василий. Про этих "положительных" насельников обители трудно сказать что-либо определенное. Может быть, они просто пили умеренно и не устраивали бесчинств? Или это были иноки высокой духовной жизни? Но смогли бы они тогда жить в монастыре, где более половины братии составляли пьяницы и буяны? Похоже, что тогда монах хотя бы только дисциплинированный и умеющий скрывать свои порочные наклонности, уже считался хорошим монахом.

Видимо в те годы монашеское пьянство и беспутство стали явлениями обычными и заурядными, вряд ли способны-

ми удивить епархиальное начальство, но когда из 11-и человек братии лишь пятеро держали себя в рамках, это был уже перебор даже по меркам сугубой терпимости. Архимандрит Анатолий в том самом юбилейном году получил от архиерея распоряжение навести порядок в обители.

Это не представляло трудности. Достаточно вспомнить послужной список иеродиакона Пахомия, в течение непродолжительного времени сменившего 5 монастырей, чтобы понять, каким образом принято было тогда наводить порядок в обители. По 22-м монастырям епархии иноков перетасовывали, как колоду карт. Единожды попавший в эту систему, уже никогда не выпадал из неё. Даже уголовное преступление, как видим на примере архимандрита Агафангела, иногда было лишь поводом для того, чтобы лишить священноинока должности и отправить в другой монастырь, а не на каторгу.

Мы не знаем, что за человек и что за монах был архимандрит Анатолий. Может быть, и сам любил к бутылке приложиться. Просто знал меру, держал себя в руках, потому и стал настоятелем. А может быть, душа его невыносимо страдала от того, что вверенная ему обитель превратилась в притон пьяниц и от сознания полной невозможности что-либо изменить. Или он уже сжился с этой системой, притерся к ней и вполне комфортно чувствовал себя в её рамках, ни о каких переменах вообще не думая?

Похоже, что отец Анатолий был честным человеком. Вот

что он писал о тех мотивах, по которым поступают в монастырь послушники: «В настоящее время весьма редкие послушники поступают в монастырь по призванию, а большая часть или до времени призыва к отбытию воинской повинности, или же для заслуги рекомендации с целью получения места, или же только временно пристроиться в обители до приискания занятий вне монастыря».

Как видим, он не боялся говорить правду. Хотя, конечно, остается вопрос о том, почему он принимал таких послушников. Только потому, что монахам тунеядцам нужна была хозобслуга? Увы, это была система, а с системой невозможно бороться в одиночку.

Какие меры тут вообще можно было предпринять? Да для начала закрыть, как минимум, половину из 22-х монастырей епархии, потому что хороших (хотя бы только дисциплинированных) монахов на такое количество монастырей у нас явно не набиралось. И, может быть, добрую половину иеромонахов (во всяком случае – половину прилуцких священноиноков) пришлось бы лишитъ священного сана. Да кто же решился бы на такое? Это ж вся империя бы захрустела. Империя предпочитала гнить без хруста. И уж в любом случае это был вопрос не уровня архимандрита.

Отец настоятель не мог отучить от пьянства своих подопечных, он мог лишь послать их в подарок другому настоятелю, постепенно сам получая взамен кадры ни чуть не лучше. К этой же испытанной тактике прибегли и на сей раз.

Уже к концу 1892 года всю пьянь удалось подраспехать по окрестным монастырям. Из «поведения нетрезвого» остался лишь иеродиакон Поликарп, но и его показывают среди «поведения хорошего». (очевидно, его уговорили по пьянке хотя бы не дебоширить). Вновь приняты пока лишь белый диакон Иоанн Баклановский и монах Анастасий.

Архимандрит Анатолий писал: «Нравственное поведение братии на началах иноческих обетов послушания и нестяжательности в настоящее время в монастыре вполне удовлетворительно». Видимо, не усматривали ни чего страшного в том, что Поликарп в следующем году вновь стал «предаться нетрезвости», что новичок Баклановский зачастил в «самоволки» и тоже запил. Эту систему не могло изменить ничто. Как страшно она калечила души настоятелей, которые постепенно начинали утрачивать не только духовные, но и элементарные нравственные ориентиры. В 1894 году отец Анатолий так охарактеризовал – иеродиакона Поликарпа: «Поведения хорошего, к отправлению церковных богослужений способен, часто предается нетрезвости». Видимо, пьянство среди монахов уже перестали считать признаком плохого поведения.

Отец настоятель из года в год выводил в официальных отчетах одни и те же строки, полностью лишённые смысла: «Отношения настоятеля, казначея, духовника к братии отеческое, простое, выражающееся в попечении об удовлетворении нужд каждого, в попечении о правильном образе жиз-

ни. Отношение братии к настоятелю, казначею, духовнику сыновнее, почтительное, выражающееся в точном и усердном исполнении возлагаемых на них послушаний. Взаимные же отношения братии вполне мирные и дружелюбные. За точным исполнением сего следят казначей и духовник монастыря под непосредственным наблюдением и руководством настоятеля».

Что чувствовал настоятель, когда писал эти ни чего не значащие слова? Или уже ничего не чувствовал?

Интересно, они думали о том, чем завершится процесс разложения монашества? Там ведь были неглупые люди, которые, очевидно, понимали, что ситуация не будет стоять на месте, и мерзость монастырской жизни, которой они были свидетелями, это ещё далеко не предел. Чем же это, по их мнению, должно было закончиться? Мы-то знаем, что это закончилось большевизмом, а вот как они это понимали?

Да, конечно, они осознавали необходимость перемен, но предлагали лишь полумеры, которые ничего не могли изменить, а кто-то и эти полумеры считал излишними, видимо, полагая, что и так всё хорошо. Епархиальное начальство с благословения Святейшего Синода решило перевести штатные монастыри епархии в общежительные. Что это означало, хорошо видно из докладной записки архимандрита Анатолия:

«В настоящее время штатные монастыри нашей епархии хотя и далеки от совершенства, но во всяком случае если не выше, то и не ниже монастырей общежительных. В штатных монастырях настоятель и братия вместо готового платья, обуви, белья и чая получают скромный денежный доход, которым и пользуются по своему усмотрению, А эти доходы настолько ограничены (от 100 до 120 рублей в год получают иеромонахи, послушники – от 30 до 36 рублей), что едва могут удовлетворить самым скромным нуждам, и надо удивляться тому, что несмотря на скудность оных, многие из братии оказывают помощь сиротам и бедным своим родственникам (С.К.: Скорее следовало удивляться тому, что этих денег хватало на пьянство).

Свободное распоряжение денежными доходами живущих в штатных монастырях служит поощрением каждому из них с осторожностью обращаться с денежными средствами. Настоятель, по совещанию с казначеем и духовником, всегда имеет право и возможность злоупотребляющих доходами лишить права распоряжаться оными (С.К.: Ни по чему не похоже, что настоятель активно пользовался этим правом).

В наших бедных содержанием монастырях большой недостаток в достойных монахах, а по введении общежития по скудности содержания желающих жить и трудиться станет ещё меньше.»

Уму непостижимо: монахи и даже послушники оказываются получали зарплату, а настоятель ещё и сетовал, что мо-

нашеские зарплаты – низкие. Хотя стоило бы поинтересоваться, за какие именно труды на благо Отечества следовало этим людям жалование из казны? Сам тот факт, что православное государство поддерживало монастыри – не удивителен, но чтобы платить монахам зарплату – это, кажется, уже через край, особенно если учесть, какие это были монахи. Монастыри, призванные быть светом миру, подавать мирянам пример стремления к духовному совершенству, постепенно стали полезны только для безбожной пропаганды, представители которой очень любили порассуждать о монахах-тунеядцах, всегда имея возможность привести конкретные примеры.

Когда архимандрит Анатолий облачился в фелонь преподобного Димитрия Прилуцкого и взял в руки его посох, не думал ли он о том, какую зарплату платил преподобный своим инокам и не добивался ли он повышения зарплаты, чтобы хорошие иноки не разбежались? Отцу настоятелю, видимо, уже и в голову не приходило, что монахам было бы весьма полезно в поте лица добывать себе пропитание, не смущаясь его скудностью. Когда большинство монахов было пьяницами, он всё же настаивал на том, чтобы выдавать им деньги на руки. Он переживал, что лишенный содержания от казны монастырь может закрыться. А интересно, что потеряла бы Вологда, если бы этот и подобные ему монастыри вдруг закрылись? Горстка тунеядцев лишилась бы тепленьких местечек, вот и вся беда.

В головах у этих людей всё уже окончательно сместилось. Настоятель был искренне уверен, что «достойных монахов» в монастырь будет уже не привлечь из-за «скудности содержания». Под «достойными» он, видимо, понимал непьющих, более серьезных требований не имея мысли к монахам предъявлять. А ведь в те годы уже были изданы сочинения святителя Игнатия Брянчанинова, раскрывавшие истинный духовный путь монашества, путь «умного делания». В те годы уже Оптина на всю Россию была известна своими преподобными старцами. Было с кого брать пример духовной жизни. Но наши монахи-тунеядцы вели непримиримую борьбу за то, чтобы монастырским пьяницам выдавали деньги на руки, не принуждая трудиться.

Кстати, архимандрит Анатолий переживал не только за свой монастырь, являясь так же благочинным 2-го округа монастырей Вологодской епархии. Ему были подчинены 3 монастыря Вологодского уезда: Владимирская Заоникиевская пустынь, Богородице-Рождественский Сямский монастырь и Спасо-Каменный на Кубенском озере, а так же 3 монастыря Кадниковского уезда: Григорьево-Пельшемский Лопотов, Дионисиево-Глушицкий и Успенская Семигородняя пустынь.

Епархиальное начальство ни как не хотело оставлять своей затее перевести штатные монастыри в общежительные, год за годом пытаясь склонить к этому отцов настоятелей. Начальство вряд ли так уж сильно было обеспокоено пробле-

мой повышения уровня нравственности среди монашества. Это был финансовый вопрос, монастыри дорого обходились казне, на них хотели сэкономить, что впрочем было вполне логично и ни сколько не противоречило духу монашества.

Всё завершилось в 1900 году съездом настоятелей монастырей Вологодской епархии, где было принято такое решение: «Все настоятели монастырей желали бы остаться при прежнем положении: общежительные при общежитии, штатные при прежних порядках. Если же епархиальным начальством найдено будет полезным во всех обителях ввести общежитие, собрание настоятелей считает необходимым просить епархиальное начальство учредить в штатных монастырях общежитие с тем, чтобы настоятели и старшая братия получали положенное ныне содержание по братской кружке доходов, половину процентов с капитала, часть с аренды угодий (С.К.: Как же крепко держались отцы настоятели за своё личное материальное благополучие). Младшую же братию содержать на полном общежитии.

Такое положение монастырей со временем при благоприятных условиях приведет к полному общежитию для всей братии. При этом так же желательно, чтобы за монастырями было оставлено положенное им от казны содержание, без которого, например, монастыри Спасо-Прилуцкий и Корнилиев при ограничении сборов хлебных по селениям, не имении пахотной земли и дохода от крестных хождений, что делается в большей части монастырей общежительных, поддержи-

вать здания и содержать братию по правилам общежития не могут».

Итак, дело закончилось ничем, его замотали и утопили в словах. Монахи отстаивали своё право на тунеядство. Как бы извиняясь друг перед другом вспомнили отцы настоятели и о нравственности: «Иметь строгое наблюдение за лицами, замеченными в частом и неумеренном употреблении спиртных напитков. Слабым и невоздержанным не выдавать на руки кружечных доходов. Стараться по мере возможности выводить из употребления угощение братии ввиду слабости нынешней братии и приверженности многих к злоупотреблению спиртными напитками».

Эта приписка интересна лишь тем, что здесь на официальном уровне признается: монашеское пьянство стало очень серьёзной проблемой в монастырях епархии. Но все прекрасно понимали, что такого рода формальные сетования ничего не изменят и не могут изменить. Всерьёз этой проблемой ни кто не собирался заниматься.

В монастыре всё взаимосвязано. Рушится духовный фундамент – рушатся стены. Нет средств исправить поведение братии – нет средств на ремонт монастыря. В 1897 году архимандрит Анатолий писал: «По внешнему отношению монастырь достаточно благоустроен, но по многочисленности и обширности монастырских зданий от долговременности

пришел в ветхость, требуется большая затрата сумм на ремонтировку, каковых, к сожалению, монастырь в достаточном количестве не имеет».

Отец настоятель делал, что мог, но даже латание дыр давалось порою очень нелегко. Задумал в 1903 году сделать кой-какой ремонт, надо было вырубить 200 бревен на собственной лесной даче на речке Маслене. Лесничий дал разрешение, а из лесоохранительного комитета прислали бумагу откровенно издевательскую: «Рассмотрев ходатайство ваше о разрешении в текущую зиму произвести для надобности монастыря вырубку 200 бревен из лесной дачи, отведенной монастырю в вечное владение из Сухаревской казенной дачи, постановил: ходатайство ваше отклонить и разъяснить вам, что лесоохранный комитет не входит в рассмотрение ходатайств о разрешении рубки растущего леса, не имея в своём распоряжении данных, необходимых для решения этого вопроса, в виде упрощенного плана хозяйства».

Как видим, чиновники во все времена были одинаковые, бюрократия всегда владеет бесчисленным количеством способов замотать любой вопрос. Можно ли представить себе больший абсурд – монастырю не разрешили воспользоваться собственным лесом. Но дело тут не только в особенностях бюрократии. Монастырь явно не уважали. А ведь если по совести рассудить, то и уважать его было не за что.

Настоятель пожаловался на комитет в консисторию, откуда ответили: «Ввиду уклонения губернского лесоохрани-

тельного комитета от рассмотрения ходатайства с разрешении вырубки растущего леса, разрешить настоятелю заготовку 200 деревьев». Лес начали рубить. Комитет встал на дыбы. Тяжба тянулась несколько лет и закончилась полной победой монастыря.

Благодаря этим бревнам, в 1905 году удалось сделать новые тротуары, исправить старые, перестлать полы в коридоре братского корпуса, в бане и странноприимной. С Божьей помощью так же перекрыли новым железом крыши на церквях и братском корпусе. В надвратной церкви заделали на сводах трещины и покрасили её изнутри, как и теплый соборный храм. Печи где надо подправили, ограды подновили, реставрировали 12 икон и 7 клейм в алтарях. Вышло всё вместе – полторы тысячи рублей – больше, чем годовое жалование от казны. Всё-таки отец Анатолий умел работать.

Была, например, такая нечаянная радость: «Министерство путей сообщения уведомляет Вологодского губернатора о том, что необходимо вознаграждение Спасо-Прилуцкому монастырю за 12 десятин отчужденной под устройство Вологодско-Архангельской линии земли произвести за счет казны в размере 7977 рублей. Обязать управление железной дороги предоставить монастырю право пользования резервами железной дороги при переезде на луга».

А вот местные людишки монастырь обижали. В 1907 году архимандрит Анатолий пишет уездному исправнику: «Крестьяне села Прилуки Алексей Лимин и Александр Чесно-

ков несколько уже дней производили дерзкое расхищение монастырской собственности: песку на реке Вологде напротив монастырского луга. Урядник, неизвестно мне почему, не остановил их, но ограничился только известием меня об этом и предупредил, что Лимин и Чесноков готовят еще к дальнейшему и большему расхищению и разграблению монастырской собственности, устраивая для этого особые вылазки».

А ведь сам архимандрит Анатолий, несмотря на сложное финансовое положение монастыря, ни разу не попытался обратить принадлежащий монастырю речной песок в статью дохода. Впрочем, он не был совершенно бездеятелен, о чем свидетельствует следующий документ: «Архимандриту Анатолию из Вологодской духовной консистории. Рапорт ваш, при коем представляется отношение волостных правлений: Ватлановского, Боровецкого, Оларевского с приговорами жителей о желании принимать с крестным ходом святую икону Димитрия и Игнатия Прилуцких чудотворцев в свои селения и жилища, и о согласии на то местных причтов и в коем просите разрешить упомянутые крестные ходы, рассмотрен . Поставлено разрешить временно, до разрешения вопроса об изнесении икон Святейшим Синодом».

Петербургское и местное начальство время от времени устраивало борьбу то с одним, то с другим монастырским

злом. Вот, например, какой грозный документ поступил на адрес прилуцкого настоятеля из Синода: «До Святейшего Синода многократно доходили из епархий сведения о хранении настоятелями монастырских сумм в своих кельях вместе с собственными деньгами и о бесконтрольном расходовании их на такие потребности, удовлетворение которых решительно не способствует иноческой простоте, каковы, например, украшение настоятельских келий дорогой мебелью, коврами и картинами, иногда светского содержания, покупка для настоятелей дорогих экипажей, устройство в храмовые праздники роскошных обедов с дорогими заграничными винами. Бывали случаи торговли настоятелями иконами и крестами в собственную пользу».

Трудно сказать, насколько всё перечисленное относилось к Прилуцкому монастырю, вполне возможно, что не в последнюю очередь. Настоятели свивали себе в монастырях такие уютные гнездышки, каких ни когда не имели бы в миру. Получалось, что стремление к монашескому аскетизму на практике открывало путь к роскоши. Только вот попробуйте понять, зачем рассылались подобные циркуляры? Настоятелей уведомляли о том, о чём они и так прекрасно были осведомлены, вместо того, чтобы сурово наказывать и освобождать от должностей тех, кто извратил самый смысл монастырской жизни. Может быть кто-нибудь думал, что они прочитают, как они живут, устыдятся и опомнятся? Синод просто изображал бурную деятельность по исправлению мо-

настырской жизни, даже не пытаюсь предпринять к тому ни каких реальных мер.

Вологодская консистория действовала в том же роде, рождая и рассылая такие, например, документы: «Уведомляем настоятелей монастырей епархии, что им необходимо неотложно озаботиться благоустройством братских келий и содержанием их в должной опрятности и чистоте, уделяя на расходы по сей статье хотя бы половину тех денежных затрат, которые производятся на роскошную отделку – настоятельских помещений».

Тоже хотелось бы понять: все ли до единого настоятели монастырей епархии тратили на содержание братских помещений меньше половины тех средств, какие употребляли на «роскошную отделку» собственных апартаментов? Если это так, значит в епархии попросту не было ни одного монастыря, и что-либо исправлять в монастырской жизни уже не было смысла. Если же это касалось лишь некоторых монастырей, тогда зачем было рассылать этот документ всем? Чтобы избежать необходимости предъявлять претензии конкретным настоятелям? И чтобы каждый настоятель имел возможность считать, что к нему это не относиться.

Всё это объяснялось просто: призывали навести порядок именно те люди, которые никогда не допустили бы реальных мер по наведению порядка. И эти же самые люди время от времени указывали на недопустимость полумер. Вот какой документ пришел из Синода в Прилуцкий монастырь: «Мо-

нашествующим предписывается пребывать в иноческом послушании в тех монастырях, где они отреклись от мира, не отходя в иные. Перемещение же из одного монастыря в другой допускается только в тех случаях, когда начальство найдет необходимым инока, известного по благочестию, перевести в другую обитель для благоустройства её».

Когда в одном монастыре скапливалось слишком много пьяниц, настоятеля призывали навести порядок и пьяниц быстро распахивали по другим монастырям, бодро рапортуя о том, что порядок наведен. Потом точно так же наводили порядок в другом монастыре. Начальство это прознало и запретило переводить монахов в другие монастыри. Вот только начальство забыло объяснить, что же тогда делать? Пьяниц, тунеядцев и дебоширов, не имевших ни малейшего призвания к монашеству, невозможно было сделать хорошими монахами. Если бы честно наводить порядок, так их в огромном количестве случаев надо было гнать обратно в мир, а священноиноков лишать сана. Но этого начальство ни когда бы не позволило. Кто ж выносит сор из избы? А теперь так же запретили тихо переносить сор в другую избу. Так что же было тогда делать?

И вот архимандрит Анатолий получил едва ли не первый за полувековое служение нагоняй от начальства. Ситуация завертелась вокруг иеромонаха Нестора, которого он в 1901 году вытащил с Каменного Спаса, обменяв на иеромонаха Нила, который в пьянстве своём не знал ни какого удержу.

Отца Нестора ему нахваливали, делая это, как потом выяснилось, чтобы от него избавиться. Нестор оказался не только пьяницей, но и буйном, и редкостным наглецом. Очередной этап в развитии ситуации отражает следующий документ:

«Настоятелю Спасо-Прилуцкого монастыря архимандриту Анатолию из Вологодской духовной консистории. Слушали рапорт ваш о нарушении иеромонахом Нестором благочиния во время молебна в храме и о буйстве его вне храма и резолюцию его преосвященства: «Иеромонаху Нестору воспрещается совершение богослужений». А по буйным поступкам его в стенах обители имеют суждение в консистории: заметить вам, настоятелю, что до рапорта на имя его преосвященства вы должны были, согласно неоднократным распоряжениям, сообщить о сем секретарю консистории для донесения обер-прокурору. Вместе с тем предписано вам немедленно донести консистории в чем было замечено, от каких причин зависело и не замечалось ли ранее ненормальное состояние иеромонаха Нестора. На рапорт по поводу перевода иеромонаха Нестора в другой монастырь: иеромонаха Нестора оставить пока на испытании в Спасо-Прилуцком монастыре».

Этот ответ консисторского чиновника откровенно циничен. В консистории прекрасно знали, что творится в монастырях. Знали и то, что ни один настоятель не имеет никаких возможностей изменить ситуацию. Но стоило одному из настоятелей честно доложить о том, что некий иеромонах в

своём беспутстве перешёл все границы, как консистория делает удивленное лицо: «Да как же вы такое допустили? Да почему же вы раньше не доложили?» Тут же оказывается, что настоятель, написавший рапорт, сам же во всем и виноват. Это чтобы впредь неповадно было нервировать консисторию. А иеромонаха Нестора лишь отправили в запрет, то есть отодвинули решение проблемы, и не думая её решать. «Оставить пока на испытании...» О каких ещё испытаниях тут могла идти речь?

Нам не дано знать, что думал по этому поводу отец Антоний, что он чувствовал? И вообще каким он был? Ни официальные документы, ни торжественные речи не дают об этом достаточного представления. Но вот сохранилось в архиве монастыря одно письмо, отчасти может быть проливающее свет на личность отца Анатолия. Ему писал настоятель Коряжевской пустыни игумен Нектарий:

«Ваше высокопреподобие, досточтимый отец архимандрит! После длительной нерешительности осмелился побеспокоить вас с тем, чтобы высказать те добрые чувства, которые я испытываю к вам, своему отцу духовному. 10 лет назад вам угодно было избрать смиренного иеромонаха Нектария из Заоникиевской пустыни в помощь себе в должности казначея Прилуцкого монастыря. Шесть лет, проведенные мною в этом звании всегда будут достопамятными в моей

жизни по той сердечности и участию, которые вы, досточтимый, любезный отец Анатолий, обнаружили ко мне, недостойному, а неколебимое миролюбие ваше к насельникам Димитриевой обители будет до оконца дней моих примером назидания. Заведывание хозяйством обители и неоднократное временное управление монастырем, которое по соизволению вашему было возлагаемо на меня в случае ваших отъездов при постоянном духовном мире укрепили навсегда наши братские отношения. Помните, как несколько лет назад волею преосвященного владыки указано было мне послушание – устройство дальней и бедной Коряжевской обители в должности настоятеля. Со скорбью покидал я приютивший меня Прилуцкий монастырь и его доброго, миролюбивого настоятеля, со скорбью и страхом ехал на место нового служения на северной окраине епархии, но по милости Божией служение моё на новом месте пошло благополучно. Назначенный волею высшей власти при участии вашем на место моего служения в Заоникиевской обители, я по приезду в Вологду нашёл тот братский прием со стороны вашего высокопреподобия, за который и поныне вам благодарен. Что делал бы я без ваших ближайших указаний первых действия по управлению монастырем?..»

Здесь заметна некоторая преувеличенность комплиментов, которая часто бывает свойственна обращениям к наставникам, но тон письма очень теплый и, видимо, искренний. Игумен Нектарий пишет с любовью, которую не каждо-

му бывшему начальнику суждено на себе испытать. Кроме того, в письме есть несколько слов, которых игумен никогда не употребил бы, если бы они не были правдой: сердечность, участие, доброта, миролюбие. Таким, видимо, и был добрейший отец Анатолий.

В декабре 1905 года в Димитриевой обители торжественно отмечали пятидесятилетие служения в священном сане архимандрита Анатолия. Божественную литургию совершил преосвященный владыка Алексей, епископ Вологодский и Тотемский в сослужении архимандритов Павла, Platона, Афанасия, игуменов Нектария, Димитрия, Феофана, вологодских городских протоиереев Н. Якубова, В. Сиземского, А. Мальцева и священника И. Белкова. На молебен явились инспектор Вологодской духовной семинарии священник – А. Лебедев, протоиерей Спасо-Всеградского собора В. Карпов, местные иеромонахи и несколько священников и диаконов из знакомых и родных юбиляра. Храм, не смотря на будний день, был почти полон молящихся.

Богослужение совершалось в теплом нижнем храме Спасского собора. После службы игумен Нектарий поднес отцу Анатолию икону Спасителя, копию Вологодской Спасо-Всеградской иконы, одна за другой произносились речи в честь юбиляра.

Епископ Алексей: «Что же пожелать тебе, смиренный

инок? Ты, может быть, готов теперь, оставив все, провести остаток дней твоих в полном покое, приготавливаясь к мирной христианской кончине? Но это было бы слишком эгоистично. Служение инока, кроме забот о личном спасении, налагает на него великие обязанности и по отношению к ближним. Кроме служения Богу так сказать внутреннего, он должен нести ещё и внешнее служение, служение миру. Твоя жизнь так и сложилась. Мы молитвенно пожелаем тебе того, что по словам псалмопевца является уделом живущего в помощи Вышнего, под Его кровом, как поётся в псалме: «Прославлю его, долгою дней исполню его и явлю ему спасение Мое». Первое дано тебе: ты прославлен и почтен высоким званием в должной степени. Второе тоже сбылось над тобой: ты живешь восьмой десяток лет. Остается пожелать, чтобы и последние слова псалма оправдались над тобою, и милосердный Господь даровал тебе то, к чему ты, как инок, более всего стремишься, то есть, чтобы явил тебе спасение Своё».

«Вологодская постоянная церковно-археологическая комиссия любителей истории приветствует ваше высокопреподобие в сей знаменательный день, памятуя ваше сочувственное отношение к задачам комиссии и пожертвование от вверенной вашему управлению обители в заведываемое комиссией древлехранилище множества историко-археологических документов XVII века».

Архимандрит Платон: «Ваше служение было преисполнено многоразличных лишений. Окончив поприще воспита-

ния и образования, вы вступили первоначально в мир и вели за собой по пути к вечному спасению с величайшим терпением и смирением не малое стадо словесных овец. Замечая холодность и равнодушие к вере, а иногда и нарушения закона Божия, обличая разные пороки и беззакония, вы, без сомнения, не избежали огорчений. Это водительство ваше продолжалось, можно сказать, не особенно долго (13 лет). Засим, по внушению и велению Премудрого Промысла, вы оставили мир с его прелестями и вступили на лучший путь – иноческого служения. Здесь, по указанию того же Божественного Промысла, вели за собой немалое число иноков и прочих насельников святых обителей. В это же время Господу Богу угодно было возложить на вас звание ближайшего начальника и некоторых других обитателей. Высоко было ваше служение!...»

Туг прерву отца Платона, суть уже ясна. И ещё добавлю, что за несколько месяцев до юбилея отец Анатолий – написал прошение об освобождении его от должности благочинного, сославшись на здоровье. Простение сразу же удовлетворили. Как и всегда в таких случаях трудно сказать, что за этим стояло. Может быть и правда устал старик, сам решил оставить одну из должностей, а, может быть, ему намекнули, а то и прямо сказали: «Всё, хватит, пиши прошение...»

В любом случае, поздравительные речи звучат очень фальшиво. Ещё немного, и они начали бы походить на материалы для канонизации. Ни какого живого отношения к

живому человеку в них нет. Эти речи имеют для нас значение, потому что и они тоже – факт истории. Фальшь – тоже факт. Каковы же были настоящие чувства тех, кто участвовал в этом торжестве в окончательно разложившемся монастыре, который и монастырем было уже затруднительно считать? Неужели они и правда думали, что всё у них хорошо, и все они тут достойные всяческого уважения пастыри? Они сидели в уютном монастыре за хорошим столом, а в России тогда бушевала первая русская революция. Уже прозвучал первый звонок, возвещавший о начале того спектакля, в котором им не отведут ролей.

А отец Анатолий? Неужели он и правда думал, что ему, руководителю группы пьяниц и тунеядцев, которую лишь по привычке именуют монастырем, есть что праздновать? Некоторый свет на эти вопросы проливают слова священника-краеоведа Сергия Непейна, который описывал это торжество: «Хочется ещё отметить одну особенность настоящего юбилея. Здесь в юбиляре всецело сказался инок. Отец Анатолий, конечно, глубоко взволнованный всем перечувствованным в знаменательный день, по внешности остался совершенно как бы беспристрастным к этому общему его чувству, как и подобает истинному иноку. Каждый видел, что честолюбие чуждо этому смиренному и кроткому старцу, давно уже ни чего не ждущему от жизни и не высказавшему других желаний, кроме одного: разрешиться от уз плоти и со Христом быти».

За правильными и надлежащими словами вдруг явственно проступает то, что отец Анатолий внутренне не участвовал в празднике, ни как не реагировал на восхваления его персоны. Может быть, они даже терзали его душу своим несоответствием тому, что есть на самом деле. И вот тут вдруг чувствуешь, что архимандрит Анатолий – фигура трагическая. Он – жертва той системы лицемерия, частью которой он был и изменить которую он не имел ни малейшей возможности. Кажется, он от этого страдал. Во всяком случае, в это хотелось бы верить.

День 23 марта 1908 года прошёл в обители незаметно, хотя вновь был юбилейным. Двадцатилетие служения настоятеля в этой должности не праздновалось, потому что отец Анатолий болел. В постель его уложил большой пожар, случившийся в обители. К трудам своим он больше не возвращался, с постели не вставал и через несколько дней скончался.

Стоял июнь 1898 года. Недавно состоялся пятый выпуск воспитанниц, Вологодского епархиального женского училища. Выпускницы на следующий день после окончания экзаменов посетили Спасо-Прилуцкий монастырь, о чем написала одна из них: «Выслушав вечерню в верхней церкви,

мы спустились в нижнюю, где пели молебен при гробницах преподобных Димитрия и Игнатия Прилуцких. Затем иеромонах, служивший молебен, показал нам в церкви места, освященные памятью святых угодников, между прочим, место келии преподобного Димитрия в левой части алтаря. Из церкви пошли в часовню, где поклонились деревянному кресту, воздвигнутому преподобным Димитрием.

По выходе из часовни все рассеялись в разные стороны: кто в сад, кто к пруду, а кто на кладбище, где в числе прочих находится могила поэта Батюшкова, вологодского уроженца.

Осмотрев местоположение монастыря, мы все собрались в сад, где под тенью вековых ветвистых лип пили чай, предложенный радушным настоятелем обители».

II. Отец Неофит – хранитель сокровищ, (1908-1913)

Прилуцкому монастырю Бог судил в некоторые времена жизни Отечества выполнять назначение быть крепостью для защиты от врагов и хранителем родных сокровищ. Теперь нет под древними стенами обители врагов, святыни на местах. Теперь наше призвание бороться с иными врагами – внутренними, подтачивающими целостность государства, хранить родные сокровища:

Православие, – преданность Самодержцу,
любовь к Родине.

Архимандрит Неофит. 1913 г.

«Выняты накаты в сгоревшем Алксандро-Невском приделе и сделаны новые, кирпичные. Устроен вместо сгоревшего, деревянного, новый цементный пол, стены оштукатурены. Устроен вместо сгоревшего иконостас, написаны для монастыря новые иконы», – отчитывался в 1908 году об устранении последствий пожара новый настоятель монастыря иеромонах Неофит.

На его голову сразу же свалилось множество хозяйственных забот. Кроме неотложных восстановительных работ необходимо было принимать имущество от настоятеля Свято-Духова монастыря архимандрита Антония, который временно, после кончины отца Анатолия, курировал Прилупскую обитель. А с имуществом далеко не всё обстояло благополучно.

При проверке оказалось, что нет на месте некоторых икон, облачений, нотных книг и других вещей. Стали разбираться и выяснили, что отец Анатолий раздаривал имущество монастыря направо и налево (Не хочется всё-таки думать, что он попросту приторговывал монастырской собственностью). Серебряный архиерейский жезл был передан настоятелем епископу Иоаникию, отбывавшему во вновь созданное Великоустюжское викариатство. Древняя пергаментная рукопись отошла петербургскому профессору Пономареву, а не менее древние крюковские ноты оказались в московском синодальном училище церковного пения.

Полностью ликвидировать последствия настоятельской щедрости было, разумеется, невозможно. Иеромонаху Неофиту было лишь предписано: «Спросить управление Великоустюжского Архангельского монастыря, находятся ли в монастыре вещи, взятые епископом Иоаникием для ризницы преосвященного викария. И не могут ли они, в частности серебряный жезл, быть возвращены в ризницу Спасо-Прилуцкого монастыря».

Несмотря на важность перечисленных забот, отец Неофит призван был к настоятельскому служению с целями куда более значительными. Недавно назначенный епископ Вологодский и Тотемский Никон был, по сравнению со своим предшественником, архипастырем совершенного иного склада. Один из крупнейших церковных деятелей того времени, он стал широко известен, когда в бытность свою архимандритом и наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры, учредил лаврскую типографию, начал печатать «Троицкие листки» и другую духовную литературу. Он, кстати, первым издал книгу Сергия Нилуса «Близ есть при дверях».

Владыка Никон хорошо понимал, что без немедленного очищения и укрепления церковных структур всё может рухнуть в несколько лет, это был архипастырь большого ума, железной воли и твердых монархических убеждений. Он видел, что враги Отечества крепнут, время полумер в борьбе с ни-

ми прошло, а без духовного возрождения, прежде всего возрождения монастырского, империи не устоять.

В «Вологодских епархиальных ведомостях» появилась большая статья архипастыря «Нужды современного русского монашества», Епископы вообще не баловали это почтенное издание своими личными выступлениями, и уже в силу этого статья была событием, но главным в ней было то, что она, перешагнув узкие границы ведомственных инструкций и секретных циркуляров, открыто, на всю епархию, возвестила о страшных болезнях, поразивших русское иночество. Уже по одному этому можно было судить о том, что владыка Никон шутить не намерен.

«Со глубокой скорбью приходится наблюдать, что монашество наше в духовном отношении всё более и более опускается. Духовная жизнь гаснет, а без неё самое монашество теряет смысл... Кому не известно, например, что самый губительный, наиболее распространённый порок в монастырях — пьянство. Благоприятная для него почва является главным образом в отсутствии духовного руководства, в праздности, в неумении, нежелании трудиться и отсутствии условий общего труда на пользу родной обители...»

Как часто мы видим, что юноша под впечатлением чтения житий святых, добрых бесед с лицами духовными решает вступить в святую обитель, чтобы там спасти свою душу, но на деле не находит здесь того, чего ищет его жаждающая подвига душа. Напротив, он видит, что в штатном монастыре

послушник предоставлен самому себе, всё время вне богослужения у него проходит праздно, соседи по кельям сходятся для празднословия, ходят на прогулки, привыкают днем спать, читают, по меньшей мере, бесполезные, а иногда и прямо вредные для монастырского обитателя книги и газеты.

Смотрит на всё это добрый юноша, скорбит, на первое время ищет, но не находит духовного руководства. Ни настоятелю, на старцам-иеромонахам, ни даже духовнику как будто до него и дела нет. И гибнет молодая душа в омуте этой праздной жизни, этих пороков. Кто даст Богу ответ за такую душу?! Не потому ли настоятели многих городских монастырей, несмотря на нужду в добрых послушниках, сами отговаривают приходящих к ним мирян поступать в их монастыри.

Не страшно ли, не обидно ли за монашество наблюдать, как иногда в наших обителях многие работы исполняются наемными мирянами, не только хозяйственные, не только по двору, кухне и мастерским, но даже и в храме Божиим. Нередко можно видеть, что в богатом монастыре метут и убирают храм не послушники, не монахи, а миряне. Где же находятся в это время послушники и монахи? Чем заняты? Почему им не вменяется в святое, поистине святое, послушание – наблюдать чистоту в храме Божиим?

Вчерашний крестьянин, пока он мирянин, не стыдится ни какой черной работы. Но вот он надел подрясник и стал ба-

рином, по меньшей мере «батюшкой» в собственных глазах. Нельзя без скорбного чувства говорить об этом... Всякое барство, всякое деление труда на черный и белый должно быть раз и навсегда изгнано из наших монастырей. Зло начинается с ослабления дисциплины. Дисциплина – душа порядка, а порядок – необходимое условие монастырского благоустройства.

Когда причина болезни установлена, надо её устранить, хотя бы это и было болезненно для организма. Иначе исцеление невозможно. Может быть, для очищения раны и потребуется удаление безнадежных к исцелению частей – над этим не следует останавливаться, ведь сии части отравляют весь организм. Может быть, на время придется некоторые обители совсем закрыть: что делать! И нужно будет закрыть, но верим, что они снова откроются, когда минует кризис...»

Очевидно, что в деле очищения и обновления монастырей епархии епископ Никон не был намерен останавливаться ни перед какими мерами, вплоть до самых радикальных. Но люди, принадлежащие к старой системе, люди со сложившимися стереотипами, привычками и устоявшимися взглядами на вещи, редко бывают способны стать реформаторами. Владыка Никон пришёл, чтобы разрушить их уютный гниющий мир. Мог ли он на них опереться? Но где ж ему было взять других людей? Их было трудно найти, но он их всё-таки находил.

Одним из них стал Николай Николаевич Следников, епархиальный миссионер, сын протоиерея из Вельска, молодой человек символического возраста – 33 лет. Закончив Вологодскую духовную семинарию, а затем – Казанскую духовную академию со степенью кандидата, он не стал, вопреки традиции, сразу же принимать священный сан. Из одного только этого видно, что Следников, хоть и принадлежал по рождению к духовному сословию, но поступать привык так, как считал правильным, а не так, как в этой среде было принято. Он искал свой личный духовный путь, и, очевидно, не считал пока себя достойным стоять у святого престола, не чувствовал в себе духовной зрелости. Он и не женился, и монашества не принимал, он не торопился с избранием духовного пути. В своём сословии его, наверное, считали чудачком, но вряд ли его это смущало. Десять лет после окончания духовной академии он оставался мирянином.

Это был человек удивительного романтического настроения. Эпоха, обретавшая черты переломности, рождала романтиков, потому что нуждалась в них. Разрушительный революционный романтизм соседствовал в жизни с романтизмом религиозным, потому что и нападение, и защита это прежде всего борьба, а она невозможна без внутренней взволнованной воодушевленности. Отдав себя трудам по обращению старообрядцев епархии в православие, Следников, очевидно, чувствовал внутренне сходство этой деятельности с

апостольской, что давало уникальную возможность прикоснуться к первоисточкам христианства. Конечно, его это очень увлекало, и мы уже знаем, сколько сил и энергии, сколько души он вложил в своё миссионерство. Но, очевидно, на этом поприще он уже сделал, всё что мог.

И тут появляется епископ Никон. Имея некоторое представление о психологическом складе Николая Следникова, можно представить себе, какое восхищение вызывал у него этот удивительный архипастырь. Вряд ли владыке пришлось долго уговаривать Следникова последовать по тому пути, который он предложил, хотя понятно, что для него это предложение было совершенно невероятным. Может ли мирянин за пару месяцев стать настоятелем монастыря? Неслыханно и немыслимо. Но владыка Никон знал, что делал. Реформировать систему мог только тот, кто к этой системе никогда не принадлежал. К тому же Николай Николаевич все ступени духовного развития прошёл уже вмиру, и теперь ему предстояло получить все отличия разом.

7 августа 1908 года он был зачислен штатным послушником в Спасо-Прилуцкий монастырь. 9 августа епископом Никоном был пострижен в монашество с именем Неофит. 10 августа рукоположен в иеродиакона, 15 августа – в иеромонаха. 13 октября был назначен настоятелем Спасо-Прилуцкого монастыря. 22 марта 1909 года возведен в сан игумена. 5 июля 1910 года возведен в сан архимандрита. Путь от послушника до архимандрита был пройден менее, чем за 2

года.

Романтический склад души молодого настоятеля отнюдь не исключал цепкой практической хватки и твердой воли. Сочетание этих качеств делало его редким служителем Церкви.

В первый же год его настоятельства перечень арендных доходов монастыря пополнился новой статьей: за речной песок – 100 рублей. Напомним, что архимандрит Анатолий в своё время вспомнил о том, что песок стоит денег, лишь когда его начали воровать местные жители. Но если в этом случае надо было лишь наклониться и поднять лежащее под ногами, то следующую проблему оказалось решить куда труднее.

В 1909 году игумен Неофит решил расширить монастырскую торговлю предметами религиозного характера, что отвечало одновременно и проповедническим задачам, и финансовым нуждам монастыря. Ему тут же пришлось столкнуться с глумливым издевательством, которое вызвано было не только извечным бюрократизмом, но и падением авторитета обители.

«Игумену Неофиту из Вологодской духовной консистории. Слушали отношение управления железных дорог с сообщением на ходатайство консистории согласно рапорту вашему о продаже на станции Вологда свечей, икон и книг религиозно-нравственного содержания. Управление, вполне сочувствуя вашему ходатайству, тем не менее лишено

возможности удовлетворить таковое за неимением для сего свободного помещения. Производство означенной торговли признано неудобным».

Удивительно, что консистория в этом случае выступила как бы заодно с железнодорожниками, даже не посоветовав настоятелю предпринять какой-либо обходной маневр и почти злорадствуя по поводу его неудачи. Видимо, были причины, по которым активность нового прилуцкого настоятеля не нравилась так же и церковным чиновникам. Но отец Неофит не любил отступать, и вскоре та же консистория вынуждена была отправить ему совсем другой ответ:

«По распоряжению господина министра разрешена торговля свечами, иконами и книгами религиозно-нравственного содержания на станции Вологда, на месте, находящемся между киотом со святою иконою и решеткой, поставленной в ограждении киота».

Нетрудно представить, что отношения нового настоятеля с братией складывалось сложно. Он пришёл сюда для того, чтобы разрушить привычный для них уклад жизни, он ещё очень мало понимал в особенностях монастырского бытия той поры. Старые монастырские пьяницы не могли смотреть на него иначе, как с иронией, вряд ли они сомневались в том, что его удастся обломать под свой стандарт. Взять хотя бы иеромонаха Нестора, возиться с которым было в своё

время столь утомительным для архимандрита Анатолия. Он всё ещё жил в Прилуцком монастыре, за много лет, видимо, окрепнув в уверенности, что нет на свете такой силы, которая запретит ему пьянствовать.

Это случилось в начале 1909 года, ещё до появления в «Елархиальных ведомостях» судьбоносной статьи епископа. Из консистории пришёл в монастырь следующий документ: «Его преосвященство на рапорте с просьбой одного из настоятелей монастырей о рукоположении иеродиакона в иеромонаха положил следующую резолюцию: «Прискорбно читать, что представляемый кандидат не всегда трезвого поведения. Оказывается, что в общежительных монастырях сами настоятели угощают братию водкой у себя в келиях по праздникам. Пора монашеству подтянуться и подать пример трезвости мирянам и белому духовенству. Мы переживаем времена грозного гнева Божия, надо умиловать Господа покаянием и воздержанием». Резолюцию архипастыря циркулярно объявить братству всех монастырей»,

В самом деле, невозможно понять, зачем некий настоятель ходатайствовал о рукоположении в иеромонахи иеродиакона, про которого сам же охотно сообщал, что он пьяница. И зачем пьяницу рукополагали в иеродиакона? От рукоположенной пьяни было потом почти невозможно избавиться, так рукополагали-то зачем? Видимо, для настоятелей, которые сами же и поили братию, пьянство священноиноков стало настолько привычным, что они уже не видели в нем ниче-

го примечательного. Владыка Никон решил положить этому предел.

Отец Неофит воспринял обращение архипастыря очень серьезно. Он, видимо, искренне надеялся, что для братии слово владыки послужит если уж не первым камнем в фундаменте новой жизни, то по крайней мере грозным предостережением. Консistorский документ он решил дать каждому из братии под роспись, предварительно сопроводив его собственным обращением: «Да напишут братия сию резолюцию архипастыря на скрижалях сердца, памятуя иноческие обеты. Настоятель иеромонах Неофит». Все безо всяких затей расписались. Трудно что ли подпись поставить? Но иеромонаху Нестору этого показалось недостаточно, и он написал следующее: «Не дай Господи выдумывать и читать такие циркуляры. Иеромонах Нестор».

Вот ведь паразит. Ему мало было пьянствовать втихую, чему по тем временам было затруднительно воспрепятствовать. Ему захотелось публично и даже письменно заявить своё право на ту непристойную жизнь, которую он вёл. Вот так просто взять и посмеяться над архипастырской резолюцией мог только человек, уже окончательно обезумевший от чувства полной безнаказанности. Тут заметно даже нечто большее: твердая уверенность в собственной правоте. Вся его монастырская жизнь убедила его в наличии у иеромонаха неотъемлемого права пить, сколько ему вздумается и чудить, как заблагорассудится.

Нам неизвестно, какой разговор состоялся между настоятелем и о. Нестором после наглой выходки последнего. А может быть и не было ни какого разговора. Бесспорно одно: настоятель устроил наглецу суровейшую жизнь в трудах и послушаниях. Об этом можно судить по тому, что о. Нестор начал писать рапорты с просьбой перевести его в Дионисиево-Глушицкий монастырь – подальше от ужасного прилуцкого настоятеля. Получалось, что о. Неофит победил, доказав, что наглость братии не останется безнаказанной.

Вскоре из консистории пришёл ответ: «Слушали прошение иеромонаха Нестора с просьбой о перемещении его в Дионисиево-Глушицкий монастырь и резолюцию его преосвященства: «Пусть отправляется в Спасо-Каменный монастырь впредь до моего усмотрения».

На этом примере насельники монастыря могли убедиться в том, что жить они теперь будут по-другому, хотя надо заметить, что дело закончилось, как и в старые добрые времена, переводом в другой монастырь. Не так легко было избавиться от подобных священноиноков.

Епископ Никон, видимо, решил сделать так, чтобы иеромонахи, подобные о. Нестору, вовсе не могли появляться в монастырях епархии. И этого тоже было нелегко добиться, архиерей за всем не мог усмотреть. Старой настоятельской гвардии, привыкшей к тому, что пьянство для монаха – не самый страшный грех, владыка совершенно не доверял. И на отца Неофита владыка возлагал надежды, связанные не

только с обновлением Спасо-Прилуцкого монастыря. Владыка видел в прилуцком настоятеле своего ближайшего помощника, которому он полностью доверял, о чем говорят такие, например, факты:

«Слушали рапорт настоятеля Заоникиевской пустыни игумена Нектария о рукоположении монахов вверенной ему пустыни в сан иеродиакона и резолюцию его преосвященства: «На испытание к игумену Неофиту».»

Можно представить, до какой степени оскорбляли опытных настоятелей такие проявления явного недоверия, да ещё при полном доверии к мальчишке, который в монастыре – «без году неделя». Можно представить, как они роптали, собираясь вместе. Архиерей фактически поставил ни во что всю их монашескую жизнь. Он, можно сказать, взвесил их на весах и нашёл весьма легкими. Решительно взявшись за наведение порядка в монастырях, владыка Никон не склонен был щадить ни чьих самолюбий, при этом своё доверие к отцу Неофиту он подчеркивал может быть даже излишне нарочито: «В виду доброго отношения игумена Неофита монах Сергей удостоивается сана иеродиакона». Такие резолюции, не надо сомневаться, ещё больше усложняли и без того непростое положение отца Неофита в монастырской среде, где он с самого начала оказался противопоставлен всем. Но таков уж был почерк этого удивительного епископа Никона.

Принесла ли плоды эта политика обновления? Некоторые плоды она безусловно принесла. Ради наведения порядка на

сокращение братии шли, не раздумывая. К 1911 году в Спасо-Прилуцком монастыре братия составляла всего лишь 3 человека. Это были все до единого новые люди. Про каждого из них архимандрит Неофит писал твердой рукой и с чистым сердцем: «Качеств отличных, к послушанию способен и усерден».

Надо полагать, что и среди жителей окрестных деревень авторитет Прилуцкой обители удалось поднять. Крестьяне больше не видели шатающихся по улицам пьяных монахов. Кроме того, отец Неофит делал всё, чтобы привлечь к обители внимание благоговейно-трепетное. Вот как он сам описал событие, которое произошло 17 января 1910 года:

«Поезд, гремящая колесами, приближался к монастырской платформе. Темнело. Было около пяти часов. С монастырской колокольни раздался торжественный звон. Он возвестил о грядущей радости – встрече иконы «Скоропослушница» Божией Матери, благословения святой горы Афон. В громадной толпе народа, собравшейся возле хоругвей и икон, принесенных из Спасо-Прилуцкого монастыря, произошло движение. Народ заволновался, раздалось стройное негромкое пение. И стар, и млад закрестились. «Матушка ты наша, Пресвятая Богородица, прости нас», – слышались голоса женщин. Иеромонах в облачении вынес из вагона икону, народ бросился к святыне. «Батюшка, дай понести ико-

ну», – просят все. Святая икона была поднята высоко из опасения, как бы в порыве горячей ревности православные не вырвали её из рук священнослужителей. Звон колоколов, пение монастырского хора и плач народа, плач умиления, слышались в воздухе.

Крестный ход со святынею, благословением горы Афонской, направился к монастырю медленно и стройно. Паровик свистнул как-то грустно, точно в знак прощания со святынею. Всенощная продолжалась очень долго с литией и акафистом. Стройное пение монастырского хора неслось под низкими сводами храма. Храм напоминал катакомбы первых веков христианства, особенно в начале всенощной. Таинственный полумрак, негромкое пение, отчетливые возгласы и прошения. Все предстоящие проникнуты одним чувством. Житейские попечения оставлены. Чувствуется, что все забыли, что там, за этими стенами. Здесь истинное пристанище от бури, здесь все готовы претерпеть за Господа.

Обратившись к святой иконе Богоматери, настоятель излил свои чувства в речи: «И откуда мне сие, да прииде Мати Господа моего ко мне», – так воскликнула святая Елизавета, увидев у себя Деву Марию, и душа её исполнилась истинного благочестия и духовного восторга. И откуда это нам, да пришла Матерь Господа нашего к нам? Пришла в пречистом лике со святой горы Афонской, которая сделалась жребием, истинным уделом Божией Матери, с насельниками которой она обещала пребывать непрестанно. Не погнушалась, при-

шла к нам в малую обитель, где чуть-чуть только мерцает иноческая жизнь. Пришла, верим, чтобы разбудить её, поддержать нас, грешных и недостойных. Иноки афонские, братья наши, отдаленные от нас большими пространствами, но близкие по духу, родные наши! Благодарим вас за милость вашу, что в подкрепление наше и в благословение послали сию святыню».

По окончании литургии крестный ход из храма направился по стенам обители. Впереди хоругвеносцы несли попарно хоругви, иконы, среди которых выделялась новая святыня, за ними в светлых ризах священнослужители и громадная толпа народа. Богомольцы длинной вереницей тянулись по галерее в стенах монастыря, но половина их, вследствие многолюдства, не могла участвовать в крестном ходе по стенам, принужденная оставаться внизу, она созерцала торжественное шествие с иконами. Чудную картину представлял этот редкий крестный ход. Веяло священной древностью. Припоминалось, как в древние времена при других обстоятельствах, когда полчища врагов стояли под стенами, а на их галереях стояли орудия, благочестивые насельники обители с глубокой верою обходили по стенам со святынями и зывали к Богу о помощи. Торжество в монастыре оставило сильное впечатление в душах богомольцев. Остывающее в народе среди житейских попечений чувство близости к нам Божией матери вспыхнуло с новою силою. Не стали казаться слишком тягостными неудачи жизни и скорби. Блистал светлый

луч надежды в дивном лике Богоматери».

Сколько искренней религиозной воодушевлённости в этом монашеском репортаже! Разве не хочется чувствовать, молиться и воспринимать жизнь так же, как отец Неофит? Этот человек был способен во многих сердцах разжечь искру веры одним только тем, что он жил и дышал рядом с ними. И нет ни каких сомнений в том, что сердца окрестных жителей, которые участвовали в том духовном торжестве, вспыхнули пламенем веры. Несмотря на тяжелые духовные болезни, которые уже поразили русский православный народ, наши крестьяне были всё ещё довольно религиозны, но кажется в народе наметилась некоторая духовная растерянность, он мог шатнуться в любую сторону. Народ легко загнивал вместе с загнивающим монастырем и всё ещё довольно легко поднимал глаза к Небу вместе с монастырем возрождающимся.

Как было лечить эти духовные болезни? И так, как это делал отец Неофит, воодушевляя народ, и так как это делал владыка Никон – при помощи горькой правды. Правда – эффективное и страшное лекарство. От неё, как от прививки, можно и заболеть, но выздоровев, будешь уже защищён от этой болезни. Лечить правдой у нас не любят, боязливо вздрагивая от такой перспективы – как бы хуже не вышло. А вот владыка Никон, кажется, был специальным органом, который создала Церковь для возвещения горькой правды.

Вот что он писал в «Епархиальных ведомостях» в июле 1911 года:

«Наиболее излюбленным по своей общедоступности для выражения благочестивого почитания к святой горе Афон и её обитателям являются денежные и вещественные пожертвования. Верует православный русский народ, что доходна до Бога молитва подвижников афонских. Но наряду с истинными богоискателями и усердными молитвенниками объявились на месте святе любители беспечного житья и легкого приобретения. В недавнее время из деятельности схимонаха Парфения стал известен следующий факт. Крестьянка Фекла Юферова в письме на имя хозяйственного управления при Святейшем Синоде сообщила, что ею сделан был заказ келии Благовещения Пресвятой Богородицы на Афоне на изготовление иконы святого великомученика Пантелеймона для приходского храма стоимостью 150 рублей, но настоятель этой кельи схимонах Парфений уведомил её, что означенная икона будет стоить 200 рублей, так как в неё вложены, по его выражению, «очень ценные и редкие святыни».

Кроме того, Юферова при том же письме представила присланную ей названным Парфением фотографическую карточку его, на обороте которой имеется следующая надпись: «Где сия карточка афонского Парфения будет находиться, там пожара не будет, Бог сохранит. Св. гора Афон 1910».

Всё сообщенное Святейшему Синоду крестьянкой Фек-

лой Юферовой свидетельствует, что схимонах Парфений не только торгует сомнительною святынею, но и позволяет себе свою собственную фотографическую карточку выдавать за некую святыню, имеющую даже чудодейственную силу. Подобный случай является далеко не единственным и не исключительным».

Тут же стало интересно, не в той ли самой келье схимонаха Парфения заказал игумен Неофит икону Божьей Матери? Ни кто не станет спорить с тем, что от действий мошенников необходимо предостерегать, тем более, если мошенники свили гнездо в Церкви. Но православные крестьяне, с таким искренним воодушевлением встречавшие в Прилуках афонскую икону, видели в Афоне святую землю. «Мы, конечно, плохие христиане, зато вот там – святость». А тут, оказывается, и там – людишки не лучше наших. Владыка разъяснил. Так неужели же не разъяснить? Это вечный вопрос.

Очевидно, подвергая веру испытаниям правдой, надо одновременно что-то сделать для укрепления веры. В этом смысле епископ Никон и архимандрит Неофит действовали каждый со своей стороны. Уже в сентябре в тех же «Епархиальных ведомостях» архимандрит Неофит выступил со статьей «В колыбель зырянского женского иночества со святынею». Событие, в ней описанное, было лично им организовано в Крестовоздвиженском женском монастыре. «Не было здесь святыни, каковая является принадлежностью каждого монастыря. По старанию игумении, за молитвы сестер

обители иноки святой Афонской горы прислали в благословение новоустроенной обители великую святыню: двух аршин вышины икону Возвещения Креста Господня, прекрасного письма, а в ней частицу Древа Господня с частицами мощей мучеников Трифона, Космы, Дамиана и Федора Стратилата».

Эта статья безусловно перекликается с архиерейской. Тут не столько полемика, сколько желание выровнять впечатление, произведенное шокирующими фактами.

А в конце 1910 года Спасо-Прилуцкий монастырь стараниями своего настоятеля обрел ещё одну святыню, о чем опять же он сам и рассказал: «Естественно желать, чтобы в обители преподобного Димитрия был памятник, было внешне видимое свидетельство той духовной связи, какая существовала во время земной жизни между преподобными Сергием и Димитрием, была святыня, при виде которой иноки и богомольцы обители могли бы уноситься воспоминаниями к тому отдаленному прошлому, когда жили преподобные, и назидаться представлением той тесной духовной дружбы, какую они имели ради спасения души и возвеличения святых обителей. Такая святыня была получена в Спасо-Прилуцком монастыре 21 октября. Это образ преподобного Сергия во весь рост, точная копия чудотворной иконы угодника Божия. Образ писан в мастерской Троице-Сергиевой лавры, в ней освящен на святых мощах преподобного, на которых он находился целую ночь.

Принесение в обитель Прилуцкую иконы друга преподобного Димитрия было для неё великим торжеством. Из монастыря в 4 часа вечера вышел крестный ход на платформу железной дороги. Впереди развевались хоругви, а за ними, медленно двигаясь, богомольцы несли большие иконы преподобных, написанные во весь рост. Точно живые, шествовали преподобные один за другим. При вступлении крестного хода в нижний храм, образ прп. Сергия был поставлен в головах у раки прп. Димитрия. Настоятель монастыря приветствовал прибытие образа: «Гряди, преподобне отче наш Сергие, в обитель друга твоего духовного преподобного Димитрия. Он с нами пребывает духом, здесь и мощи его, источающие исцеление всем, с верою приходящим к раке сей. Гряди, игумене всея Руси Святой, чтимый народом православным от края до края...»

Конечно, жизнь монастыря – не в мероприятиях. Подлинная жизнь монастыря – молитвенная, духовная. Но в этом смысле почти ни об одном монастыре за крайне редкими исключениями вообще ни чего не возможно сказать. Любой монастырь – как айсберг, нам видна лишь незначительная его часть. Поневоле приходится говорить лишь об этой – видимой части, о неких событиях, которые, пусть и не отражают суть монастырской жизни, но всё же могут сообщить о ней некоторое представление.

В 1913 году по инициативе архимандрита Неофита, который продолжал оставаться епархиальным миссионером, в Спасо-Прилуцком монастыре состоялись миссионерские курсы: «Обитель преподобного Димитрия Прилуцкого радушно приняла под свой кров ревнителей православной веры, одушевленных желанием изострить своё оружие для борьбы со врагами Церкви. Она дала помещение для участников съезда и стол. Священники и учителя братски разместились в двух обширных комнатах и имели возможность свободное от общих занятий время проводить в одушевленных разговорах о тех пастырских вопросах, которые особенно занимали их ум.

Для занятий съезда отведен был просторный храм во имя Всех Святых. В воспоминание хороших дней, проведенных в обители в столь полезных занятиях и в такой дружной семье, участники курсов снялись на фотографии. В благодарность обители, собравшей под своим кровом деятелей миссии, последние поднесли обители свою жертву – серебряную позолоченную лампаду к гробнице преподобного Димитрия с соответствующей надписью».

В 1912 году торжественно праздновалась столетие хранения московских святынь в Спасо-Прилуцком монастыре: «В 1812 году нашему монастырю Бог привел хранить сокровища и святыни Свято-Троицкой лавры, многих монастырей и соборов московских. На трехстах подводах отправлены были сокровища через Ярославль на север – в Вологду, куда

трудно было проникнуть врагу. В сентябре прибыли те, кому было поручено хранение сокровищ вместе со святынями. С радушием встретили иноки Спасо- Прилуцкого монастыря скорбящих гостей. Они устроили всё, чем можно было умягчить горе, общее всем русским. Соборный храм обители во имя Происхождения Святых Древ Животворящего Креста, погоревший в 1811 году, сделался местом хранения святынь. Лица во главе с протоиереем Архангельского Московского собора Алексием Шумилиным и ректором семинарии архимандритом Симоном, приехавшие со святынями, нашли приют в Введенских кельях. Благодарность обители за теплый братский прием выражена была в написанных на простенке окна стихах одним из хранителей сокровищ Павлом, игуменом Угрешского монастыря. Стихотворение заканчивается словами:

Нас гласом матерним Москва к себе зовет,
Прости, священная обитель!

Как ты покоила, как ты хранила нас,
Так да покоит Бог тебя на всякий час.

Об этих же событиях свидетельствует двестише над входом в монастырский корпус:

Безбедно Бог меня в сей лютый год хранил,
Москве рассеянной прибежищем я был.

Обитель Прилуцкая знаменовала столетие этого события монастырским торжеством 16 сентября. Во время литургии, совершенной в том храме, где находились 100 лет назад свя-

тыни, совершенно было поминовение всех известных вождей Отечественной войны. После литургии был крестный ход вокруг Введенского и Спасского храма. В час дня состоялось собрание в Введенских кельях, где находили приют московские хранители святынь. Зал келий был разукрашен цветами и зеленью. Царские портреты и написанное в простенке стихотворение игумена Павла – венками из живых цветов».

С радостным и благоговейным чувством доводил архимандрит Неофит до сведения вологжан факты небесной помощи преподобного Димитрия:

«Монах Ульяновского Троицкого монастыря Усть-Сысольского уезда Гавриил сильно страдал от грыжи. Болезнь усилилась до такой степени, что две недели он не мог ни есть, ни пить, ни даже говорить. Гавриил отправился в Спасо-Прилуцкий монастырь. После вечерни больной попросил казначея монастыря иеромонаха Геннадия отслужить молебен преподобным перед гробницами их. Вдруг служащий иеромонах заметил, что Гавриил от радости задрожал и заплакал «У меня что-то как будто оторвалось и всё распустило и сделалось по-старому», – говорил он.

По просьбе священника из Оренбурга о. Димитрия Коновалова была послана ему святая икона преподобных Димитрия и Игнатия. Батюшка жаловался на болезнь и надеялся выздороветь по молитвам своего тезоименита прп. Димит-

рия Прилуцкого. Получено от него письмо: « По молитвам и предстательству преподобного Димитрия меня покинула тяжёлая малярия. Мечтаю побывать В вашей святой обители».

Прилуцкий настоятель рассказал ещё о нескольких подобных случаях. Здесь речь шла уже о жизни собственно монастырской, о действиях Духа, которые ни когда не прекращаются на святом месте.

Архимандрит Неофит – человек интеллектуально развитый и хорошо образованный, совершенно не был интеллигентом, в этом смысле ни сколько не напоминая большинство образованных людей того времени. Вся его деятельность была основана на прочном фундаменте глубокого и цельного религиозно-политического мировоззрения. Таковы были православные монархисты – лучшие люди империи, самим дыханием своим дававшие ей жизнь. Он часто выражал свои мысли в «Епархиальных ведомостях».

«Сколько раз преподобный защищал наш город и обитель от врагов, помогал во дни несчастий. Но ныне предаются забвению благодеяния его. Мы больше полагаемся на свои силы, на своё человеческое искусство, не хотим воспользоваться уроками старины. Между тем, как благовременно было бы это. Теперь не стены каменные городов колеблются от орудий внешних врагов, колеблются стены государства нашего, даже основы его – вера православная, любовь к своему

Отечеству. Вы замечаете, как неверие, нерасположенность к Церкви, сомнения распространяются даже в сельской среде, особенно в молодом поколении, как усиливается развращённость, пороки. Вы замечаете, как портится, дрябнет, мельчает духовно русский народ? Где прежняя мощь его? Куда она делась? Что ждет нас впереди, если ещё больше будут колебаться основы нашей государственной жизни?»

Всего через несколько лет ответ на этот вопрос уже будет известен. Лучшие люди эпохи заката империи предчувствовали катастрофу, точно называя её предпосылки.

«Зверь отверз уста свои для хулы на Господа и на Святую Церковь Его. Стрелы врагов изощрены, и они со всех сторон пускаются врагами в корабль церковный, чтобы повредить ему и потопить в волнах морских. Сети врага настолько тонки и незаметны, что в них легко улавливаются даже люди, любящие Православную Церковь... Церковь раздирается врагами в лице всякого рода сектантов, рационалистического и мистического характера, равно толстовцами и социалистами, поддерживаемыми и вдохновляемыми ненавистниками Христа масонами».

Отец Неофит вполне осознавал, что Россия может спастись, лишь сплотившись вокруг Истины, вокруг тех сокровищ православного духа, хранителем которых он себя осознавал. Поэтому прилуцкий архимандрит так негодовал по поводу открытия в Санкт-Петербурге буддийского храма:

«На Святой Руси совершается нечто ужасное и страш-

ное. Тьма язычества проникает в центры просвещения, в то время, как истинные ревнители веры православной спешат нести Свет Христов в те места, где сгустилась тьма языческих верований, в далекие окраины Сибири к инородцам, не знающим Христа и Его учения, знак этого поворота к язычеству надо видеть в постройке буддийского капища в Петербурге теми, что опозорил этим делом христианские имена свои».

А ведь это было предательство, совершенное сверху. Под натиском «зверя» власть отступала, сдавала позиции, думая, что тем спасет себя, но лишь ещё больше себя ослабляя. Нужны ли были в этой ситуации такие, как отец Неофит? Да, они всё ещё были нужны.

Архимандрит Неофит узнал, что вскоре ему предстоит стать епископом и... заболел, причем довольно серьезно – несколько дней с постели не вставал. Чуть позже он говорил, что ему, лишенному свободы в движениях, казалось теперь, что он со всей ясностью увидел бренность своего существа, свою немощность, своё ничтожество. В смятении сердца он мог только сказать: «Кто аз есмь, Господи? Ты призываешь меня на высоту, аз же нищ есмь и убог». Но вот перед умными очами его предстали сонмы преемников апостольского служения – великих столпов Церкви, святителей Христовых, ревнителей веры, подвигом добрым подвизавшихся да-

же до смерти. Он вспомнил дивные страницы книги Святого Златоуста о величии служения епископского, вообразив себе условия пастырского делания в то время, когда зверь отверз уста свои для хулы на Господа и на Святую Церковь. Он не мог не почувствовать, сколько мудрости, сил духовных и телесных, опыта и таланта требуется для достойного прохождения святительского служения. «Надо быть светильником, – думал он, – высоко поставленным на свещнице, да светить всем горячею верою, во смирении сердца совершающимися добрыми делами. Надо стоять постоянно на страже, бодрствовать, чтобы предотвратить все нападения, часто для неопытного взгляда незаметные».

Вот каких святителей рождала Церковь на закате православной империи.

9 марта 1913 года в день наречения и хиротонии настоятеля Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря архимандрита Неофита во епископа Измаильского, второго vicария Кишиневской епархии, в Вологду прибыли архипастыри, имевшие участвовать в торжестве: архиепископ Тихон, епископ Никон, постригавший в иночество виновника торжества и возводивший его в священные степени, и епископ Амвросий. В соединении с местным епархиальным преосвященным и двумя его vicариями, прибывшие архипастыри составили собою священный собор, какого Вологда не видела ещё

никогда. Чин наречения архимандрита Неофита был совершен в Крестовой церкви Вологодского архиерейского дома. Нарекатель ответил установленной формулой: – «Благодарю, приемлю и нимало вопреки глаголю». Он обратился к преосвященному епископу Никону со словами:

«Помолись за меня от глубины любящего сердца ты, мой архипастырь и отец, приведший меня в пречудный свет жизни иноческой, с отеческой нежностью хранивший меня, да не прельщен буду от сатаны, козни которого бывают незаметны для новоначального, но не укроются от твоего, долгим духовным опытом просветленного взора».

Преосвященный епископ Никон ответил: «Пятнадцатилетнее твоё приготовление к настоящему сану дает основания ожидать, что, умудренный борьбою с расколом и сектантством, ты будешь при содействии споспешествующей благодати Божией делателем непостыдным в вертограде Его. Печать особенного Божия избрания на тебе очевидна. Когда ты праздновал день памяти святого игумена твоей обители, преподобного Димитрия Прилуцкого, в тот момент, когда, вероятно, приобщался святых и животворящих Христовых Тайн, одним из архипастырей в Святейшем Синоде упомянуто было имя твоё, как желательного кандидата епископства, и таким образом промысел Божий призвал тебя к высшему священноначалию в Церкви Его...»

Приняв из рук преосвященного Никона жезл, новый епископ весьма продолжительное время благословлял устре-

мившийся к нему народ».

III. Закрытия не предвидится (1913 – 1924)

Открытия, восстановления или закрытия монастыря не совершалось и непредвидится.

Ведомость о Спасо-Прилуцком монастыре. 1917 год.

Последние дооктябрьские годы Спасо-Прилуцкого монастыря, начавшиеся после того, как владыка Неофит навсегда покинул эти стены, зияют, словно черный провал. Сказать о монастыре было и нечего, и некому, словно он уже закрыт.

Во время наречения архимандрита Неофита во епископа Измаильского, на малом выходе преосвященным Александром, епископом Вологодским и Тотемским, возведен был в сан архимандрита и назначен настоятелем Спасо-Прилуцкого монастыря игумен Нифонт, настоятель Корнилиево-Комельского монастыря (в миру – Николай Курсин).

В 1887 году он был рукоположен во священника в Троицкой Пельшемской церкви Кадниковского уезда, где и служил до 1905 года, исполняя в то же время должность законоучителя Пельшемского земского училища, наблюдателя церковно-приходских школ. В 1906 году по своему расположению к монашеской жизни и по прошению был зачислен указом Вологодской духовной консистории в число братии Спасо-Прилуцкого монастыря. Это произошло ещё при архимандри-

те Анатолии. В 1907 году он же благословил отца Нифонта принять на себя труды по управлению Корнилиево-Комельским монастырем Грязовецкого уезда, где новый настоятель так же был назначен законоучителем Корнилиевской церковно-приходской школы. В 1908 году возведен в сан игумена с утверждением в должности благочинного первого округа монастырской епархии. В 1909 году назначен постоянным членом Грязовецкого отделения епархиального училищного совета. Его труды на поприще духовного просвещения получили признание, в 1910 году он был награжден за полезную и усердную деятельность по заведыванию Корнилиевской церковно-приходской школой наперсным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым.

Однако, в должности настоятеля Спасо-Прилуцкого монастыря архимандрит Нифонт не зарекомендовал себя решительно ни чем, достойным внимания. Единственным сколько-нибудь заметным действием отца архимандрита стало то, что вскоре после своего заступления на должность, он лично проверил библиотеку монастыря и распорядился составить подробный каталог книг. По 11-и разделам переписали 805 изданий. На этом запас идей нового настоятеля был, видимо, исчерпан.

На второй год нифонтовского настоятельства монастырь опять погорел (Примечательно, что пятилетнее настоятельство отца Неофита пролегалo между двумя пожарами). На сей раз пожар был очень обширным, о его масштабах можно

судить по тому, что одновременно пострадали средняя башня и настоятельские кельи. Башню и кельи подлатали, срубили новую баньку, взамен сгоревшей, и житьё пошло по-прежнему.

О том, каким именно было это житьё, какая судьба постигла неофитовские реформы трудно сказать что-либо определенное. Рапортов на своих подопечных отец Нифонт не писал, но само по себе это ни о чем не говорит, поскольку он вообще предпочитал экономить чернила. Если архимандрит Анатолий, составляя послужные списки монашествующих, часто показывал добрую половину из них, как людей морально неустойчивых, если, закрутивший гайки архимандрит Неофит, каждому давал положительную характеристику, то архимандрит Нифонт ни разу за все году своего настоятельства даже не заполнил той графы послушного списка, в которой надо было сказать о поведении иноков и их усердии к послушаниям. Рапортовать было не о чем, не кому, не зачем.

По всей видимости, планы обновления монастырской жизни даже не провалились, а как-то сами по себе постепенно рассосались. Как невозможно было навести порядок в отдельно взятом монастыре, так невозможно было навести порядок и в монастырях отдельно взятой епархии. Настоящее обновление могло произойти только по высочайшему повелению. Иначе невозможно было закрыть половину монастырей епархии, без чего было уже ни как не обойтись. Но высо-

чайшего повеления не было. В итоге, ни кем не поддержанные реформаторы потрепыхались, а потом опять всё стихло.

Архимандрит Нифонт, видимо, был обычным настоятелем. Обычным для того времени. А время было закатное.

Впрочем, именно архимандриту Нифонту суждено было взвалить на себе крестную ношу – управлять монастырем при большевиках до закрытия обители.

В 1918 году всё вроде бы оставалось по-прежнему. Только ни о каком содержании от казны речи уже не шло, да отобрали каменный двухэтажный дом напротив Святых ворот, в котором размещалась монастырская гостиница. Там была устроена «казарма для солдат красной армии», а странники и богомольцы находили отныне приют в привратничкой или на скотном дворе.

Монастырь по-прежнему имел 187 десятин земли, из них 6 – под огородами и садами, 25 – на берегу под сенокосами, да участок елового леса в 140 десятин. По-прежнему сохранялась за монастырем рыбная ловля на реке Вексе, так же держали скотину: 4 коровы, 2 быка, теленок и лошадь.

Большевики играли с монастырем, как кошка с мышкой, которая всё равно ни куда не денется. Устроили, например, обыск, проведенный довольно грубо и по-хамски. Отец настоятель, либо всё ещё не уразумев, в каком государстве он теперь живет, либо проявив подлинное бесстрашие, дерзнул

пожаловаться самому Кедрову. Грозному комиссару захотелось изобразить правового правителя, он издал приказ, позаботившись о том, чтобы он получил широкую огласку: «В виду поступивших ко мне заявлений о недопустимом поведении команды, проводившей обыск в Прилуцком монастыре, назначаю следственную комиссию в составе председателя губисполкома, председателя волостного исполкома и моего представителя тов. Щербакова для подробного расследования поведения команды при обыске. О результатах расследования доложить лично мне».

Проводить серьезное расследование и защищать интересы монахов ни кто, конечно, не собирался. Через пару недель после кедровского приказа в «Известиях губисполкома» вместо оглашения результатов расследования появилась заметка, видимо, имеющая целью доказать, что обыски в монастырях совершенно необходимы: «Монастыри стали настоящими притонами котрреволюционеров, спекулянтов и грабителей. По монастырям то и дело находят склады муки, спирта, съестных припасов, оружия, черносотенных воззваний и царских портретов».

Вскоре в той же газете публикуется анонимная статья, автором которой был, видимо, один из участников обыска, объяснявший, почему не в силах был сдержать свой «праведный гнев»:

«Есть недалеко от Вологды тихий уголок, обитатели которого давно ушли от мира сего, огородив себя крепкой сте-

ной от соблазнов. Чем-то даже таинственным веет от всего этого места, как-то жутко даже подходить к нему. Раздается порой короткий звон колоколов, выбивающих часы, и опять всё смолкает и погружается в тишину. Давно уже уголок этот приковал к себе моё внимание, и случай пробраться за эти мрачные стены наконец представился. Не буду говорить, при каких обстоятельствах, но в монастырь я попал, хорошо познакомился с его обитателями, а потому и хочу поделиться своими впечатлениями.

При знакомстве с покоем самого настоятеля, ведущего за собой братию по тернистому пути отшельнической жизни, мне прежде всего бросилась в глаза куча пустых бутылок. Тут были бутылки из-под рябиновой, коньяка, ликеров, словом тех вин, кои, насколько мне известно, ни для причастия, ни для других обиходов церковных не употребляются.

Посмотрим теперь великолепную живопись покоев. Вот в углу в рост человека картина на полотне, изображающая какого-то святителя. Полотно прибито к стене сверху, так что представляется возможность осмотреть его и с другой стороны. Я не утерпел, чтобы взглянуть на картину, и что же увидел при этом? Потайной шкаф, в котором стоял графин с какой-то жидкостью. Пахло из него точь в точь, как из винной бочки. Жидкость была настояна на травах и служила, видимо, своим хозяевам после трудов праведных хорошим средством для поддержания физической силы (С.К.: По всей видимости, этому недружелюбному свидетельству можно ве-

ритель. То, о чем идет речь, несколько не противоречит тому, что нам известно о предшествовавшем периоде жизни монастыря).

А вот и «Третьяковская галерея», кого только здесь нет: и Сашки, и Машки, и Николашки, словом все те, которые так недавно покровительствовали этой обители. Правда вся эта свора не висела на стенах, но так бережно хранилась (пылинки не было видно), что во всякую минуту была готова к развешиванию. (С.К.: Достаточно сопоставить многовековую историю российского самодержавия с несколькими месяцами пребывания у власти большевиков, чтобы понять: их воспринимали не как представителей власти, а как лакеев, шкодивших, пока хозяина нет дома. Естественно, ждали возвращения хозяина).

А обстановочка покоев, эти мягкие кресла, диваны и прочее, разве не говорят за то, что здешние обитатели давно уже забыли о мирской роскоши, которая так нравственно калечит людей. (С.К.: Сам архимандрит Нифонт в том же году писал: «Настоятельские и братские кельи находятся в порядке и снабжены достаточно вполне приличной мебелью»)

А физический труд, разве он забыт здесь? Среди обширного двора, густо заросшего травой, чуть заметны две грядки лука и картофеля. Разве это не труд 30 обитателей монастыря, разве нельзя забыть от мирских соблазнов в таком труде? (С.К.: Врёт большевик легко, не напрягаясь. Вся братия монастыря вместе с настоятелем и послушниками со-

ставляла тогда не 30, а 15 человек. И земельные угодья монастыря, как мы уже говорили, намного превышали размеры двух грядок. Вот только возделывали ли иноки землю или всё запустили? Вообще-то склонность к тунеядству замечалась за прилуцкими насельниками и раньше. Но они во всяком случае ухаживали за семью головами крупного рогатого скота, о чем «ревизор» не говорит ни слова).

В одной из келий было обнаружено ружьё, чему объяснение, оказывается, простое: Это, по словам настоятеля, какой-то «отец» пугает ворон. Не знаю, почему эта птица не нравится ему, цыплят, которых она могла бы таскать, я не увидел здесь (С.К.: Оружие искали, да? Прямо скажем, находка не очень впечатляет. А ворон в монастыре пугают для того, чтобы они не гадили на купола).

И я заметил тут много других вещей, указывающих на «праведный» образ жизни монахов. Вот когда мне стало понятно, почему монастырь хранит свои тайны. Вот когда я вскипел негодованием на этих паразитов, глумящихся ещё до сих пор над темными массами, приносящими им обильную дань».

Мы привели эту «разоблачительную статью» почти полностью, потому что она, во-первых, дает некоторое представление о жизни прилуцкой обители того периода, а, во-вторых, хорошо демонстрирует, какие тучи сгущались над нею тогда. Как видим, в ходе обыска не удалось обнаружить ни складов оружия или продовольствия, ни черносотенной ли-

тературы. Весь «компромат» по большому счету сводился к тому, что монахи любят выпить и не любят работать. Но для атеистической пропаганды и это был достойный внимания результат. То, о чем до революции крестьяне шушукались по углам, теперь открыто писали в газетах. Относиться к монастырю без уважения теперь не только разрешали, но и предписывали.

Участились случаи разграбления монастырского имущества. Нетрудно понять, что нахальный крестьянин, вырубивший, к примеру, лес на монастырском участке, после подобных публикаций мог не опасаться наказаний.

Нельзя сказать, что отец настоятель смотрел на всё это сквозь пальцы. В ноябре 1918 года, после всех обысков, грабежей и глумлений, им было организовано общество православных христиан, изъявивших желание принять на себя попечение о храмах и всем имуществе Спасо-Прилуцкого монастыря. В него вошли 795 крестьян окрестных деревень – весьма значительная цифра, показывающая, что большинство сельчан ещё не стали жертвами большевистской пропаганды.

Настоятель считал, что только народ сможет защитить обитель. К власти после случая с обыском, он уже не пытался обращаться. Но у комиссаров были широчайшие возможности для обработки народа, который они с презрением именовали «темными массами». У настоятеля было только одно оружие, о котором он сам говорил в конце этого переломного

года: «Слово Божие проповедывалось в храме по возможности почти во все праздничные и воскресные дни самим настоятелем через произнесение подходящих по времени учений, выбранных из творений известных отечественных проповедников».

По неполным данным в России за 1918 год убито 94 монаха и монахини. Закрыто 26 монастырей. Подвергнуты тюремному заключению 8 архимандритов и 5 игуменов. В 1920 году Московскому исполкому предложено закончить ликвидацию мощей прп. Сергия Радонежского. Принято решение о закрытии Троице-Сергиевой Лавры.

В это же время мощи духовного друга преподобного Сергия, преподобного Димитрия, по прежнему в полной неприкосновенности почивали под спудом. Спасо-Прилуцкий монастырь, некогда великий, давно уже впавший в ничтожество, но по-прежнему хранимый Господом, продолжал жить, несмотря на отсутствие содержания от казны, несмотря на постоянное разграбление имущества и сокращение сборов, вопреки желанию тех, кому тогда невозможно было преколовить.

Как же удавалось им сводить концы с концами, если даже в благополучном последнем десятилетии XIX века архимандриту Анатолию, полная самокупаемость обители казалась совершенно немислимой? Некоторое представление об

этом даёт отчет о приходе, расходе и остатках монастырских сумм за 1920 год:

«Осталось от 1919 года – 5404 р. В 1920 году поступило от продажи свечей – 228 000 р. котелкового сбора – 225 113 р., от продажи просфор – 135 938 р. Высыпано из кружек: от раки преподобных – 6090 р., из часовни – 31 717 р. Израсходовано на покупку восковых свечей – 4500 р., на покупку муки и выпечку просфор – 9204 р., на церковное вино, масло, ладан – 27 730 р., на ремонт монастыря 71 000 р.. на содержание братии 315 000 р., на отопление зданий – 35 000 р., служебные расходы 611 012 р.»

Поступление от крестных ходов, видимо, показано с ошибкой, вряд ли эта сумма могла составить 7,5 млн руб. Однако, и сокращенная на порядок, она продолжает оставаться доминирующей и свидетельствует о том, что братия вовсе не замыкалась в монастырских стенах, продолжая славить Господа так же и по окрестным деревням, откликаясь на просьбы местных жителей. В 1920 году для того, чтобы проводить крестные ходы требовалось немалое мужество. Как это терпели комиссары – уму непостижимо.

Можно обратить внимание и на то, что одна только чистая прибыль от продажи свечей и просфор превысила сумму, израсходованную на содержание всей братии. Значит, сельчане были нередкими гостями в обители, несмотря на то, что в селе Прилуки тоже была церковь. Можно ли говорить о том, что накануне закрытия люди отвернулись от монастыря?

В 1921 году из 1250 монастырей, существовавших до революции, было закрыто 613. В 1923 году в ходе массовых репрессий только по суду было расстреляно 1961 монаха. Соловецкий монастырь превращен в концентрационный лагерь. Спасо-Прилуцкая обитель всё ещё жила.

Давно уже минуло время мелких несанкционированных крестьянских грабежей, теперь этими делами серьезно занялось само государство. Согласно декрету ВЦИК от 1922 года об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих Прилуцкий монастырь сильно перетряхнули. Если до революции в ризнице монастыря было 29 серебряных предметов, то в 1923 году их осталось только 9. Удивительно, что хотя бы их удалось сохранить. Оставались на своих местах ещё и напестольный деревянный крест, обложенный серебром, и Святое Евангелие, так же обложенное серебром.

А вот с мебелью, на которую правители-грабители положили глаз ещё в 1918 году, пришлось расстаться. Всё скромное убранство этих стен составляли теперь 4 шкафа, 4 ковра, 2 умывальника, таз да стол. Невольно на исходе дней обитель возвращалась к временам апостольской простоты. Назван так же имевшийся в ризнице монастыря в 1923 году медный настоятельский посох. Где черный деревянный костыль преподобного Димитрия и времена чудотворцев? Где серебряный архиерейский жезл и эпоха расцвета? Медный настоятельский посох.

12 апреля 1924 года, незадолго до закрытия Спасо-Прилуцкого мужского второклассного монастыря, газета «Красный Север» писала: «В ближайшие дни в уголке кулачества селе Прилуки рабфаком будет открыта изба-читальня, задача которой не только снабжать крестьян газетами и брошюрами по сельскому хозяйству, но и вести антирелигиозную работу, вырывать бедняцкую часть местного населения из сетей, расставленных монахами Прилуцкого монастыря».

Мы знаем, что духовное состояние монастыря в последние десятилетия его существования было весьма печальным, но на что заменили монастырь? Изба-читальня – символ самоуверенной ограниченности, убогого и примитивного «просвещения». Как жалко выглядели эти несчастные комиссары, считающие себя носителями прогресса. И вот тут чувствуешь сожаление об утраченном монастыре.

Так почему же все-таки Спасо-Прилуцкий монастырь так долго не закрывали? Оптину пустынь, например, закрыли уже в 1918 году, а нашу обитель терпели после этого ещё долгих 6 лет. Первое о чем думаешь: Оптина пустынь была светильником православия, она была опасна для большевиков, и терпеть они её ни сколько не могли. Обитель пьяненьких монахов комиссарам было даже выгодно некоторое время сохранять в неприкосновенности. Недаром Ленин высказывался в том смысле, что один священник-пьяница на свободе сделает для антирелигиозной пропаганды больше, чем

несколько коммунистических агитаторов.

И всё-таки судьбы монастырей были (и есть, и будут) не в руках комиссаров, а в руках Божьих. Оптина пустынь к моменту революции уже созрела для Царства Небесного, Прилуцкому монастырю Господь дал время на покаяние. Прилуцкие монахи мужественно и спокойно шествовали крестными ходами через распрогандированные большевиками деревни, получая возможность очистить души и искупить множество грехов. Возможно, именно тогда наша обитель стала источником подлинной духовной жизни.

О том, как закрывали Спасо-Прилуцкий монастырь, нам ничего не известно. Вспоминается история из книги архимандрита Тихона (Шевкунова) о закрытии одного из русских монастырей той поры. Монахов поставили под расстрел и настоятель обратился к братии: «Жили мы с вами, как свиньи, давайте же умрем, как люди». Может быть, нечто подобное по смыслу было и в Спасо-Прилуцком монастыре.

Есть смутное предание о том, что прилуцких монахов действительно расстреляли. В 90-е годы XX века одному вологодскому журналисту рассказывали в селе Прилуки, что здешних монахов расстреляли золотыми пулями – иначе не получалось. Журналист, простодушно поверивший в этот миф, опубликовал в «Красном севере» заметку под заголовком: «Простые пули их не брали».

Миф – не ложь, а факт общественного сознания, произведение народной души. Народ в глубине своей души имеет

представление о монахах, как о людях не совсем обычных, как о существах из иного мира. А разве не так и есть на самом деле?

Часть вторая

Лишенцы (1929-1930)

I. Сведений не имеется

Спасо-Прилуцкий монастырь после закрытия пустовал лишь пять лет. В 1929 году здесь был открыт пересыльный пункт для спецпереселенцев, то есть для раскулаченных. Их ещё называли лишенцами-людьми, лишенными гражданских прав. О существовании в Прилуках пересыльного пункта было известно едва ли не каждому вологжанину, что не мешало советской власти окружать свои труды молчанием, блокируя официальную информацию.

В областном управлении КГБ нам сказали: «В нашем архиве сведений об этом нет. У нас вообще нет данных на спецпереселенцев. Обратитесь в УВД».

В УВД Вологодской области дали официальный ответ: «В архиве материалов, связанных со спецпереселенцами на хранении не имеется. До 23 сентября 1937 года большая часть территории современной Вологодской области входила в состав Северного края с центром в г. Архангельск. Вы можете обратиться в УВД Архангельского облисполкома».

Ответ на запрос, сделанный в Архангельск, был в том же духе: «По учету спецпоселков, в которых проживали спецпе-

реселенцы, имеются документы, начиная с 1941 года. Упоминание о Спасо-Прилуцком монастыре в них не встречается».

В газете «Красный Север» того времени проклятий в адрес местных кулаков более, чем достаточно. О высланных на нашу землю – ни полслова. Зато в избытке такие заголовки: «Проклятие гнусным убийцам рабочих Берлина», «Ужасы буржуазных тюрем», «Харбинские палачи вынесли жестокий, бессмысленный приговор». Гнусные убийцы... ужасы тюрем... жестокий бессмысленный приговор... Запомним – эти выражения. Но кто расскажет о спецпереселенцах?

Профессор из США Роберт Конквест, автор книги «Жатва скорби» – господин весьма информированный. Он пишет о том, что в Вологде 47 церквей были превращены в тюрьмы для ссыльных крестьян, о том, что между Грязовцем и Архангельском, то есть на протяжении 640 километров, было множество лагерей, в которых сконцентрировали до 2 млн человек. Вот только господин профессор не указывает источников информации, ограничиваясь выражениями типа: «по расчетам одного из исследователей», «по данным авторитетных источников», «по словам свидетеля, которому можно доверять».

Наши источники имеют имена. В 1989 году автор этих строк разговаривал с людьми, которые хорошо помнили самую страшную из всех прилуцких былей.

II. Люто есть место

Люто есть место и зело страшно.

Ужасается ум мой, и трепещет душа моя, вспоминая сие,
Протопоп Аввакум.

К воротам Спасо-Прилуцкого музея-заповедника подходит пожилой грузный мужчина. Пока другие посетители берут билеты, он смотрит вглубь монастыря и, ни к кому не обращаясь, видимо, просто думая вслух, говорит:

– Вот здесь и бегал семилетним пацаном.

– Так же, поди, хулиганил, как нынешние? – с усмешкой спрашивает женщина-кассир.

– Хулиганил... – в голосе мужчины не чувствуется вызова, лишь нежелание опровергать, – А вы коренная, местная? – неожиданно спрашивает он.

– Нет.

– Тогда не знаете, – короткий непонятный разговор на этом обрывается.

Мужчина проходит на территорию, и показывая своим попутчикам на здание братского корпуса, говорит: «Здесь мы жили на втором этаже. Ничего почти не изменилось».

Этот мужчина – Рафаил Лаврентьевич Адлер, по происхождению – немец, предки которого переселилась на Укра-

ину ещё при Екатерине II. В 20-е годы XX века Адлеры жили под Одессой большой семьей. Отец – Лаврентий Яковлевич, мать – Агафья Андреевна и 11 детей, в том числе и маленький Рафаил, который был в семье предпоследним. Отец был учителем, человеком всесторонне образованным, но и в крестьянском хозяйстве толк знал. Все вместе обрабатывали свой земельный надел, имели двух лошадей, двух коров – не так уж и много для такой огромной семьи. Весь надел, впрочем, обрабатывать не удавалось, не хватало сил. Хотя и не голодали Адлеры тогда, но нанять работников было не на что.

Так было до 1929 года, когда попали они в списки подлежащих раскулачиванию. Две коровы да две лошади – уже предмет для зависти. То что немцы, и дети в основном говорят по-немецки – прекрасный повод для неприязни. И, в довершение ко всему, хозяин – интеллигент. Дескать, знаем мы этих интеллигентов. Вывозили ночью на подводах, потом по железной дороге на север...

В вотчине Прилуцкого монастыря, насчитывавшей в XVII веке сто деревень, проживало 2800 крестьян. Раскулаченных земледельцев сам монастырь вместил до 20-и тысяч. Кстати, и прежним крестьянам слово «монастырь» далеко не всегда радовало слух. В 60-70-е годы XVII века от отчаяния крестьяне начали своевольничать. Так старец Ефрем жаловался, что они перекосили монастырскую межу во ржаном поле. Монастырские власти распорядились: «Учинить наказа-

ние, бить батогами». А вот раскулаченные рады были бы отделаться батогами.

«Привезли нас с родителями сюда в декабре 1929 года, – рассказывает Рафаил Лаврентьевич, – Четверых братьев, которые были постарше, сразу же отправили дальше по этапу. А мы провели в монастырских стенах долгие и мучительные полгода – до мая 1930-го. Нары в корпусе стояли очень плотно, к тому же они были трехъярусные. Воздух от такого скопления людей всегда стоял очень спертый. Мне, мальчишке, казалось тогда, что здесь и топить не надо – люди достаточно насышат, И всё-таки многим переселенцам не хватило места под крышей. Среди нас были татары, большинство из них так и жили на улице – у костров грелись».

Смерть ни на шаг не отходила от несчастных, сбитых в плотную кучу людей, ежедневно задавая работы мужчинам, знакомым со столярным ремеслом. Они делали гробы: простые, нетесанные, отличающиеся друг от друга только размерами. Маленьких требовалось больше, потому что каждый день умирало более десятка детей. Рафаил Лаврентьевич хорошо помнит штабеля гробов во дворе.

«Из нашей семьи, однако, ни кто не заболел, и я все эти полгода, несмотря на недоедание, оставался абсолютно здоровым. Благодаря этому других детей выручал часто. Дело в том, что за многими приезжали родственники со всех концов страны. Иногда им отдавали маленьких детей, но только в том случае, если дети были здоровы. Здоровых же бы-

ло очень немного. Вот я и проходил вместо них освидетельствование в больнице для переселенцев, которая была на территории монастыря. Думаю, что таким образом мне удалось спасти жизнь многим своим ровесникам. Они наверняка бы умерли, оставаясь в этих стенах. Через врачей ежедневно проходило огромное количество маленьких переселенцев, какое-то время это позволяло мне выполнять подобные просьбы. И всё-таки вскоре меня начали узнавать, дескать, этот парень в прошлый раз под другой фамилией был. Больше я уже не ходил в больницу».

Почему не отдавали именно больных детей? Казалось бы, должно быть наоборот: если заболел ребенок – пусть его родственники выхаживают. Ведь в НКВД отлично понимали, что в условиях пересыльного пункта больного ждет неминуемая смерть. Но отпускать больных и измученных значило по-своему рассекретить тяжелейшие условия жизни в монастырских стенах. Так соблюдалась секретность, стоившая жизни сотням, если не тысячам детей.

Впрочем, дети всегда остаются детьми. Несмотря на холод и голод, несмотря на то, что вокруг них гуляла смерть, они психологически легче переносили тяготы этого заключения. Дети не вполне понимали страшные причины переселения из родных мест, мало задумывались о ближайшем будущем и были увлечены своими обычными забавами.

«У ворот монастыря стояла охрана НКВД, за стены они ни кого не выпускали. А нам, пацанам, очень хотелось сбе-

гать на речку искупаться. Она была прекрасно видна через монастырские бойницы».

Мы идем по галерее вдоль стены, мой попутчик показывает на узкие прорезы в кирпичной толще. Кажется, что если человеческое тело и может протиснуться в них, то с величайшим трудом, причем ни как нельзя гарантировать, что падение будет удачным.

«А мы вот прыгали или, вернее, выбрасывались через них с единственной целью – искупаться. Сейчас сам удивляюсь, как нам не страшно было, ведь здесь довольно высоко. А, между тем, я не помню, чтобы кто-нибудь из нас после этого хромал. Обрато нас пускали без проблем. Вообще, охрана впускала в монастырь кого угодно, а вот выйти было куда сложнее. За детей же, бегавших на речку таким рискованным способом, не переживали, знали, что от родителей они ни куда не убегут».

Всё это рассказчик произносит с почти детской лукавой улыбкой. Неожиданно его лицо становится серьезным, положив руку на край бойницы, он говорит: «Знаешь, этот полновесный церковный кирпич многое помнит, о многом может рассказать».

Стены, возведенные в XVIII веке, помнят действительно не мало. Ещё больше помнит земля, которую они окружают. Кажется, тюрьма вызревала в обители постепенно и неуклонно, до тех пор, пока вовсе не вытеснила монастырь.

Брат великого князя Ивана III, углицкий князь Андрей

Большой, имел двух детей: Ивана и Дмитрия. Андрей враждовал с великим князем и тот, чтобы обезопасить государство от междоусобиц, приказал заключить своего брата в темницу, а малолетних детей его сослать в Вологодскую землю, где они были заточены в Спасо-Прилуцком монастыре. Братья, из которых старшему, Ивану, было 13 лет, а младшему, Дмитрию, 12 всю жизнь провели в оковах, не имея у себя ни чего, кроме иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» в качестве родительского благословения.

Незадолго до смерти Ивана в 1522 году по его неотступным просьбам Спасо-Прилуцкий игумен Мисаил совершил его постриг в схиму с наречением имени Игнатий. Над гробницей этого молитвенника и страдальца, прошедшего 32 года в темничных оковах, сразу же стали происходить многочисленные исцеления. Позднее Игнатий был причислен к лику святых. Его младший брат, Дмитрий, провел в заточении ещё 18 лет и скончался, так и не увидев свободы. Оба брата погребены в Спасском соборе Прилуцкого монастыря. Так невинные дети страдали от политических игр.

А бывали сюда помещаемы дети и не совсем невинные. В начале XX века в Спасо-Прилуцкий монастырь, так же, как и в другие монастыри епархии, направляли на содержание несовершеннолетних преступников. Известно, например, что здесь коротал свой дни юный негодник Николай Бобриков.

Р.Л. Адлер не помнит точно, чем их кормили тогда, пом-

нит лишь, что еды постоянно не хватало. Ещё он помнит, что, когда сошёл снег, они искали возможность сбегать на поля соседних деревень, чтобы искать прошлогоднюю картошку. Можно себе представить вкусовые качества и разнообразие предлагаемых переселенцам блюд, если они и гнилую картошку считали за еду.

В мае 1930-го переселенцев начали вывозить, Адлеры попали под Нюксеницу. Высадили людей прямо в лесу, сказали: «Стройтесь, живите». И строились, и жили, и умирали очень многие. Эту семью смерть по-прежнему обходила стороной, но недреманное око НКВД ни кого не обижало недостатком внимания.

Неожиданный обыск в доме, причем не без результата. Офицер НКВД держит в руках толстую тетрадь, пробегает глазами первые страницы и кричит, обращаясь к хозяину:

– Ты что тут нагородил такое?

– Я всё, как было, написал, здесь только правда.

– Правда?! Будет тебе правда.

Дело в том, что Лаврентий Яковлевич в этой тетради изложил в стихах всю историю мытарств своей семьи. Тетрадь забрали вместе с автором стихов, семья ни когда больше не увидела своего хозяина. А вот бы заглянуть сейчас в ту тетрадку.

III. Столкнувшиеся поезда

Вы должны с сознанием собственного достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых потребует от вас государство.

«12 заповедей поведения немцев на Востоке».

С многострадальной Украины в начале 30-х годов XX века шли на восток поезда. Холодные вагоны, предназначенные для перевозки скота, были до отказа набиты людьми. Профессор Конквест приводит описание поезда для спецпереселенцев: «Вагоны запирали снаружи, в них было душно и почти не проникал свет. На десятерых выдавали обычно буханку хлеба и полведра жидкой похлебки в сутки. Каждый пятый пассажир умирал по дороге, особенно часто – маленькие дети. Многие из перевозимых были больны, часть женщин – беременны. Одна казачка родила в поезде. Ребенок умер, двое солдат выбросили трупик из вагона прямо на ходу».

В начале 40-х примерно такие же поезда шли с Украины теперь уже на запад, в Третий Рейх. В меморандуме нацистского центрбюро по учету восточных народов находим описание поезда, сходное с уже приведенным: «В этом поезде женщины рожали детей, выбрасываемых на ходу из окон, больные туберкулезом и венерическими болезнями ехали в общем вагоне с остальными. Умиравшие лежали даже без соломенной подстилки, а мертвецов выбрасывали на насыпь железной дороги».

Эти поезда, которые ни когда не могли столкнуться в пути, столкнулись в судьбе одного человека – Веры Кирилловны Слюсенко, родившейся и жившей в Запорожской области.

Семья Слюсенко имела две коровы, две лошади, двадцать ульев. В этом, казалось бы, не было криминала, тем более что батраков не нанимали. Криминал усмотрели в том, что семья не захотела вступать в колхоз. Председателем колхоза был тогда родной брат Кирилла Слюсенко, он и стал инициатором раскулачивания. Так брат шёл на брата. Гражданская война ещё отнюдь не закончилась. Имуущество отобрали, потом был поезд, идущий на восток, потом – Спасо-Прилуцкий монастырь, трехъярусные нары в стенах Спасского собора.

Спустя несколько лет после этих событий один из организаторов нацистских концлагерей писал; «Установлено, что путем постройки трехъярусных нар вместо кроватей в типовых бараках имперского трудового фронта можно поместить по 150 военнопленных». – Оpozдал группенфюрер с открытием, большевики научились использовать такие нары гораздо раньше.

В монастыре остались мать с тремя детьми, в числе которых – семилетняя Вера, их отца и деда сразу же отправили дальше, под Тотьму.

«И в дороге, и позднее, в монастыре, обращались с нами, как со скотом, – вспоминает Вера Кирилловна. – Когда сошли с поезда, и всех большой толпой загоняли в стены мона-

стыря, мой брат потерялся, помню, как мать кричала: «Подождите, там мой сын!». В ответ её ударили прикладом. На прикладные удары вообще не скупилась. А брата нашли на следующий день под монастырской стеной чуть живого...»

Так начались мучительные 2 месяца: с марта по май 1930 года. Еды не хватало, перебивались в основном за счет запасов, которые были с собой, но не у всех они были. Дети, что поменьше, целыми днями сидели на нарах. Самые маленькие из них часто разбивались насмерть, падая на каменный пол с этих высоких и шатких деревянных сооружений. Верхний храм Спасского собора ни когда не был отапливаемым. Собравшаяся на кирпичах влага постоянно капала с потолка. И полумрак. Можно себе представить, как всё это действовало на детскую психику. Да и на детский организм тоже. Среди сотен детей, умерших в монастырских стенах, был трехлетний брат Веры Кирилловны.

Хоронили, по словам В.К. Слюсенко, под монастырской стеной. А многие нашли смерть в реке Вологде. В марте, когда ещё стоял лёд, ходили на реку за водой. Возвращались не все, иные предпочитали броситься в прорубь. Беспросветность настоящего и мрак будущего толкали к тому, чтобы разом решить все проблемы, Потом из Москвы приехал какой-то важный чин и разрешил родственникам, оставшимся на воле, забирать детей младше 15 лет. Веру забрала тетья, увезла обратно на Украину. Дочери раскулаченного постоянно приходилось испытывать обиды и унижения. Потом

был 1941 год.

«На Украине немцы страшно свирепствовали,— вспоминает В.К. Слюсенко, — жгли дома, убивали скотину, стреляли людей. А скольких в Германию отправили! Оттуда мало кто вернулся. И я несколько раз попадала в списки для отправки, в конце концов этого не удалось избежать. Но по пути охранники перепились, и я убежала с поезда».

Так поезд с конвоем второй раз вошёл в жизнь молодой украинки, за всю свою жизнь не совершившей ни какого преступления.

«Очень долго скрывалась, обратно к тете идти было нельзя, всю семью могли расстрелять. Наконец решила пойти к своему крестному отцу Ф. И. Сулеменко, который служил немцам, используя эту возможность для того, чтобы спасти своих земляков. Рискую головой, он, например, прятал у себя еврейскую женщину с ребенком, спрятал и меня тоже. Через несколько дней разрешил не скрываться больше, сказав: «Гуляй, что уж будет». Немцам он сказал, что я дочь его первой жены. А потом, когда наши подходили, та еврейка сказала ему: «Не уходи с немцами за Днепр, не бойся своих». У неё муж оказался большим начальником, и она за него заступилась».

А отец Веры ещё тогда, в 30-м году, попал под Тотьму. Высадили их в лесу, велели отстраиваться. Только и на этом не кончились его мытарства. Кем-то оклеветанный, он был арестован. Его били, неизвестно что желая выведать и не об-

ращая внимание на постоянно повторяемые слова: «Я ничего не знаю». Потом был лагерь в Коми АССР (Туда же из монастыря отправили его жену). Потом побег.

Нет ничего удивительного в том, что живший век свой оседло человек, оказался неспособен долго выносить жизнь беглого каторжника. Он пришёл в Вологду, прямо к начальнику управления НКВД и сказал, что мол я такой-то и оттуда-то, стреляйте, коли хотите. Начальник оказался человеком с пониманием (Видимо, поэтому его самого позднее расстреляли) Он дал Кириллу Слюсенко возможность поселиться в поселке Ермаково Вологодского района. О возможности уехать на родину тогда, в войну, речи не шло. Не появилось такой возможности и сразу же после войны. Зато в 1947 году он взял к себе дочь, сына и жену. Жили тогда голодно, но снова были все вместе. Все, кто остался жив. В Прилуках умер брат Веры Кирилловны, под Тотьмой – её дед. В 1953 году им дали, наконец, паспорта, реабилитировали, разрешили вернуться на Украину. Вера Кирилловна, вышедшая к тому времени замуж, решила остаться в Ермакове.

«Свои-то, верно, хуже чужих были», – говорит В.К.Слюсенко. К таким сравнениям невольно приходишь, если представлять свою жизнь зависящей от воли правителей. Но свою ли волю творили столь похожие друг на друга диктаторы той эпохи?

IV. Черные избы на белом снегу

Равнодушные лица толпы,
Любопытных соседей набег,
И кругом проторили тропы,
Осквернив целомудренный снег.
Александр Блок

Начало февраля в том году скорее напоминало середину марта. В маленьких деревнях нет, правда, грязной городской слякоти, нет огромных луж, заставляющих не любить это время года. Здесь весна приносит с собой рыхлый, по-прежнему белый снег, свежий звенящий воздух и одинокие голоса осмелевших птиц.

Деревенька Осинник Гончаровского сельсовета Вологодского района стоит недалеко от дороги. Подходишь к ней по узкой тропинке всё равно, как по бревну, ежеминутно рискуя поскользнуться и увязнуть по пояс. За современными добротными домами – старенькие черные избы, будто вросшие в белый снег. Есть что-то очень русское и в снеге, и в избах, и в резком контрасте между ними.

Женщина, с которой хочу встретиться – Софья Федоровна Чернышева, сейчас ей уже 88 лет (С.К.: это 1990 год) Почти уверен, что застану её дома. Деревенские бабушки редко куда-нибудь выезжают, разве что к сыну в город, и то нечасто и далеко не все. Я не ошибся, из маленькой прихожей

хозяйка приглашает в комнату, скромное убранство которой поразило бы всякого, кто не бывал в таких избах. Большая икона в переднем углу. Тиканье настенных ходиков только подчеркивает тишину. Я жду рассказа про тридцатый год, всё про тот же Прилуцкий монастырь.

«Жили в деревне Пестово недалеко отсюда. Трое детей у нас с мужем к тому времени было. Занимались кустарными промыслами, сбрую для лошадей делали. Было и своё хозяйство: корова, лошадь. Муж на лесозаготовки ещё ездил. А в 30-м году, как раз, когда его не было, имущество отобрали, меня с детьми из дома выгнали. За что, про что – не объясняли, и сейчас не знаю. А брат мой жил в Осиннике. Пошла с детьми к нему, приютил. Вернулся с лесозаготовок муж, его осудили на 10 лет. А вскоре и меня забрали, одну, без детей. Когда по улице вели, никто не смел подойти даже, так боялись. Привезли в Прилуцкий монастырь, где пробыла с 11 мая до 20 октября».

Я несколько раз удивлялся тому, что Софья Федоровна помнит точные даты происходившего 60 лет назад, причем, называет их уверенно, даже не припоминая. А ведь вряд ли она когда-нибудь думала, что всё это можно будет рассказывать, вряд ли запоминала специально. В те годы такие вещи рассказывали только следователю, а в последующие этим никто не интересовался. Всё-таки странная штука – человеческая память. Цепляется порой в некоторые события с такой силой, что не отпускает уже никогда.

Поселили русских в том же Спасском соборе в том же мае 30-го, когда Адлеры и Слюсенко навсегда покинули эти стены. Кстати, украинцы, с которыми довелось беседовать, до сего времени не слышали, что кто-то был в монастыре и после них. Так же и Софья Андреевна только от меня с удивлением узнала, что за какой-то месяц до неё в соборе жили и умирали дети. При ней детей уже не было.

Русских держали в монастыре гораздо строже, чем их предшественников. Тем бежать было некуда, а у местных дома и семьи – под боком. На ночь – под замок, а чтобы за стены выйти, так и не думали. Давали 300 граммов хлеба в день, да капусты кислой. Лишь у немногих была возможность и быт свой сделать разнообразнее, и паек улучшить. Это работа, стирка. Софья Федоровна сама на неё напросилась через неделю после того, как попала в монастырские стены. Уже и суп давать стали, и кашу – на харчи грех было жаловаться, но и работа очень тяжелая – с утра до вечера.

«Настираешь три огромные корзины и на реку полоскать. Помощников давали, но если убегут – ты отвечаешь. Я у них как бы за старшую была».

Порядок в монастырских стенах теперь поддерживали куда строже, за чистотой следили больше. Так стало, когда последних украинцев отправили кого куда в июне. Целые кучи вшей, как муравейники, после них наметали. И одеяла пришлось в дезинфекцию отдавать, одной стиркой взять их было невозможно.

С.Ф. Чернышеву тоже однажды поставили в список для отправки на Печору, было это 29 июня. Но решили разобраться сначала, а вообще вологодских очень многих отправили, и умерли многие. Её землячка из Гончарки родом там умерла. Хоронили внутри монастыря у той башни, что первая по дороге из Вологды стоит. Хоронили, видимо, в разное время когда где. Все, с кем довелось беседовать, говорят об этом по-разному. Так что теперь внутри монастыря и за его стенами нередко ступаешь по костям. Над ними ни имен, ни крестов,

20 октября 1930 года начальник позвал её к себе и сказал:

– Плохо, говорят, ты, Чернышева, стираешь.

– Так ведь народу много, на всех не уладить.

– Ладно, ступай домой, только в Вологду зайди сначала

отметиться.

В Вологде проверили, не убежала ли, потом отпустили в родную деревню. Её муж полгода был в заключении, потом работал в Вологде. Взят был без обвинений и отпущен без извинений.

Жили Чернышевы неплохо, жили ещё троих детей, шестеро их стало, а в 1940 году хозяин умер. Осталась Софья Федоровна с детьми одна. Больше, вроде, и рассказывать нечего. Была работа в совхозе, несколько десятилетий к ряду. Работа не баловала ни разнообразием, ни высокими заработками. А детей всех вырастила, поставила на ноги. Сейчас кто где, но не забывают мать, помогают.

Спрашиваю о прошлых временах:

– Кто виноват был во всем этом? Не думали тогда, что Сталин виноват?

– Нет, на Сталина не думали. Тогда вообще боялись и подумать, и слово сказать. Просто кто-то из своих, деревенских, показал на нас. Теперь уже ни кого в живых нет, одна я осталась. Тогда же, когда я и муж вернулись домой, со всеми в мире жили. Никто нам старого не вспоминал, и мы ни кому слова не сказали.

Так просто выходит и так мудро. Что было, то было, надо дальше жить. И никакого поиска виноватых. Икона не даром висит в переднем углу у Софьи Федоровны... Хозяйка вдруг спохватилась: «Так может мне угостить тебя чем?» Она достала из печки топленое молоко, налила стакан, мы ненадолго замолкаем.

Жаль наших бабушек, но им самим и в голову не приходило себя жалеть. Они всё принимали, как есть: незаслуженные обиды, непосильную работу, неожиданные разлуки. «Пообидели в молодости ни за что, а потом всё ладно было, грех жаловаться. Чего уж там, дело прошлое», – говорит моя собеседница. Да, прошлое... Запомнились точные даты, а обиды забылись за долгую жизнь. Эта жизнь, как бескрайнее снежное поле, по которому то здесь, то там разбросаны черные избы.

V. Свидетели

К 1989 году их осталось уже очень немного. Их рассказы немногословны. Что-то забылось, что-то и тогда не было известно. Но сегодня имеет вес каждое их слово.

Н.Н.Гусев, житель Вологды, вспоминал: « В возрасте 5-6 лет я был свидетелем того, как конвоировали прибывших по железной дороге людей, как их в то время называли – лишенцев, в Прилуцкий монастырь. Колонна была очень большая, шириной во всю проезжую часть дороги. Впереди колонны шли солдаты с собаками, а сзади – с винтовками. Так же и с обеих сторон колонны. Потом я не раз слышал от матери, которая посещала прилуцкую церковь, что вот и сегодня опять много хоронили детей. По несколько гробов в одну могилу. Место их захоронения было при входе на кладбище. В дальнейшем я видел холмики неухоженных могил без каких-либо памятников. Сейчас на этих местах уже похоронены люди, умершие в послевоенные годы».

А.Н.Долгова, одна из старожилов села Прилуки, тоже хорошо запомнила события того времени: «Ужас! Ужас, что было! Лишенцев на лошадях везли из Вологды, весь монастырь был загроможден. Когда с едой было плохо, умирало много детишек. На кладбище их хоронили, не найти теперь ни креста, ни холмика. Голодали тогда все, и в селе тоже нелегко было. Лишенцы, кто мог, меняли свою одежду на картошку и хлеб. Некоторые запаслись в дорогу салом, так сало на хлеб меняли, а чаще всего выходили просить милостыню».

А.К. Раков, проживший в Прилуках более полувека, рассказывал: «Жалко их, конечно, было, когда видели едва идущих по весенней распутице за мерзлой картошкой, или когда они несли на кладбище гробы. После них, как увезли всех, много блох на траве было. Пройти невозможно, так кусались. И деревьев почти не осталось, все пожгли в холодную зиму. Помню ещё, что много среди них было молодежи моего возраста. Нас, парней, иногда пускали за ворота к ним. Девчонки там бойкие были...»

Лишенцев в этой земле покоится, пожалуй, больше, чем местных жителей. И немного на земле мест, где похоронено столько детей. Неужели мы сможем об этом забыть?

Часть третья

Обретенная обитель (1991-1992)

I Они вернулись

Они вернулись сюда в мае 1991 года: игумен и два послушника. Вернулись не полноправными хозяевами, а как будто милости пущенные на постой в несколько помещений. Хозяином монастыря по-прежнему продолжал оставаться музей. Монастырские помещения были в таком состоянии, что ночевать первое время приходилось в Вологде, в доме епархиального управления, тем временем подготавливая се-

бе жильё. Не в братском корпусе, а в келарских палатах, призванных служить монастырскими складами. 29 мая заселились в несколько импровизированных келий.

16 июня 1991 года, в день сретения иконы преподобного Димитрия Прилуцкого, в православной Вологде был большой праздник – первый за многие десятилетия крестный ход, который возглавил архиепископ Вологодский и Великоустюжский Михаил. Крестный ход прошёл от кафедрального Рождество-Богородицкого собора Вологды к Софийскому собору и далее – к Лазаревской церкви. В нём участвовал и прилуцкий игумен, сразу же после окончания шествия отслуживший в Спасском соборе монастыря молебен с акафистом преподобному Димитрию. Это было первое после перерыва в 67 лет Богослужение в монастыре. Служили в нижнем храме собора, где под спудом, ни кем и ни когда не потревоженные, 6 веков покоятся мощи преподобного Димитрия.

В тот тёплый июньский день холод в соборе был невыносимый, пар шёл изо рта, ноги коченели от стояния на ледяных каменных плитах. Все, участвовавшие в этой службе, кроме отца игумена, на следующий день слегли от простуды. Но с этого дня в обители начал прослушиваться слабый пульс духовной жизни, несмотря на то, что организм её был искалечен и обескровлен. В соборе – облезлые стены, пол с просевшими плитами. Надвратная церковь без кровли и купола, ободранная, в сгнивших лесах. Братский корпус – с разрушенными печами, наполовину без окон, полов и две-

рей. Свет, подаваемый по тонкому проводу, брошенному через стену, постоянно гас. Канализации не было, газа не было. Не было ни чего, кроме Божьего благословения, которое имел игумен.

II Игумен

Перед тем, как попасть в эти стены, он в сане иеромонаха служил на приходе в Никольске, восстанавливая первую в этом районе церковь. Догадываясь, что вновь открываемый Спасо-Прилуцкий монастырь предложат возглавить ему, он заранее решил отказаться. Он привык к своим прихожанам, чувствовал, что нужен им. Но владыка Михаил, вызвав его к себе, поставил в известность о новом назначении, как о факте уже свершившемся. Тут пробудилось в душе инока чувство протеста, этому званию не вполне приличествующее. Он не мог ещё внутренне согласиться с решением архиерея и начал искать благовидный предлог для отказа. Однако, боясь совершить своевольный поступок и повинуясь неожиданно пришедшему желанию, решил сразу после разговора с владыкой ехать в село Никульское Ярославской епархии к архимандриту Павлу, убеленному сединами старцу, к которому иногда приезжал за духовным советом.

Старец встретил его в полутемном коридоре и, велел встать на колени, благословил иконой. А, давая её целовать, спросил:

– Знаешь ли, что это за икона?

– Не вижу, отче, тут довольно темно.

– Это икона преподобного Димитрия Прилуцкого.

Позже молодой священник, присутствовавший при этом, рассказал ему, что батюшка ещё накануне, задолго до этой встречи, что-то искал, достал наконец хранившуюся у него вдали от людских глаз икону преподобного и повесил её почему-то не на виду, а в коридоре на гвоздь. Отец Павел не мог знать, что за гость будет у него, поскольку последний сам тогда ещё не знал, что решит посетить старца-архимандрита.

– Поезжай в монастырь. Господь поможет, не волнуйся, – закончил старец.

Инок всё понял. Господней воле противиться нельзя. Так иеромонах Ефрем (вмиру – Евгений Виноградов) стал наместником Спасо-Прилуцкого монастыря. Если первым считать преподобного Димитрия, основателя обители, то отец Ефрем – 57-й из тех, чьему попечению она была вверена более, чем за 6 веков.

Ранее Спасо-прилуцкий монастырь управлялся настоятелем, до XVII века – в сане игумена, затем – в сане архимандрита. В XIX веке прилуцкие настоятели были и викарными епископами, и ректорами Вологодской духовной семинарии. Теперь настоятелем стал правящий архиерей, а непосредственно управлял монастырем наместник в сане игумена. Подобным же образом управляется наместником Троице-Сергиева лавра, настоятель которой – патриарх Московский и всея Руси.

Три последних настоятеля, управлявших обителью до революции, происходили из семей священнослужителей и с раннего детства не мыслили себе иной стези, кроме духовной. Судьба игумена Ефрема – совершенно иная. Он родился и вырос в Москве в семье православных мирян. Закончил МГУ и, получив специальность геолога, работал научным сотрудником в Академии наук. Интересовался живописью, закончив вечернее художественно-графическое отделение Московского пединститута, получил диплом художника. Участвовал в выставках дома художника на Кузнецком мосту. Имел интересы самые разносторонние. Писал и издавал в столичных журналах художественную прозу, снял на «Мосфильме» картину, увлекался альпинизмом и конным спортом. В его жизни было, кажется, всё, но ни научная работа, ни художественное творчество полного удовлетворения не приносили. Евгения не покидало ощущение, что он зря живет на земле. Он с юности задумывался о смысле человеческого существования, изучал различные философские системы и религиозные доктрины, но ни в одной не мог найти нужных объяснений до тех пор, пока не обратился всей душой к православию.

В 25 лет у него появилось желание посвятить жизнь совершенствованию души. Посещал храмы, ездил на исповедь в Троице-Сергиеву лавру. Там впоследствии принял мона-

шеский постриг, там познакомился с владыкой Михаилом, который пригласил в Вологодскую епархию. Служил сначала в Грязовце, затем в Никольске. Заочно закончил семинарию, за два года прошёл все степени от чтеца до иеромонаха.

Так русская интеллигенция, в своё время немало послужившая делу разрушения нашего государства и разращению народа, начала отдавать долги, стараясь все свои способности поставить на службу делу духовного возрождения России.

III Из руин

Пока приводили в порядок кельи и храм, ходили на литургию в Лазаревскую церковь, по железнодорожному мосту через реку Вологду – всего 40 минут хода. Тем временем настлали деревянный пол в алтаре нижнего храма Спасского собора, сделали временный иконостас, установили в нем иконы, написанные в Оптиной пустыни другом отца Ефрема специально для Спасо-Прилуцкого монастыря, сделали престол и жертвенник. Владыка Михаил подарил монастырю всё необходимое для литургии. Первая Божественная Литургия состоялась в монастыре в праздник Рождества Иоанна Предтечи – 7 июля 1991 года.

Начали внутренний ремонт надвратной церкви. Большую помощь в этом оказывали местные энтузиасты, уже несколько лет, ещё до возобновления в этих стенах монастыря, по субботам приходившие сюда поработать на несколько часов.

Помогали и паломники, приезжавшие из Москвы.

В 1992 году фреску «Спас нерукотворный» на фронте крыльца собора написал московский иконописец Дмитрий Ермолаев. А незадолго до дня памяти преподобного Димитрия, 24 февраля 1992 года меценат из Москвы А.А. Дедов, президент строительной фирмы, подарил монастырю набор из 9-и колоколов, которые он заказал отлить специально для монастыря.

В июле 1991 года начали приводить в порядок хозяйственный двор. Здесь не просто накопились горы мусора, сам уровень земли за 67 лет поднялся на 1,2 метра, поскольку всё это время сюда сваливались самые различные отходы жизнедеятельности большевиков. Со двора (страшно представить) вывезли 300 «камазов» мусора, потом сделали подсыпку гравийной смесью. На остальной территории мусора накопилось столько, что собор оказался в низине, и под него текли все поверхностные воды. С помощью мелиораторов был выполнен огромный объем работ, имеющих целью спасти собор от затопления.

Проложили по всему монастырю высоковольтный кабель. Осенью подготовили в братском корпусе 8 новых келий, сложили печи с котлами, изготовили в собственной мастерской десятки оконных рам и дверей. В октябре сделали шлемовидную главу на надвратной церкви. 5 ноября отец наместник освятил деревянный обитый медью крест, и в тот же день он был установлен на главе. 14 ноября закончили основные

штукатурные работы внутри надвратной церкви. Ко дню памяти преподобного Димитрия, 24 февраля 1992 года был полностью отштукатурен и побелен нижний храм Спасского собора, в котором состоялось торжественное богослужение при огромном стечении верующих со всей области.

В начале лета 1992 года была побелена надвратная церковь, реконструированы закомары, заново обшитые медью. 19 июля с треском и грохотом упали леса. В этот момент наместника не было в монастыре. Вернувшись, он долго не мог оторвать глаз от церкви, а потом сказал: «Господи, какая красавица. Даже не верится».

IV. Друзья и враги

К лету 1992 года в монастыре было выполнено работ на 2 млн. руб. Деньги поступали от жертвователей со всей России, от частных лиц и организаций. Наместник сначала искал тех, кто мог бы выполнить работы, затем тех, кто мог бы их оплатить. Епархиальное управление ни чем не могло помочь, оно само было в долгах, как в шелках. В патриархии та же картина. В это время из-за недостатка средств приходилось даже семинарии закрывать.

Одним из жертвователей выступил облисполком, выделив 2 раза по 50 тыс. руб. (деньгами 1991 года) Большую помощь оказывал В.Г. Тенигин. Благодаря его поддержке много раз разрушались козни желающих помешать монастырю встать на ноги. То же самое можно сказать о начальнике областно-

го управления культуры В.В. Кудрявцеве. Управление, само едва сводя концы с концами, всё-таки изыскивало возможность помочь монастырю деньгами.

С администрацией Прилуцкого музея-заповедника, который всё ещё продолжал оставаться в стенах монастыря, отношения складывались сложно. Отец наместник с самого начала не был уверен в возможности мирного сосуществования музея и действующего монастыря, его опасения оправдались. Отчасти это было вызвано проблемой психологической совместимости конкретных людей, но тут прослеживалась и общая тенденция. Десятилетия государственного атеизма не прошли бесследно. Если одни представители государства поддерживали возрождение Церкви, то других оно раздражало, порою, очень сильно. То же можно сказать и о представителях творческой интеллигенции. Одни рванули в храмы, а другие очень недобро усмехались по поводу этой «моды».

Серьёзный конфликт вокруг монастыря возник в связи с тем, что игумен Ефрем отказался сотрудничать с тем архитектором, которого ему предложили. Потом Дирекция по охране памятников истории и культуры послала в монастырь группу своих сотрудников, составившую акт нарушений, допущенных при реставрации. Позднее отец Ефрем утверждал, что надуманность каждого пункта этого акта была доказана московским начальством вологодских «ревнителей старины». Но дело даже не в том, кто был прав в конкрет-

ных пунктах, а кто ошибался. Дело в том, что государство за 67 лет довело монастырь до состояния руин, и никто по этому поводу не возмущался. Прилуцкий музей-заповедник управлял большой помойкой. Монастырь выглядел, как после разрушительной войны. И все только руками разводили. Ну а мы-то тут что можем поделывать. Но вот монастырь начали восстанавливать и тут же со всех сторон понеслись возмущенные голоса: всё делается не так, как надо.

Местная пресса в целом довольно доброжелательно отнеслась к возрождению монастыря, но вот в газете «Вологодские новости» появилась-таки «разоблачительная статья». Приведу из неё фрагменты и при этом, конечно, не смогу удержаться от комментариев.

«В конце XIX века известный собиратель русских икон художник Остроухов сокрушался по поводу мечты каждого провинциального батюшки обновить свой храм, заменив древнее убранство современным. (С.К.: сравнение прилуцкого игумена, имеющего три высших образования, с «провинциальной батюшкой» звучит несколько комично). Те же самые опасности, что и в прошлом веке, подстерегают наши памятники и сегодня, когда полным ходом идёт процесс возвращения храмов и монастырей церкви. Многие, кто склонен считать духовенство достойным и последовательным хранителем культурного наследия Руси, совершают большую ошибку (С.К.: И доньяне распространенная, довольно ущербная логика. Монастыри и храмы, возведенные

людьми Церкви, путем вооруженного грабежа отобранные у Церкви, оказывается, не могут быть той самой Церковью «достойно» сохранены. В таких случаях всегда хочется спросить: какое вам дело до того, как Церковь хранит своё собственное имущество? Это её имущество, а не ваше).

...Сегодня просвещенная интеллигенция Вологды предпочитает умалчивать о том, что в результате неграмотных архитектурных работ в Спасо-Прилуцком монастыре уже рухнула часть стены братского корпуса, относящаяся по времени постройки к XIX веку (С.К.: отец Ефрем утверждал, что рухнувшая часть стены по времени постройки относилась к 50-м годам XX века и возведена была военными строителями для туалета. Планом реставрации монастыря эта стена была определена к сносу, просто Господь избавил реставраторов от лишних трудов. Даже если стена была действительно XIX века, исторической ценности в ней не было никакой, но по поводу этого «падения прилуцкой стены» отцу игумену изрядно потрепали нервы)

...Монастырь не стал заключать договор об архитектурном надзоре с московским архитектором А. Асафовым (С.К.: Был грех) и, заручившись поддержкой заместителя по научной работе управления «Вологдареставрация» Г. Щапина, ведет на территории аварийные земляные работы, самостоятельное строительство и укрепление фундаментов. (С.К.: Всё очень просто: наместник восстанавливал монастырь, а вокруг него спорили о том, кто должен зарабатывать на вос-

становлении монастыря).

...Отец Ефрем в высших московских церковных кругах хлопочет о том, чтобы закрыть свободный доступ на территорию монастыря всем желающим, ограничив его временем службы. (С.К.: Как видим, отцу наместнику ставили в вину даже то, чего нет, но что по слухам может быть. Сам он по этому поводу говорил: «Мы прекрасно понимаем, что уединиться в обители и закрыть её ворота мы не можем. Люди интересуются своей историей, специально приезжают изда- лека, чтобы полюбоваться изяществом архитектурных строи- ний монастыря. И это прекрасно»).

Мы процитировали значительную часть этой статьи, что- бы показать, что монастырь после его второго рождения от- нюдь не окружала атмосфера всеобщего умиления и под- держки. К примеру, журналистка, написавшая эту статью, была последовательницей одной из нетрадиционных рели- гий, что вполне объясняет её обличительный пафос. Твердо- каменных коммунистов возрождение монастыря тем более не приводило в восторг. Некоторые православные тоже не поддерживали прилуцкого наместника.

Отец Ефрем – личность яркая и незаурядная, вызывал к себе полярное отношение. Для одних он был горячо люби- мым духовным отцом, и они относились к нему восторжен- но, другие относились к нему настороженно, а то и вовсе неприязненно.

Всё это имело свой результаты. Вопрос о полной передаче

всего монастыря Церкви дважды выносился на малый совет областного совета народных депутатов и дважды был решен отрицательно. Но естественный ход событий уже невозможно было остановить. 13 мая 1992 года в 11 ч. 15 м в кабинете у главы администрации области Н.М. Подгорнова был подписан акт о полной передаче монастыря епархии.

V Братия

История монастыря – это история людей. Монастырь – это братия. И созидание духовного братства – процесс куда более сложный, чем реставрация стен и корпусов.

К лету 1992 года монастырская братия составляла 9 человек: наместник, игумен Ефрем, иеромонах Гурий, ранее служивший на приходе в Устюженском районе и пришедший в обитель в конце 1991 года, а так же 7 послушников. Состав братии в течение года был очень зыбким и изменчивым. Те послушники, с которыми отец Ефрем пришёл сюда, не выдержали тяжести монастырской жизни.

В течение первого лета здесь перебивало полтора десятка человек, причем, только одного из них, обладавшего невыносимым характером, попросил уйти отец Ефрем. Остальные сами сказали, что эта жизнь им не по силам и попросили благословения покинуть монастырь. А началось формирование братии с объявления о наборе послушников в только что открытую обитель, которое дал владыка Михаил в центральных и местных газетах. На имя отца Ефрема сразу же

пришло огромное количество писем со всего бывшего Союза с просьбой принять в монастырь. В основном это были люди, не имевшие ни малейшего представления о монашестве, значительная часть из них просто хотела спрятаться за монастырскими стенами от житейских трудностей, не предполагая, что в монастыре жизнь значительно тяжелее, чем в миру. Не было никакой возможности дать каждому из нескольких сот написавших право убедиться в этом на собственном опыте.

Отец Ефрем решил установить предварительный отбор, составив и разослав всем претендентам тест из 20 вопросов затрагивающих общечеловеческие проблемы бытия, дающих представление о внутреннем настрое человека, об объеме его духовных знаний. На анкеты не захотели отвечать 80 процентов из ранее написавших, сразу же поняв, что дело куда серьезнее, чем они предполагали. Из ответивших на вопросы, большинство сделало это неудовлетворительно. По письмам в обитель приехало только двое, а остальные приходили своими путями. Живали в Спасо-Прилуцком монастыре так же иноки из других обителей, надеясь, что здесь будет полегче. Но их надежды не оправдались. В скором времени они благодарили наместника за гостеприимство и уходили.

В монастыре по вольному найму трудятся только сторож и маляр. Братия сама ухаживает за скотиной (3 коровы, лошадь, 40 кур), готовит себе еду, возделывает землю. Монастырь имеет 7 га покосов (значительно больше, чем было на-

кануне закрытия), 3 га пахотной земли (её монастырь в начале века вообще не имел), построена на территории монастыря мощная теплица для выращивания овощей, излишек которых предполагается продавать. Есть своя техника: колесный трактор, катер, грузовик ЗИЛ. Один из послушников – иконописец, создаются условия для открытия в монастыре своей мастерской.

В силу того, что состав братии в основном послушнический, на наместника ложится огромная нагрузка. Он и священник, и регент, и псаломщик, и казначей, и эконом, и келарь, и строитель в одном лице. Это положение изменится нескоро.

VI. День

День в обители начинается с молитвы. Братия молится келейно, затем завтрак и послушание – каждый знает, чем он должен заниматься. Обед – в 16 часов. В трапезной хором поют молитвы, потом все садятся за длинный стол, во главе которого – жесткое кресло наместника с прорезанным в спинке крестом. Под рукой у наместника – колокольчик, смысл звонков которого понятен братии без слов. Во время трапезы один из братьев вслух читает книгу духовного содержания. Наместник называет того, кто будет сегодня читать и «счастливчик» освобождается таким образом от тягостной необходимости вкушать земные плоды. Игумен иногда прерывает читающего, обращая внимание братии на

некоторые фрагменты, разъясняя их. Прислуживает за трапезой брат, который сам же и готовит. Первые и вторые блюда, как правило, овощные, иногда – рыбные. Еда очень простая, но чувствуется, что всё приготовлено с любовью. А порции – солидные, полновесные, рассчитанные на людей, которые занимаются физическим трудом. На третье – чай с сахаром или с вареньем, иногда – с пирожками, если же нет поста – предлагают молоко монастырских коров.

Говорить, если игумен не спрашивает, не принято, однако обращает на себя внимание молчаливая доброжелательность братии по отношению к друг другу. Трапеза заканчивается молитвой, и опять послушание – работа. Около 21 часа – чай. В воскресные дни и праздники первый раз едят только после окончания службы, то есть около 14 часов, тогда обед (или ужин?) сдвигается на 21 час. За стол в эти дни садятся лишь дважды.

После вечерней трапезы все идут в церковь на молитву. В тишине и полумраке безлюдного храма полдюжины молодых мужчин (младшему из послушников – 18 лет, старшему – 32 года) стоя полукругом, по очереди вслух читают монашеское правило. После тяжелого трудового дня такая молитва продолжается ещё более двух часов. У непривычных затекают и деревенеют ноги, идет кругом голова, буквы в молитвослове прыгают перед глазами. Но здесь появляется возможность прикоснуться к сокровенной духовной жизни монастыря.

После окончания правила, послушники не торопятся рас-

ходиться. Они с живым интересом задают игумену вопросы по поводу непонятных мест в древних молитвах или просят прокомментировать те или иные жизненные ситуации с духовной точки зрения. Чувствуется что для большинства из них игумен настоящий духовный отец. Потом часть братии идет на исповедь, часть – спать. Это уже глубокая ночь. Зимой, когда работы по монастырю было меньше, братия вставала ещё и на ночную службу, которая продолжалась с 2-х до 8-и часов утра.

Этот режим не выдерживали иногда даже физически очень крепкие мужчины. Тот, кто прожил такой день, не станет спрашивать, почему в монастыре «текучка кадров».

VII Знамения

Прикасаясь к жизни современного монастыря, невольно вспоминаешь как тут всё было до революции. Да прошлое и не позволяет забыть о себе. Оно о себе напоминает.

Отцу Ефрему позвонили 21 ноября 1991 года, попросили послать людей на станцию Рыбкино для того, чтобы встретить с поезда большую икону Божьей Матери, которую передает в дар монастырю одна женщина из Вожеги. Про икону рассказали, что она была взята из разрушенной церкви и находилась в эти годы у разных людей. Местные жители икону очень почитали, потому что по молитвам перед ней совершались чудеса. Комиссары, узнав о таких делах, не раз хотели икону уничтожить, однако Пресвятая Богородица каж-

дый раз подсказывала хранителям святыни, что её необходимо перенести в другой дом. И вот женщина, последняя хранительница иконы, решила передать её Спасо-Прилуцкому монастырю, хотя сама нее могла объяснить, почему именно сюда? 22 ноября игумен Ефрем послал на станцию двух послушников с санками. Привезенная ими икона оказалась иконой Божией Матери, именуемой «Скоропослушница». А ведь именно на этот день по церковному календарю приходилось празднование иконы «Скоропослушница», хотя дарительница, конечно, об этом не догадывалась. Икона пришла в монастырь на свой праздник. Игумен с братией отслужили по этому поводу молебен.

Отец Ефрем, неплохо разбирающийся в иконописи, определил по стилю, что икона – афонского письма начала XX века. Об этом же свидетельствовало клеймо. По всему получалось, что это та самая «Скоропослушница», которую игумен Неофит в 1910 году заказал для своей обители на святой горе Афон, и которую столь торжественно и радостно при огромном стечении народа встречали монахи Спасо-Прилуцкого монастыря в том далеком году, и тоже на станции «Рыбкино».

Икона ушла из разоренного монастыря в один из храмов, ушла из разоренного храма в людям. Божья Мать через эту икону не переставала все эти годы творить добро. И вот икона вернулась. Чудотворные иконы ни когда просто так не меняют место пребывания. Такова была воля Божьей Мате-

ри, которая благословила возрождающийся монастырь.

29 мая 1992 года игумен Ефрем служил панихиду на могиле поэта Батюшкова. Тем временем на территории монастыря не прекращались работы – рыли дренажные траншеи. И вот один рабочий сообщил игумену, что на глубине полутора метров они наткнулись на изуродованный надгробный памятник красного гранита, на одной стороне которого можно было разобрать надпись: «Настоятельствовав в Спасо-Прилуцком монастыре 20 лет». Надпись на другой стороне памятника гласила: «Архимандрит Анатолий Смирнов. Родился 23 сентября 1832 года. Скончался 29 марта 1908 года». Чуть глубже под памятником были обнаружены останки последнего прилуцкого настоятеля, похороненного на территории монастыря.

Останки хорошо известного нам отца Анатолия являлись именно во время панихиды, будто душа его так же взывала о поминовении. Тот, кому суждено было принять участие в торжествах, посвященных пятисотлетию преставления преподобного Димитрия, напомнил о себе именно в год шестисотлетия.

За два дня до приезда святейшего патриарха Алексия П, в монастырь был возвращен игуменский посох преподобного

Димитрия, найденный старейшим вологодским реставратором Н. И. Федышиным. Вечером того же дня игумен с двумя братьями внесли посох, бережно завернутый в мягкую бумагу, в храм, где покоятся мощи его хозяина. И тут все ощутили, что от посоха исходит необыкновенное благоухание, хотя несколько минут назад ни какого запаха он не источал. Братья с изумлением посмотрели друг на друга и поняли, что этот чудный запах почувствовали одновременно все трое.

Две недели спустя, поздно вечером, игумен совершил у раки преподобного Димитрия молебен святому с чтением акафиста. В конце молебна он вынес из алтаря посох преподобного и легонько ударил им по голове женщину-иконописца, которая много лет страдала сильными головными болями, вызывающими даже тошноту. В этот день у неё так же болела голова. Но в момент, когда посох коснулся её головы, она неожиданно почувствовала облегчение – боль исчезла. Боясь поверить чуду, она несколько дней ждала возвращения обычных болей, но они не вернулись, ни через неделю, ни через месяц. Только спустя 2 месяца, окончательно убедившись в исцелении, она рассказала об этом братии.

VIII Крестный ход

3 июня (ст. ст.) 1503 года была возвращена в Вологду из Казанского похода Ивана III икона прп. Димитрия Прилуцкого. По указу Ивана III было установлено «на сретение Сия святых иконы повсегодно совершать празднование со все-

нощным бдением и крестным в оную обитель из града хождением непременно».

16 июня 1992 года, после многих десятилетий перерыва, крестный ход вновь состоялся, не «из града» пока, а лишь вокруг монастырских стен. После Божественной Литургии, которую совершил игумен Ефрем, шествие со свечами, хоругвями и иконами через Святые ворота направилось вокруг монастыря.

Этот крестный ход не был, увы, ни многолюдным, ни разнообразным по возрастному составу. Основой его были местные верующие старушки. Вологодская общественность, та самая «просвещенная интеллигенция» никак не отреагировала на это событие. Толпы зевак, сопровождавших крестный ход 1991 года, отсутствовали – за городом всё-таки дело происходило.

Несколько молодых девушек в купальниках, загоравших на берегу, начали суетливо одеваться при виде приближавшегося шествия. Другие сочли это излишним, сверкая плотскими прелестями навстречу святым иконам, в группе малышей один попытался перекреститься с плутоватым видом, другой полюбопытствовал: «Это что, похороны?» Да, это были похороны безбожной эпохи, радостные, но и грустные по своему, потому что чувствовалось: эта эпоха, равная по протяженности человеческой жизни, не прошла для русских людей бесследно.

После крестного хода игумен Ефрем совершил молебен

над мощами преподобного Димитрия в нижнем храме Спасского собора. По завершению молебна, он сказал: «Сегодня день великий для нас. Мы запоем его на вею жизнь».

IX Конгресс

За несколько дней до начала международной конференции, посвященной 600-летию памяти преподобного Димитрия Прилуцкого, которая 13 августа должна была открыть международный Сергиевский конгресс, монастырь буквально гудел, как потревоженный улей. Одновременно работали с полдюжины бульдозеров и экскаваторов, сновали туда-сюда мощные грузовики, обитель в совершенно немислимом режиме готовили к приему гостей.

Велись работы по подготовке помещений, по благоустройству территории, по вертикальной планировке. Земля внутри монастыря буквально встала на дыбы. Последние асфальтные работы были завершены утром 13 августа, когда святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей П уже приземлился в Вологодском аэропорту.

Такая спешка была вызвана тем, что денег для проведения необходимых работ не было до самого последнего времени. Подвела итальянская фирма «Корина», обещавшая пожертвовать для подготовки конгресса 10 млн. руб., и не сдержавшая обещание. Конгресс оказался под угрозой срыва. Эта сумма была выделена областным советом народных депутатов за 3 недели до открытия конференции исключительно

благодаря личной настойчивости главы администрации области Н.М. Подгорнова. Городская власть так же повернулась лицом к монастырю, приняв участие в финансировании отдельных работ. Заместители главы администрации Вологды ежедневно проводили в монастыре планерки с представителями строительных организаций. Это дало свои результаты, практически все работы, которые предполагалось завершить до начала конференции, были выполнены.

Страшное напряжение последних дней подготовки к конференции схлынуло, и началось напряжение иного рода, связанное с приездом в монастырь его святейшества и многочисленных столичных и иностранных гостей из Японии, Франции, Великобритании, Швейцарии, Германии. Уникальность происходящего собрала в монастырских стенах огромное количество вологжан. Всем хотелось видеть и слышать патриарха, все желали попасть на торжественное открытие конференции.

Вечером 13 августа святейший патриарх совершил в нижнем храме Спасского собора всенощное бдение в сослужении архиепископа Вологодского и Великоустюжского Михаила, епископа Подольского Виктора и представителей вологодского духовенства.

Чуть более года прошло с тех пор, когда 16 июня 1991 года игумен Ефрем совершил в этих стенах первое после длительного перерыва Богослужение. Тогда в храме было невыносимо холодно, а в этот раз невыносимо жарко. За 14 меся-

цев совершилась великая эволюция, и храм, столь недавно находившийся в оскверненном, поруганном состоянии, удостоился чести патриаршего Богослужения. Равно как и для патриарха было честью служить в храме, где покоятся мощи преподобного Димитрия, над которыми к тому времени была установлена деревянная рака.

Во время Божественной Литургии патриарх Алексей II наградил наместника Спасо-Прилуцкого монастыря игумена Ефрема за усердные труды правом ношения палицы и наперсным крестом. Служба завершилась елеопомазанием, которого удостоились от патриарха все желающие.

Утром следующего дня его святейшество вновь совершил Божественную Литургию, после чего состоялся молебен с водосвятием на реке Вологде и крестный ход. Затем патриархом был освящен колокол, подаренный монастырю обществом «Радонеж». Его торжественно подняли на колокольню Спасского собора. С древних ступеней крыльца собора патриарх Алексей обратился к собравшимся, которые ловили каждое его слово:

«К юбилею преподобного Димитрия возрождается основанная им обитель. Шесть веков продолжалась здесь духовная жизнь, приходили сюда люди для монашеского подвига и служения миру. В тяжелые послереволюционные годы обитель была опустошена и осквернена и вот вновь начала жить прежней жизнью. Мы благодарны областным и городским властям, которые понимают, что возрождение монастыря бу-

дет служить нравственному обновлению. Сегодня я радуюсь вашей радостью...»

На торжественном обеде по правую руку от его святейшества сидел архиепископ Михаил, по левую – Н.М. Подгорнов. Далее от них – духовные лица и представители светской власти. Одна за другой произносились речи и здравицы.

Архиепископ Михаил: «Ни тем, кто здесь в настоятельных покоях трапезовал в прошлые века, ни тем, кто в позднейшее время глумился над местными святынями, и не снилось, что здесь может произойти то, участниками чего мы являемся. Первым, потому что они не могли и надеяться на посещение Вологды и Спасо-Прилуцкого монастыря святейшим патриархом. За всю историю патриарх впервые прибыл в Вологду. Вторым, осквернителям, тем более не снилось, что здесь будут трапезовать руководители области и города в обществе духовных лиц и людей благочестивых. Но то, что это не сон, а явь, могут засвидетельствовать громадное количество людей. Я видел во время крестного хода, какая радость была на лицах у собравшихся. Наше празднование приобрело массовый, народный характер».

Н.М. Подгорнов, глава администрации области; «Ранее посещая монастырь, я не мог себе представить, что за столь короткий срок можно сделать так много. Монастырь ожил, начал дышать чем-то человеческим, теплым».

Б.В. Упадышев, глава администрации Вологды: «С огромной радостью и любовью приветствуем мы сегодня наших го-

стей, так же, как более шести веков назад встречали наши предки вологжане пришедшего сюда преподобного Димитрия. Надеюсь, что монастырь вновь обретет свою былую славу».

Патриарх Алексий II: «Слава Богу, что энтузиазм русского народа не угас, что находятся люди, которые готовы днём и ночью трудиться над возобновлением святынь, и это мы видели здесь, в Спасо-Прилуцком монастыре».

Представители германской евангельской церкви подарили игумену Ефрему икону Божией Матери «Всех скорбящих радость». Игумен подарил святейшему патриарху икону – складень с изображением преподобных Сергия и Димитрия, обращённых с двух сторон к сидящей на троне Богородице с младенцем Христом. Его святейшество, с благодарностью приняв складень, назначение которого быть маленьким дорожным иконостасом, сказал, что отныне икона преподобных всегда будет сопутствовать ему.

15 августа на научной конференции были заслушаны доклады, связанные с историей Спасо-Прилуцкого монастыря, историей отечественного православия и культурой русского севера. В одном из перерывов Г.В. Прохоров, ведущий специалист института русской литературы (Пушкинский дом) подарил монастырю от имени своего института труды отдела древнерусской литературы (28 книг), сопрово-

див свой дар такими словами: «Ныне исчезло ученое монашество, ранее изучавшее древние рукописи. Оно, безусловно, возродится, но пока этим делом занимались, мы светские ученые-филологи». Игумен с благодарностью ответил: «Та работа, которую вели светские ученые, способствовала сохранению православного духа. Некоторая остаточная духовность всегда сохранялась в русском народе, несмотря на десятилетия коммунистического воспитания, делавшего из людей марионеток. Хочу поблагодарить всех русских и зарубежных ученых, способствовавших сохранению российской духовности».

На следующий день в селе Покровском, на родине святителя Игнатия Брянчанинова, где состоялось выездное заключительное заседание конференции, Г.В. Прохоров сказал: «Главная цель настоящей конференции, которую в значительной степени удалось осуществить, это устранение самых различных пустот, например, между духовенством и мирянами, между зарубежными христианами и отечественными. Не всё было так, как хотелось бы. В частности, с сожалением приходится констатировать, что на конференции присутствовали считанные единицы духовных лиц».

Да, прошлое никогда не воскресает в той форме, в которой оно оставило нас, пустоты заполняются порою самым неожиданным образом. Возрождение русского православия и монастырского духа ныне зачастую протекает в тех формах, которые раньше были не только неслыханными, но и

немыслимыми.

Накануне конгресса в монастырь приехали 25 молодых людей из США, изъявивших желание бескорыстно принять участие в реставрации монастыря. Только один из них был православным. Молодые американцы в частности сами подготовили проект благоустройства монастырского некрополя и исполнили его своими руками. Чудно было видеть, как негр усердно трудится над приведением в порядок русских могил.

Германские евангелисты у себя на родине скупали русские иконы, вывезенные туда контрабандой, для того, чтобы подарить их нам. Несколько этих икон было подарено Спасо-Прилуцкому монастырю. Передавшая дар Мария Кайелинг сказала, что просит простить некоторым её собратьям-евангелистам, пытающимся обратить Русь в протестантскую веру, их высокомерие. Они, дарители, за то, чтобы Русь сохраняла своё уникальное православное своеобразие.

На конференции выступил профессор из Японии Ацуо Накадзава с докладом «Юродство на русском севере». Его доклад подвергся резкой критике со стороны архимандрита Макария из Троице-Сергиевой лавры и критике более деликатной со стороны некоторых других участников конференции. Объясняясь со своими русскими оппонентами, профессор Накадзава по сути сказал, что предпринял попытку измерить Россию японским аршином, то есть подошёл к проблеме, связанной с особенностями русского национального

духа, с мерками, свойственными японскому мышлению.

Ирина фон Шлиппе из Великобритании высказала мнение, что только русские могут создать новую Россию. Однако, одна из целей её приезда в Вологду – узнать, какого рода гуманитарная помощь необходима вологжанам.

С докладом о древней русской музыкальной культуре выступила Анна Тартье, представитель Сорбонского университета.

Таковыми были некоторые особенности духовного возрождения России и возрождения Спасо-Прилуцкого монастыря. В августе 1992 года к нашему монастырю было приковано внимание всего мира. Это и радостно и тревожно одновременно. Как много мы безвозвратно утратили, как трудно нам будет восстановить исконные духовные основы нашего национального бытия. И как легко заблудиться в поисках путей национального возрождения.

В ком сегодня больше исконно русского духа? В людях, которые родились и выросли в России, но с душами, ещё в детстве искалеченными коммунистической идеологией? Или в тех русских людях, которые родились и выросли вдали от Родины, никогда не испытывавших на себе тлетворного влияния большевизма и трепетно хранивших православие, но ныне насквозь пропитанных мироощущением Запада, ставшего для них второй родиной? Хочется сложить эти две реальности и разделить на два. Но не получится. А как получится? Рецепт не оригинален. Ищите прежде всего Царства

Небесного, а всё остальное приложится вам.

Послесловие

Автор этих строк писал историю возрождающегося монастыря по горячим следам сразу, же после юбилея, осенью 1992 года. С тех пор монастырь прожил 22 года. Каким он стал? Об этом мне известно даже меньше, чем о монастыре столетней давности. Думаю, что так оно и правильно. Новая история потребует уже совсем другого историка. Как бы мне хотелось, чтобы в 2092 году появилась ещё одна книга «Прилуцкий век». Думаю, что её автору многие из тех вопросов, которые терзали нас своей неразрешимостью, покажутся простыми до наивности. Надеюсь на это. Ведь седьмой прилуцкий век будет куда однороднее шестого. Или? Не будем гадать.

Что же мы поняли в своём XX веке? Всё ещё очень немного. На первый взгляд всё ясно: перед революцией православный дух угасал, за это пришлось заплатить ужасами большевизма, и возрождение в тех условиях, когда традиция уже успела прерваться, шло довольно кособоко.

Но иногда мне начинает казаться, что накануне революции уровень духовности русского народа был несколько не ниже, чем сейчас. Почему же предреволюционный монастырь имел такой бледный вид? Может быть, просто потому что 22 монастыря на нашу епархию – это недопустимо много, а на 3-4 обители и тогда набралось бы настоящих мона-

хов? Похоже, что так. Но власть в начале XX века отнюдь не была готова к тому, чтобы закрыть большинство русских монастырей. Это надо было сделать, но это было невозможно по тысяче причин. И тогда получается, что революция была всё-таки неизбежна.

И вот в соборе, где буйствовал вечно пьяный иеромонах Нестор, через 20 лет сотнями умирают дети. И вот монастырь без войны превращается в руины, хозяином которых является какой-то странный, восседающий на помойке музей. И вот на эту музейную помойку приходят послушники, имеющие очень смутное представление о монашеской жизни, а через год монастырь переполняют восхищенные иностранцы.

Хочу охватить этот век весь целиком единым взглядом и пережить его, как единое, пусть и трехсоставное событие. Хочу, чтобы в душе родилась некая единая эмоция по отношению ко всему веку. Тогда всё сразу станет ясным, как Божий день. Получилось ли у меня? Не знаю... Может быть у вас получится?

Преподобне отче наш Димитрие, моли Бога о нас.

Архивные тени

«Размещайтесь, – сказал мне майор КГБ, – У нас сейчас один полковник в отпуске, это его кабинет. Здесь вам будет удобно, никто не побеспокоит. Только с телефонов труб-

ки не берите». И я остался один в кабинете полковника госбезопасности. Точнее – один на один с архивными делами репрессированных священников, которые любезно подготовили сотрудники КГБ по моему журналистскому запросу. Шли последние годы перестройки, невозможное стало возможным.

Беру в руки потемневшую от времени картонную папку. От неё пахнет архивной пылью. Внутри – искалеченные судьбы безвестных провинциальных батюшек, ни чем не примечательных кроме того, что их перемолола репрессивная мясорубка... Мне кажется, что я – в мире теней. Эти тени говорят, но только то, что считают нужным сказать, на вопросы не отвечают. Клеветники и оклеветанные, жертвы и убийцы – одинаково плоские и полупрозрачные, в них трудно узнать некогда живых людей. Протоколы допросов очень похожи, однотипны и схематичны. Что можно узнать о человеке в пыльных закоулках архивного дела?

А ведь там было столько невыносимой человеческой боли и беспредельного холода. Там звучали самые чистые молитвы и самые страшные проклятия. Как трепетали души человеческие в момент истины, когда вдруг становилось понятно, чего ты стоишь со всей своей судьбой, со всей своей любовью и болью. Кого переполнял животный ужас, кто стоически стискивал зубы, чьи глаза светились всепрощением – это невозможно угадать за мертвыми строками показаний, которые добросовестно записывал сержант НКВД. От этих людей

ни чего на земле не осталось, кроме протоколов и приговоров, для нас они – архивные тени, и только для Бога каждый из них был, есть и будет маленькой вселенной, драгоценной частицей вечности.

I Пятая печать

И когда он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за Слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И даны были каждому из них белые одежды, и сказано им, чтобы они успокоились ещё на малое время, когда и сотрудники их, и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число.

Откровение Исанна Богослова

Василий Филитарович Кулаков был родом из деревни Междуречье Харовского уезда, родился в 1873 году в семье диакона. Мать, рано лишившись мужа, осталась с восемью детьми на руках. Василия отправили учиться в духовную семинарию в Вологду. И вот мы уже находим его священником Иоанно-Богословской церкви Вологды.

Трудно сказать, почему он решил оставить это место и переехать в деревню Едка Вологодского уезда. Ведь и тогда, как сейчас, все рвались из деревни в город, и жило город-

ское духовенство куда сытнее сельского. А он решил уехать в деревню. Может быть, сын сельского диакона так и не смог прижиться в городе, а может быть ещё какие причины – мы никогда не узнаем.

Отец Василий служил сельским священником до ареста в 1929 году. Одновременно с ним было арестовано ещё 20 священников из окрестных сел и деревень. Возникло «дело об антисоветской группировке церковников и духовенства в Кубено-озерском районе».

Листая материалы дела не трудно убедиться в том, что ни какой группировки на самом деле не существовало. Эти батюшки были едва знакомы друг с другом и никакой совместной деятельностью не только не занимались, но и не могли заниматься. Группу из них создали в НКВД, взяв на выбор два десятка относительно случайных священников. Нельзя даже сказать, что их оклеветали, обвинив в государственных преступлениях, потому что ничего такого, что можно считать преступлением, им так и не инкриминировали.

Вот в чем обвиняли отцов-контрреволюционеров: «В Кубено-озерском районе благочинные священники третьего округа К.В. Турундаевский и четвертого округа Д.А. Крупнов тесно связаны между собой не только на религиозной почве, но и по своему одинаковому политическому мировоззрению. У Турундаевского и Крупнова имеется книга «Протоколы сионских мудрецов», о которой они говорят, что там ясно сказано о том, что к власти пришли евреи. После про-

чтения этой книги верующие рвут на себе волосы, говоря: до чего мы дошли».

Любому, кто читал «Протоколы...» известно, что это отнюдь не книга предсказаний, и привязать к содержанию этого текста то, что происходило в Советской России весьма затруднительно. Понятно, что здесь цитируется бессмысленный треп людей, «Протоколов...» на самом деле не читавших. Трудно поверить, что этот треп исходил от священников.

А отец Николай Покровский, служивший в Ватланове и тоже проходивший по этому делу, оказался причастен к следующему: «Религиозные листовки, принесенный из Ватлановской церкви, попадали на маслодельный завод в Исаево-Бельково», Листовки, заметьте, были религиозные, а не политические, то есть в действиях батюшки не было никакой антисоветчины.

Что же отец Василий Кулаков? Да почти ничего. В меморандуме, которым открывается это коллективное дело, его фамилия вообще не упоминается. В обвинительном заключении она мелькает лишь один раз: «Кулаков в разговоре с крестьянами говорил: «В книге «Протоколы сионских мудрецов» говорится, что евреи постановили русских сначала морить голодом для того, чтобы лучше евреям руководить народом».

На допросе 25 января 1930 года отец Василий сказал: «В отношении книги «Протоколы сионских мудрецов» я о ней

знаю так: ещё раньше, до революции, эта книга продавалась в Вологде в епархиальной книжной лавке. Но я такой книги не имел и не читал». Вероятнее всего, это правда. Если бы отец Василий читал «Протоколы...» то не стал бы нести ту бессмыслицу, которую ему приписывают.

Инкриминировали Кулакову так же следующее: «Вел среди крестьян антисоветскую агитацию, группировал вокруг себя активных церковников, как, например, церковного старосту из деревни Обухово Межакова Николая, который в свою очередь ведет среди крестьян работу по постройке у них церкви взамен закрытого Заоникиевского монастыря».

Видимо, на него просто написали донос, и донос-то плохонький, пустенький. Ведь не приведён ни один факт антисоветской агитации, хотя бы и вымышленный. Его не обвиняли даже в том, что он ругал советскую власть. Совсем нелепо звучит обвинение: «группировал вокруг себя активных церковников». Хотя бы для вида стоило фамилии назвать, а то получалось, что он «сгруппировал» вокруг себя одного-единственного церковного старосту, а с ним вел разговоры лишь о строительстве церкви, а вовсе не о том, какая советская власть плохая. Стоило бы заметить, что сама работа священника состоит именно в том, чтобы «группировать вокруг себя активных церковников», а ведь советская власть не запрещала Кулакову работать священником.

На допросе отец Василий говорил: «Ни какой антисоветской агитации я не вёл, антисоветской литературы не распро-

странял, в храме перед верующими антисоветских выступлений с моей стороны не было». Как ни странно, это утверждение Кулакова подтверждается всеми материалами дела, потому что в деле нет даже клеветнических свидетельств, содержащих хотя бы намек на то, что он это делал.

И вдруг на основании совершенно непонятно чего читаем следующее: «Гражданин Кулаков достаточно изобличается в антисоветской деятельности, направленной против мероприятий советской власти в деревне, в распространении антисоветской литературы». Каких именно мероприятий? Какой именно литературы? Ни слова. Даже оклеветать человека поленились. Просто на 20 судеб сверху до кучи бросили ещё одну судьбу.

И с остальными тоже самое. Сами материалы дела достаточно убедительно доказывают, что ни какой «антисоветской группировки» не существовало. Чтобы говорить о группировке, надо было привести хотя бы косвенные свидетельства того, что обвиняемые были связаны между собой хотя бы на бытовом уровне. Но следователь даже не пытался этого сделать.

Между тем, отцу Константину Турундаевскому отмотали срок на полную катушку – 8 лет концлагеря (В приговоре именно это слово – «концлагерь»). Иеромонаху Пучковской церкви отцу Исанну Борисову – 5 лет концлагеря (Отец Иоанн не раз заявлял, что всех коммунистов надо сжечь. Это, во всяком случае, реальное обвинение). Отец Василий Кула-

ков, вообще ни в чем не виноватый, что подтверждается материалами дела, отделался сравнительно легко – 3 года ссылки в Северный край. Ему всего лишь сломали жизнь. Маховик системных государственных репрессий ещё только начал раскручиваться.

После освобождения Кулакову и на кирпичном заводе довелось поработать, и дрова пилить. Бывший священник из бедной семьи не боялся никакой работы. В конце концов осел рядом с деревьями и детьми, устроившись садовником с детский дом. Здесь он проработал 4 года, здесь встретил 1937 год...

«-Вы являетесь участником контрреволюционной группы и проводили борьбу против советской власти? – Участником группы не был, показания об этом давать не буду».

Опять допросы, опять всё завертелось по новой. Кажется не случайным, что Кулаков и второй раз пошёл именно по коллективному делу. Может быть, опять его до кучи добавили, а будь он один – и дела не возникло бы? Да только где это и как человек в те годы мог оказаться один? Массовые репрессии требовали моделирования групп. Это было не трудно, был бы человек, а группа найдется.

На сей раз его подельники, а было их трое, очень сильно отличались друг от друга.

А.И. Зязин был когда-то псаломщиком. Человек, по тем

временам, видимо, довольно грамотный, он устроился в колхоз счетоводом, потом был председателем ревизионной комиссии колхоза. Против него свидетельствовали: «Колхозники увели коров по дворам, и он тоже. Зязин агитировал: «Мы хозяева, возьмем и разведем скот по домам, бояться нечего, мы – власть». Под его влиянием из колхоза вышли шесть хозяйств». Это свидетельство звучит очень реалистично, но из него как раз следует, что Зязин был сторонником советской власти и даже жертвой большевистской пропаганды. Он поверил комиссарам и решил, что «народная власть» – действительно народная. А вот дальше против него показывают уже полную ахинею. «Когда работал счетоводом, делами колхозными растапливал печи, заявляя: пусть горят колхозные дела». «Зязин умышленно запутывал счетоводство, по 3-4 месяца не записывал трудодни колхозникам». Такие обвинения уже заведомо не могут иметь ни какого отношения к реальности, что следователя, конечно, не интересовало.

Степан Соколов, родом из деревни Яминово, до 1934 года был бригадиром колхоза «Дружный». Потом за что-то сел на год, из колхоза исключили. Отсидев, устроился в Шельгинскую школу чернорабочим. В 1937 года его вновь арестовали, разом припомнив прежние грехи: «Соколов конный состав бригады вымотал до полного истощения, довел сельхозинвентарь до негодности». «Он довел колхоз до полного развала. Для того, чтобы спасти колхоз, другие колхозы оказы-

вали ему потом длительную помощь». Если всё это и было правдой, то говорит лишь о том, что Соколов был плохим бригадиром, что скверно, но не контрреволюционно, не говоря о том, что Соколов был всего лишь бригадиром, а не председателем колхоза, а его почему-то обвиняют в развале всего колхоза.

А вот какими были его новые грехи: «Вел контрреволюционную агитацию против колхоза «Первомайский». Почему же нет примеров такой агитации? На самом деле вся «контрреволюция» заключалась в следующем: «Самолично, воровским путем, выкосил два участка, заявив: «Колхозу всё равно не выкосить, под снегом останется, да и последний год существуете». Когда колхозники потребовали возратить сено, то ответил отказом, заявляя: «Я буду жаловаться на ваши грабительские действия. Нас теперь по новой конституции утеснять нельзя, а вам скоро конец. Я не в колхозе, а лучше вас живу». Вот это всё уже похоже на правду: и хищение колхозного сена, и агитация против колхозов. Не контрреволюция, конечно, но всё же вина перед властью.

Третий, Алексей Артамонов – кузнец. Против него свидетельствовали: «Его подковы только 2-3 дня держатся. Он говорит: «Нечего жалеть колхозные лошадей, их отобрали бесплатно. Пусть подохнут все колхозные лошади». «Колхоз «Заветы Ильича» дал вызубить Артамонову 30 штук серпов. Он сделал, а колхозникам не выдавал в течение месяца». Вот и всё, что было поставлено в вину этому «участни-

ку контрреволюционной организации». В обвинительном заключении написано: «Вредительская ковка, задержал подготовку 30 серпов», Выражение «вредительская ковка» звучит комично, но следователь не боялся показаться смешным, потому что от общения с ним никому не было смешно. Кстати, в 40-м году один из земляков вспоминал про Артамонова: «Работал он хорошо, зарабатывал трудодней больше, чем любой рядовой колхозник». Похоже, его просто оклеветали.

Только один из свидетелей называет их группой, и то не приводит ни одного факта совместных действий. И следователь, «разоблачивший контрреволюционную группу», даже не пытался доказать существование группы. Видимо, эти мужики, каждый сам по себе просто болтали лишнее, а, может быть, и болтовню им приписали. Все они тройкой НКВД 11 октября 1937 года, как участники группы, проводившей антисоветскую агитацию и вредительство в колхозе, осуждены были на 10 лет каждый. Их объединяет по крайней мере то, что в прошлом все они – зажиточные крестьяне. Как же попал в эту компанию отец Василий Кулаков?

«Изъято при обыске у Кулакова: паспорт, евангелие, два креста серебряных, письма, фотографии», Что и говорить – полный антисоветский набор. Кулаков, и в лучшие времена державший лишь одну коровенку, работая садовником, личного хозяйства не имел вовсе. Что нужно было 64-летнему

старику с исковерканной судьбой? Разве что память о прошлом, которую конфисковали при обыске. В колхозе он ни когда не состоял и вредительством, естественно, заниматься не мог. Он и по возрасту заметно отличался от тех, с кем шел на сей раз по одному делу. Как бы не относился Кулаков к советской власти, к колхозам, ни к какой организации он, конечно, не принадлежал.

Просто время от времени говорил то, что думал. Нет, он не любил болтать. Но у него иногда вырывались, видимо, фразы, которые приписывают ему свидетели: «Вы Бога забыли, Он вас за то и наказывает. Если бы вы меньше думали о колхозах, а больше молились, то не голодали бы, как сейчас». «Если бы не было колхозов, вы жили бы лучше, ни кто бы вас насильно на работу не выгонял». Да, он вполне мог это говорить.

Верить ли тому, что он агитировал в церковные праздники на работу не выходить? Но он не был агитатором по самому своему складу. Он ни кого ни в чем не стал бы убеждать. Он мог разве что проворчать: «Нехристи, что вы делаете, в Пасху работать пошли». И вот за это ему дали 10 лет.

Людей в последние годы вольной жизни Кулаков вообще сторонился, старался избегать общения с ними. Что творилось в душе у этого старика не знал никто. Вот что, к примеру, вспоминали о нем в 40-м году те, кто вместе с ним работал в детском доме: «Кулаков был очень замкнут, я не видела, чтобы он с кем-нибудь разговаривал», «Работал Ку-

лаков хорошо. Был очень замкнут, не знаю, чтобы с кем-нибудь имел близкое знакомство. Агитации против колхоза от него не слышал».

Е.В. Кулакова, его дочь, написала заявление с просьбой о помиловании отца: «Отец был, сколько я знаю, честным человеком, хорошо относился к работе и позорным вредительством никогда не занимался. Революции он не понял и был от неё далек, по впоследствии часто говорил, что советская власть сделала для народа много хорошего. Старику 67 лет, ему и так не много жить, в заключении третий год».

Заявление было рассмотрено, и 18 октября 1940 года наложена резолюция: «Решение тройки НКВД по Северной области от 11.10.37 оставить в силе».

Василий Филатарович Кулаков, конечно не вернулся оттуда, куда попал. Но то, что в 1937 году он пошёл по одному делу с колхозниками, пусть не надолго, но спасло ему жизнь. Если бы его взяли тогда вместе с другими священниками, пусть даже и бывшими, расстреляли бы вне всякого сомнения.

II Души обезглавленных

...Убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя... И увидел я души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его.

Откровение Иоанна Богослова.

Отцу Константину Турундаевскому, который проходил вместе с отцом Василием Кулаковым по первому делу, дали, напомним, самый большой срок из всех участников «контрреволюционной организации», которая была создана фантазией следователя в 1930 году – 8 лет концлагеря. Но приговор был смягчен, через несколько лет концлагерь заменили ссылкой, а в декабре 1936 года освободили. Правда, не надолго.

Когда в 1937 году его снова арестовали, на допросе он ответил коротко: «Контрреволюционной деятельности я никогда и нигде не проводил», Однако, среди арестованных вместе с ним, нашлись и более словоохотливые.

Отец Василий Швецов свидетельствует: «Турундаевский контрреволюционную работу повел неосторожно. В начале 1929 года организовал контрреволюционные сборища в своей квартире. За что был арестован и осужден. Когда возвратился из ссылки, возобновил со мною связь и в данное время работает сторожем при Вологодской поликлинике, выполняя отдельные наши поручения». Какие именно поручения, так и осталось непонятно, а вот о том, что значит «наши», отец Василий Швецов рассказывает с подробностью, порождающей множество вопросов и недоумений:

«Будучи враждебно настроен по отношению к советскому строю, я с 1929 года проводил активную подпольную работу, являясь одним из руководителей существующей монархической организации духовенства. Начало возникновения

нашей организации относится к 1927 году, когда в Вологде по инициативе епископа Сильвестра Братановского был создан Вологодский епархиальный совет. Это дало легальную возможность руководства периферийными церковными приходами. В 1929 году по инициативе Богословского, Лоцилова и меня под руководством прибывшего из Москвы архиепископа Амвросия Смирнова создали при епархиальном совете руководящий контрреволюционный центр для руководства и проведения практической деятельности по борьбе с советской властью. На одной из наших сходов архиепископ Амвросий говорил: «Да, коллективизация идет быстро, несомненно, это создает опасность отхода населения от Церкви и повлечет за собой закрытие храмов. Нам необходимо принять свои меры, создавать свои кадры надежных людей, взяв упор на кулацкую среду в деревне, монашество и бывших людей в городах». К концу 1929 года на периферии уже имелось 45 священников из монахов, нами подобранных и поставленных. Основная задача, которую мы перед собой ставили – установление в стране монархического строя, как единственной системы управления, покровительствующей Православной Церкви. В работе с активом поручали внедрять монархические взгляды и, используя религиозные чувства, разжигать ненависть к советской власти».

По этому делу арестовали 12 священников из Вологды, 7 – из Вологодского района. В обвинительном заключении значится, что контрреволюционные группы этой организа-

ции существовали так же в Тотемском, Сокольском, Кубе-
но-озерском, Усть-Кубенском, Грязовецком, Чебсарским
районах. Масштабы впечатляют.

Из дела видно, что стилистика НКВД по сравнению с 1930
годом заметно изменилась. Тогда, «разоблачив контррево-
люционную организацию», даже не пытались доказать, что
эта организация действительно существовала, ни каких фак-
тов совместной деятельности даже и не выдумывали, а тут
вон какую разветвленную структуру расписали, не полени-
лись. Вот только всё строится на «царице улик» – личном
признании, больше нет ни каких доказательств существова-
ния организации. И даже в том, насколько это признание
было личным возникают большие сомнения. Похоже, что
Швецов просто подписал то, что было написано сотрудни-
ком НКВД. Некоторые фрагменты его «признаний» никак
не могут принадлежать священнику. Обратите внимание на
то, как он цитирует слова, якобы сказанные архиепископом
Амвросием. Дескать, успехи коллективизации окончательно
вышибают почву из-под ног у нас, у «пережитков прошло-
го». Но все же знали, что коллективизация проводится на-
столько по-изуверски, что даже верных ленинцев способна
отвратить от советской власти, так что для «пережитков про-
шлого» она не только не была опасна, но даже сама по се-
бе агитировала в их пользу. Этот испуг перед успехами со-
ветской власти ни как не мог быть озвучен архиепископом,
это записано под диктовку сотрудника НКВД. Настоящий

контрреволюционер рекомендовал бы использовать рассказы об ужасах коллективизации в агитации против советской власти.

А самое главное – в этих показаниях нет ни одного факта контрреволюционной деятельности, что странно, если верить тому, что организация просуществовала 8 лет. Кого-то куда-то внедряют, кому-то дают какие-то поручения, где-то зачем-то расставляют свои кадры, но при этом совершенно ничего не делают для реализации поставленной задачи, и даже ни какой систематической агитации не ведут. В показаниях нет ни одного свидетельства даже того, что все эти бабюшки были монархистами, их с таким же успехом можно было назвать конституционными демократами.

Швецов, конечно, понимал, что признавшись в принадлежности к такой организации, он наговорил себе на три расстрела, факты конкретной работы уже не было смысла скрывать. Если бы кто-то из священников хотя бы только восхвалял монархию, Швецов, конечно, рассказал бы об этом.

Но ему нечего было сказать. Приводимые им факты не просто смехотворно мелки, но и вообще не имеют ни какого отношения к политике.

«В 1937 году руководитель организации Богословский организовал тайный сбор подписей от населения Вологды против решения горсовета о закрытии Богородского кладбища». Если кладбище решили отстоять, так это что, монархическая контрреволюция?

«Ушаков тайно выполнял в тех деревнях, где церкви были уже закрыты, крещение, заочное погребение. одновременно вел широкую антисоветскую пропаганду, особенно среди женщин, внушая последним о необходимости религиозного воспитания детей». От священника, очевидно, не стоило ждать, что он будет ратовать за необходимость атеистического воспитания. Если власть допускала существование священников, а священники, с разрешения властей, всего лишь выполняли свою работу, это трудно считать антисоветской пропагандой. И не понятно, как крещение и отпевание могли способствовать реставрации монархии.

Отца Александра Богословского Швецов называет руководителем организации, а на допросе Богословский полностью отрицал не только руководство организацией, но и свою принадлежность к ней. В свидетельских показаниях его фамилия тоже почти не встречается. Значит, если бы Швецов не назвал фамилию Богословского... Точно так же и с Турундаевским. Против него ничего не было, кроме того, что сказал Швецов. Когда власть взялась за системное истребление духовенства, на сторожа поликлиники Турундаевского могли и внимания не обратить, но донос не позволил ему отсидеться. А поскольку его привлекли по одному делу со священниками, то приговор мог быть только один – расстрел. Все 19 обвиняемых по этому делу были расстреляны.

На папке под грифом «совершенно секретно» значится: «Дело по обвинению Швецова, Белкова и других в числе 19 человек». Почему названы именно эти две фамилии, а остальные – в цифре? Да потому что именно они наиболее активно оговаривали себя и других.

Отец Иоанн Белков, например, сообщал: «Моя практическая деятельность заключалась в том, что, выполняя обязанности приема и назначения новых священников, подбирал их из реакционно настроенных лиц, особенно монашества, которое активно боролось против мероприятий советской власти. Давалась установка – священникам агитировать против коллективизации, закрытия церквей».

И опять ни слова о том, в чем именно выражалась «активная борьба» против мероприятий советской власти, и придерживался ли хоть один священник «установки», которую давал Белков. Да и с чего бы иеромонахам быть «реакционнее» белого духовенства? Так считали в НКВД, то есть показания Белкову просто диктовали.

Из 19-ти священников, 12 свою вину не признали, да их похоже никто к этому и не принуждал, на них уже достаточно наговорили. Об отце Константине Турундаевском, например, в обвинительном заключении сказано без лишних слов: «Достаточно изобличается показаниями Швецова». Швецова, видимо, взяли первым, и протокол его допроса во много раз длиннее других. В этом протоколе собственно и заключается всё содержание дела. Видимо, Швецова довели до

такого состояния, когда у него было только одно желание – лишь бы поскорее пристрелили, ради этого он был готов говорить и подписывать что угодно. Потом взяли ещё несколько человек, от них такой подробности уже не требовалось, но и с ними пришлось попыхтеть. Потом взяли всех, кого называли первые, а называли они просто тех, чьи имена были им известны. От этих уже ничего не требовалось, на них не давили, наговорено было уже достаточно. Именно поэтому с восьмого по порядку следования в деле все священники свою вину отрицают.

Итак, сами материалы дела очень наглядно и совершенно неопровержимо свидетельствуют о том, что никакой церковно-монархической организации не существовало. Но хотя бы некоторые из расстрелянных священнослужителей вполне могли относиться к советской власти враждебно. Так, если верить свидетелю, диакон Виктор Воскресенский после ареста очередной группы священников сказал: «Арестовывать безвинных людей могут только в СССР, а не где-либо в цивилизованном государстве. Я всю свою жизнь буду ненавидеть и проклинать советскую власть». Эти слова звучат очень реалистично, вероятнее всего, они действительно были сказаны, и так думал явно не один священнослужитель.

Но они не боролись с советской властью. Один из «разговорчивых батюшек», отец Евгений Лоцилов, лишнего на себя всё-таки не берет: «Ни какой практической работы по осуществлению террористических актов над коммунистами

нами проведено не было».

Что же было? На допросе отец Евгений Лоцилов говорил: «В 1936 году пришли к выводу, что надо использовать сталинскую конституцию, чтобы на предстоящих выборах в Советы выдвинуть кандидатуру от духовенства». Никакой «контрреволюции» в этом замысле, конечно, нет, тут скорее заметен просоветский настрой, желание интегрироваться в структуры власти и стать полноценными членами общества.

Хотя мысль была очень наивной. Можно было не сразу понять, что сталинская конституция останется на бумаге, но неужели они не чувствовали, какая общественная атмосфера их окружает? В октябре 1937 года, когда эти священники были ещё на свободе, «Красный север» писал: «Свыше ста многолюдных митингов и собраний рабочих и колхозников, учащихся и интеллигенции проведено последнее время в Череповце и Череповецком районе. Всюду обсуждался вопрос о вреде религии и контрреволюционной деятельности поповщины». Кажется, сам воздух тогда был насквозь пропитан ненавистью к Церкви, а желание духовенства войти в советские структуры «Красный север» понимает, как нечто крайне циничное: «В некоторых сельсоветах попы пытаются превратно истолковать нашу сталинскую конституцию. Церковники ввели из-под тишка агитацию, что в Советы надо обязательно выбирать священников».

Нам сейчас трудно понять советскую логику той поры. Если закон давал священникам право быть избранными в депутаты, то почему попытка этим правом воспользоваться воспринималась, как нечто возмутительное? Но ненависть всегда иррациональна, она не нуждается в логике. Вот, к примеру, ещё одна изумительная заметка из «Красного севера» той поры:

«Попы из кожи вон лезут, чтобы исправить свои развалившиеся дела и выдать себя за трудящихся. Так, например, Богословский и Кондашский попы наряду со службой в церкви подрабатывают ремонтом обуви и кладкой печей». Даже то, что батюшки имели золотые руки и не боялись ни какой работы, и то умудрялись поставить им в вину. Какое уж тут участие в выборах.

Впрочем, некоторые священники были реалистами и всё прекрасно понимали. Свидетели приводят их слова: «Конституция принята лишь под давлением Лиги Наций». «Конституция останется на бумаге». «Ни чего нового конституция не даст, да и написана она только для заграницы. Городскому духовенству участвовать в выборах не надо. Наши кандидаты не пройдут, а за коммунистов голосовать не будем». Да, они могли это говорить.

Иные священники смотрели на новую конституцию, как на предоставляющую права более скромные, но зато и более реальные: «Новая конституция разрешает не только молиться, но и совершать крестные ходы. Но вы Церковь забыли и

получаете Божье наказание – неурожай. Организуйте крестный ход, и тогда лучше пойдут ваши дела».

Разумеется, и эти слова истолковали, как «контрреволюцию», хотя за ними совершенно явственно прослеживается желание жить с советской властью в мире.

В деле есть группа свидетельств, которые стоят особняком. Отцу Евгению Лоцилову приписывают слова: «Угроза войны приближает благоприятный для нас момент. Сейчас, как никогда, необходимо создание широкой сети повстанческих групп, с тем, чтобы на момент объявления войны, они уже существовали в каждом колхозе».

Отцу Николаю Пономаревскому приписывают следующее: «Весной что-нибудь должно быть. Япония и Германия больше тянуть не будут. Они нанесут решительный удар, чтобы уничтожить Советский Союз и всю эту большевистскую нечисть. Генерал Франко поклялся папе римскому, что не сложит оружия до тех пор, пока не уничтожит большевиков».

Отец Досифей Крылов будто бы заявлял во время подписки на заем «Оборона СССР»: «Что нам оборона, скорее бы война, нам тогда бы лучше. Германия возьмет верх, восстановит жизнь в России и наведет порядок. Тогда коммунистам наломаем шею, покажем, как строить социализм на костях человеческих».

Можно ли верить этим свидетельствам? Вообще-то люди, жизнь которых превратили в непрерывный кошмар, вполне могли возлагать надежды на внешнюю военную помощь. В 1937 году они ещё не могли знать, каким адом обернется вторая мировая, и как на практике будет выглядеть «освобождение России». Надежда на то, что война с немцами приведет к падению большевизма, выглядела довольно реалистично, тем более, что ни каких иных надежд они явно не имели.

И вот что интересно: священники, дававшие самые подробные показания, из которых и состоит почти всё дело, ни слова не говорили о своих надеждах на фашистов. Творческая мысль НКВД с самого начала трудилась над моделированием монархической организации, а потому показания о профашистском уклоне ни из кого не выколачивали. Строго говоря, эти показания были следователю совершенно не нужны. Доносы свидетелей добросовестно протоколировали, но дальнейшего хода им не давали. Значит, эти свидетельства получены без давления. Они, конечно, могут быть чистой клеветой, но вероятнее всего содержат в себе хотя бы искаженную, но правду. Во всяком случае, тогда надежда на то, что немцы прогонят большевиков, была куда более реалистичной, чем попытка собственными силами реставрировать монархию в России. Но вот именно на те доносы, которые вполне могли оказаться правдой, следствие почти не обратило внимания, предпочитая утверждать то, чего не могло быть.

Молчание и неизвестность понемногу опутывали тени убиенных. Трудно узнать что-либо даже от их ближайших родственников. Многие из них сами были репрессированы, как «ч.с.» – члены семьи, а другие не хотели жить там, где о них было известно, что они – родственники врага народа. После реабилитации оказалось, что на территории Вологодской области дети и внуки оправданных за немногими исключениями не проживают.

Виновность или невиновность этих людей никогда и не кого не интересовала. Их осудили только за то, что они были священниками, их реабилитировали только потому, что они были осуждены внесудебным органом – тройкой НКВД. В деле никто не пытался разобраться. Такая реабилитация не есть признание невиновности. Точно так же реабилитировали убийц и грабителей, чья вина была очевидной, только потому, что они были осуждены не судом, а тройкой. Сегодня мы не можем даже утверждать, кто из 19-и расстрелянных священников был действительно враждебен советской власти, а кто был вполне лояльным советским гражданином. Тем более, мы ни когда не узнаем, какими людьми они были.

Иногда эта завеса чуточку приоткрывается. Внучка отца Александра Котельникова, В.С. Петухова, семья которой давно уже переехала в Латвию, написала письмо в УКГБ по Вологодской области: «В настоящее время я его единствен-

ная родственница, которая считает своим моральном долгом узнать о горькой судьбе своего дедушки. У меня нет никаких сомнений в том, что причиной расправы над Александром Ивановичем была его принадлежность к духовенству. Это был честный трудолюбивый человек, отец большого семейства, живущего в нужде». Валерии Сергеевне ответили, что её дедушка реабилитирован, но что ещё могли к этому добавить?

Архивные тени мало похожи на живых людей, их судьбы непонятны, их поступки порою с трудом поддаются объяснению. Например, отец Досифей Крылов начинал свою биографию отнюдь не духовным лицом. Накануне первой мировой, когда попал на государеву службу, ему было 23 года. Несколько лет он не вылезал из окопов германского фронта, а сразу же после революции поступил в Красную Армию, был старшиной роты и демобилизовался только после «окончательного разгрома белых банд». Он проливал свою кровь за установление советской власти, и вот что с ним такое случилось, что он вдруг решил стать священником, да ещё в те годы, когда быть священником стало опаснее, чем воевать?

В 1935 года отец Досифей отсидел год за саботаж выполнения государственных обязательств. В 1937 году был арестован и расстрелян. Вину свою отрицал. Все загадки его судьбы были расстреляны вместе с ним. Так же ещё 18 уникальных и неповторимых миров, имя которым – человек.

III Нечистый пусть ещё сквернится

Неправый пусть ещё делает неправду, нечистый пусть ещё сквернится, праведный да творит правду ещё и святой да освящается ещё. Се грядущее скоро и возмездие Моё со Мною.

Откровение Исаии Богослова.

Отец Моисей Полищук до революции был крестьянином, потом военная служба. Он так же решил посвятить жизнь служению Господу именно тогда, когда это пошло вразрез со всем, что творилось вокруг. В 1918 году он стал псаломщиком, позднее был рукоположен в священника и служил в Курске.

В 1931 году отец Моисей был осужден на 5 лет концлагеря за проповеди в храме. В его деле, по всей видимости, нет ложных свидетельских показаний, ему ставили в вину лишь то, что за ним и правда водилось – склонность к обличительному слову. Это слово можно было уничтожить лишь вместе с человеком. «Любо им, как молчу, да мне так не сошлось», – ворчал протопоп Аввакум.

Из лагерей отца Моисея направили в ссылку в Архангельск, но он пробыл там лишь две недели и бежал в Вологду. На допросе он объяснил это тем, что не мог в Архангельске найти работу. Непонятно правда, с чего он взял, что в Вологде с работой лучше? Возможно, за две недели в Архангельске он так успел себя проявить, что счел за благо бежать.

С 1933 по 1935 год отец Моисей скрывался, но видимо эта волчья жизнь вымотала его в конец. В декабре 1935 года он зарегистрировался, как административный ссыльный. Не трудно понять, что это был перелом, можно было бы языком и попридержать. Скоро конец ссылке и возвращение на родину, дома его ждали жена, четыре сына и дочь. Он поселился в Прилуках, устроился работать пастухом. Но молчать так и не научился.

Против него свидетельствовали: «Обхаживал дома колхозников, читал среди собравшихся богослужебные книги, проводил беседы. Опошлял стахановское движение, сталинскую конституцию, колхозную систему». Это, видимо, так и было, но вот следующие слова, которые ему приписывают, уже вызывают недоумение: «В Библии правильно написано, что советская власть существует последний год. Советское правительство – это правительство антихриста. В Библии указано, что 1935 год принесет гибель скоту, в 1936 году будет сильный голод людей. Родители будут есть своих детей, затем придут иностранцы, погубят всех тех, кто подписал бумагу антихриста, огнем и мечом».

Если его слова не переврали доносчики, значит он был человеком богословски безграмотным, во всяком случае – не читавшим Библии, где, конечно, нет никаких дат. Склонность к тому, чтобы пророчествовать, предрекать и вешать показывает в отце Моисее натуру экзальтированную, каких всегда хватало в Церкви. Можно представить себе, ка-

кое впечатление производили на простодушных крестьян, например, такие его пророчества: «В 1937 году советская власть будет свергнута, а в России недолгое время будет царить анархия, но в том же 1937 году будет царь из иностранцев, а затем будет выбран президент, при котором русский народ будет жить хорошо».

Предположение, что о. Моисея оклеветали, маловероятно, заурядные клеветники не имели необходимости заниматься такими причудливыми футурологическими построениями. Он, видимо, действительно был вполне осознанным врагом советской власти и активно занимался антисоветской пропагандой. Таким людям нет необходимости приписывать то, чего они не говорили, они и сами всегда готовы столько наговорить, что всё и записывать необходимости не будет. Отца Моисея Полищука расстреляли 29 сентября 1937 года.

Удивительно, что дело Моисея Полищука – персональное, его не стали включать в состав контрреволюционной группы, как это тогда водилось. Это тем более удивительно, что группа в Прилуках свидетельскими показаниями изобличилась: «На квартире у Логинова Федора собираются Вахромеев, Полищук, Рукин». Все трое из упомянутых в доносе, кроме Полищука, проходили по одному делу.

Федор Павлович Логинов родился в 1859 году в Санкт-Петербурге, в дворянской семье. Дворянин Логинов поче-

му-то пошёл по купеческой стезе и в деле этом преуспел – имел средства в четырех банках России, магазины в Гостином дворе. Был также старостой церковной общины в Петербурге. В этом качестве лично встречался с царем Николаем. В 1914 году вместе с царем ездил в Новгород на поклонение местным святыням. Яркая, весьма примечательная личность.

Федор Павлович имел 5 дочерей и 2 сыновей, но говорил, что не знает о них ничего, начиная с 1915 года. Как он мог утратить связь с детьми ещё до революции? Может быть, из-за германской войны?

Когда в 1917 году его имущество национализировали, Логинов отсидел несколько лет, а в годы НЭПа снова стал торговать, открыл свой ларек. Бодрый был старик. Ему уже перевалило за 60, а он обладал ещё достаточной энергией и жизненной хваткой, чтобы приспособиться к новым условиям. Торговал до 1926 года, а в 1932 году был осужден на 10 лет концлагеря. Через некоторое время лагерь заменили ссылкой, так он оказался в Прилуках.

Логинов всегда был человеком религиозным, и в ссылке знакомство водил в первую очередь с отцом Евгением Вахрамеевым, священником прилуцкой церкви, и отцом Платоном Рукиным, священником слободской церкви, что стояла от Прилук через реку.

Как-то в разговоре с одним из них Федор Павлович сказал: «Я не забуду своего громадного состояния. Перед аре-

стом у меня отобрали 35 тысяч рублей звонкой монетой». И всё-таки вера православная значила для него больше, чем богатство. Он говорил, например: «Если бы все священники пошли в колхозы работать, они принесли бы в народ противоядие от безбожия. Если будешь работать в колхозе, то осторожно на каждое безбожное выступление реагируй словом религиозного учения, потихоньку каждый раз отстаивай правое дело».

Как видим, он считал, что безбожию надо противостоять, но это был прагматик, он предлагал только то, что было реально. Отец Евгений Вахрамеев был ещё большим реалистом, он и мысли не имел бороться с советской властью, считая, что надо интегрироваться в новую жизнь, найти в ней своё место. Вот что на него доносили:

«Смерть академика Павлова старался использовать в агитации для укрепления религиозных убеждений, говоря: «Смотрите, какой большой ученый, а до смерти являлся религиозным человеком, и несмотря на это, был на советской службе».

«Советская власть хорошая, потому что послана от Бога. Граждане должны чаще посещать церковь, не считаясь ни с какими работами и молиться за советскую власть».

«Просоветскому» отцу Евгению ставили в вину то, что он призывал к посещению храма относиться с большей серьезностью, чем к полевым работам, но он, конечно, меньше всего думал о подрыве сельского хозяйства. Ещё на него пока-

зывали: «Собрал на ремонт церкви тысячу рублей с целью сорвать подписку на заем». И такой цели у него, конечно, не было. Его подводят под обвинение в саботаже, используя, мягко говоря, очень большие натяжки.

Отец Евгений хотел только одного: чтобы советская власть признала за духовенством право на существование, чтобы увидела в священниках людей не только не опасных, но даже и полезных. Его концепцию приводит один из доносчиков: «Управление государством без церкви немыслимо». А ведь в 1943 году Сталин фактически принял эту концепцию. Но тогда шел 1937 год.

Кажется, деятельность о. Евгения приносила некоторые плоды, о чем говорят доносчики: «Группа делала ставку на привлечение к церкви молодежи, причем эту обработку проводили в большинстве случаев индивидуально. Молодежь стала больше посещать церковь. Колхозники увеличили подачки попам, много денег собрали на ремонт церкви». После таких успехов, заявления о любви к советской власти уже не могли спасти отца Евгения.

А отец Платон Рукин, похоже, был настроен по отношению к советской власти куда менее лояльно, он якобы говорил: «Сколько на советскую власть не работай, а всё равно жрать нечего, На неё, как на помойную яму, не навалишь хламу».

Да и отец Евгений в частных беседах, похоже позволял себе высказываться куда менее лояльно, чем в публичных вы-

ступлениях. Против него свидетельствовал диакон прилуцкой церкви: «Я рассказывал о героях гражданской войны, о том, как мы били белых, а Вахрамеев сказал: «Полно брехать, чего не знаешь». Он так же призывал жестоко расправиться с иудами-предателями в нашей церковной среде, сторонниками советской власти».

В этом деле, судя по всему, почти нет вранья, а потому сами материалы дела очень наглядно свидетельствуют о том, что ни кто из них с советской властью не боролся, ничего враждебного советской власти не делал и даже мысли такой не имел. Относились они к советской власти по-разному: кто-то вовсе даже и неплохо, кто-то куда хуже, но это были всего лишь мысли и мнения, и то преимущественно церковного, а вовсе не политического характера. И даже если неправильные мысли считать преступлением, то вина их очевидным образом различна. А вот приговор был одинаковым. Вахрамеева, Логинова, Рукина расстреляли 2 октября 1937 года.

Послесловие

Когда мои очерки о репрессированных священниках впервые были опубликованы в вологодских газетах, не раз приходилось отвечать на вопрос о том, почему меня заинтересовали судьбы именно этих священников, ведь в них вроде нет ничего особенного. Ответ простой: я вышел именно на, эти дела чисто случайно, если, конечно, у Бога бывают

случайности.

В 1989 году я работал в вологодской районной газете «Маяк», и вот у нас в газете начали регулярно публиковать поступающие из КГБ списки реабилитированных. Просматривая эти списки, заметил, что тут много священников, а церковная тематика меня всегда очень интересовала, я сделал из списков выборку имен священников и попросту позвонил начальнику управления КГБ по Вологодской области Леониду Арабкову. Генерал не отказал мне во встрече и согласился выполнить мою просьбу о том, чтобы познакомиться с делами репрессированных священников по моему списку. Так что всё было очень просто. А копаться в архиве КГБ и искать там «что-нибудь особенное» у меня, сами понимаете, возможности не было.

Потом я понял, что сама заурядность этих дел, ничем не примечательных и вполне обычных для того времени, уже представляет собой историческую ценность. Громкие процессы над людьми, известными всей России, и без того хорошо описаны, а тут – текучка массовых репрессий, серые будни НКВД – каждый день одно и то же. Но не в громких делах над знаменитыми иерархами, а в массовом истреблении безвестных провинциальных батюшек пульсирует история Русской Церкви. Тех, кто обычно находят отражение не в словах, а в цифрах – расстреляно столько-то представителей духовенства. А у них тоже были имена! У них тоже были судьбы! Извлечь из общих цифр хотя бы несколько имен –

это и была моя задача.

Кроме того, эти дела позволяют на наглядных примерах сделать некоторые обобщения. Вопрос о репрессиях сейчас сильно мифологизируется, об этом предмете сулят вкрявь и вкось все, кому не лень, не известно на какие данные опираясь. А тут вот они – подлинные расстрельные дела из содержания которых неопровержимо следует – эти люди ни чем не провинились перед советской властью, в самом худшем случае – они её не любили, но степень их вины или невинности следователей НКВД совершенно не интересовала. Шло массовое поголовное истребление духовенства. Их убивали только за то, что они были священниками, даже если на тот момент они уже не служили. Сами эти дела служат убедительным доказательством того, что батюшки были невинны даже по советским законам.

Здесь мы почти не встречаем идейных убежденных борцов с советской властью. То были обычные люди, которые выживали как могли, и в большинстве своём отнюдь не просились на крест. Поведение некоторых из них не кажется безупречным, но не дай Бог нам их осуждать. Из дела неизвестно, какие муки предшествовали тому, что они стали оговаривать своих товарищей, мы не знаем, какими мотивами они руководствовались, что было у них в душе.

Сколько их, в жизни бывших вполне обычными людьми, спокойно, безропотно приняли смерть за Христа, без страха встав под расстрел? А сколько их, обмирая от страха, делали

всё для того, чтобы спасти свою жизнь, но им это всё равно не удалось? Из дела это невозможно понять, это навсегда останется для нас тайной.

Мы можем быть твердо уверены только в одном – их убили за то, что они были служителями Господа. Святые новомученики российские, молитесь Бога о нас.

Тихая моя родина

Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.
Николай Рубцов

Предисловие автора

В этих заметках нет ни какой системы, у меня никогда не было возможности по заранее составленному плану посещать святые места Вологодчины или посвятить достаточное время изучению нашей церковной истории. Просто, много лет проработав в областной газете и постоянно бывая в разных уголках нашей епархии, я не обходил стороной монастыри, храмы, святые места, общался со священниками и мирянами, многое из того, что довелось узнать об истории и современности Вологодской епархии просилось на перо и выходило отдельными публикациями (В основном это было в 90-е годы).

Сейчас решил всё это обобщить, что-то переработав,

вспомнив, добавив. Сразу же стало заметно: картина получилась очень неполной, основную их площадь составляют белые пятна, которые мне уже не суждено заштриховать. А, может быть, это и не беда? Один сделал одно, другие сделают другое и по-другому, и бессистемная сумма фрагментов встанет в общей системе на свои места.

Эти заметки – посильный дар моей малой родине – Вологодчине, где я родился, вырос, пришел в Церковь и прожил всю жизнь. В них слишком много моей личной судьбы, только она и объединяет их в единое целое. Надеюсь, мне послужит хотя бы некоторым извинением искренняя любовь к родной земле и её духовным сокровищам.

Обители земли Кирилловой Пророки в своём Отечестве

Из евангельских слов мы сложили горькую поговорку: «Нет пророка в своём Отечестве». Если мы на самом деле так думаем – это беда. Ведь, не отыскав в своём Отечестве «пророка», мы и Отечество обязательно потеряем, оторвемся от него духовно, и останется под нашими ногами обезличенная территория, единица административного деления. Поэтому так важно найти «пророка» на своей родной земле, обрести рядом с собой великое и величайшее. Наверное, именно так рождается Родина в душе.

Вот, к примеру, территория Кирилловского района чем особенным отличается от других? Да вроде бы и ни чем.

Здесь красиво, конечно, но мало ли где красиво? Но есть территория, а есть земля. И земля эта – особая. Вологодский историк П.А. Колесников насчитал в Кирилловском районе 85 поселений XII-XV веков, больше, чем в любом другом районе области. Эта древняя земля так основательно проработана духом за многие века, что это позволило ей стать особым уникальным миром, подобного которому не отыскать на Руси. В радиусе всего лишь 20-и километров от Кириллова сосредоточено столько всего «самого-самого», что просто уму непостижимо.

Кирилло-Белозерский монастырь по размерам своим превзошёл Троице-Сергиев и Соловецкий. Он был самым большим монастырем на всей Руси, а по своему духовному значению стоял на втором месте после Троице-Сергиевой Лавры.

Горицкий монастырь мог некоторое время претендовать на роль второго и даже первого русского женского монастыря. Московский Новодевичий монастырь был основан незадолго до Горицкого, а возвышение его началось позже Горицкого.

Пустынь преподобного Нила Сорского... В конце XV века этот всемирно известный святой основал первый в России скит. Архиепископ Черниговский Филарет писал: «Не было ещё до этого в Русской Церкви такого сочинения, каков устав скитской жизни преподобного Нила».

Ферапонтов монастырь. Великого создателя ферапонтов-

ских фресок Дионисия уже современники считали самым знаменитым на Руси иконописцем. И теперь это единственные в России фрески начала XVI века, которые уцелели в авторском исполнении почти в полном объёме.

Трудно представить, что на таком малом пространстве сосредоточено столько всего «первого», «самого», «единственного». Эта невеликая земля – целая вселенная. Такой вывод делает разум, опираясь на факты. Но подарит ли разум свой вывод сердцу? Одно дело – знать, а другое дело – чувствовать. Надо туда ехать, идти, добираться...

Космос преподобного Кирилла

Тяжелое серое небо легло на обитель преподобного Кирилла. Казалось, что огромные монастырские башни, словно атланты, держат на себе низкий небосвод. Наверное, только на русском севере могла возникнуть эта огромная, мощная твердыня. Её строили люди, привычные к тяжелому небу над головами. Суровые люди.

Иду по безлюдной обители, не замедляя шаг – погода не располагает к созерцательности. Каменная мощь монастырских строений вместе с дождем тоскливо холодят душу. А за окнами храма – огоньки. И дверь не заперта.

Иеромонах служит молебен. Кроме него, в храме, у мощей преподобного Кирилла, молятся только бабушка и молодой мужчина. Да я вот ещё просочился. Как быстро всё меняется в душе, стоит лишь войти в общую молитву. Тихо,

спокойно, тепло. Не даром ведь Господь говорил: «Где двое или трое собраны во имя Моё, там и Я посреди них». Верю, что Христос посреди нас, потому что без Него душу не согреть. Понимаю, что монастырь именно здесь, где трое, а всё остальное вокруг нас – крепость.

Братия монастыря сейчас совсем маленькая: иеромонах-наместник и два послушника (2000г. – прим. автора). Но может ли монастырь быть маленьким? Ведь если во имя Господне собрались три человека, Господь так же посреди них, как и там, где собрались триста человек. Огромная крепость и толща туч над нею простираются в горизонтالي, а тоненькая струйка Богослужения создает вертикаль, связь с Небом. Лучше, когда молитвенных струек больше, но так или иначе – вертикаль уже существует.

После молебна мы разговариваем с отцом Кириллом, наместником монастыря. По светскому образованию он врач, принял монашеский постриг в Спасо-Прилуцком монастыре, и вот с июля 1998 года – здесь. Отец Кирилл не думает, что в ближайшее время обитель начнет стремительно наполняться иноками: «В северных краях братия не быстро растёт». Он говорит об этом без тени уныния, в его голосе чувствуется спокойный реализм. Так же можно было бы сказать о том, что на севере лето короткое. От чего же тут унывать? Мы здесь выросли, мы знаем местные условия. Нам известно, что гнать лошадей по глубоким сугробам не стоит.

Храм, где покоятся мощи преподобного Кирилла, пока не

передан монастырю. Но и в этом нет повода для уныния, потому что руководство музея разрешает совершать здесь Богослужения. Жизнь духа вообще очень редко пересекается с юридическими вопросами о правах собственности.

Позднее мы разговорились с молодым мужчиной, с которым встретились на молебне. Оказалось, что он – сотрудник петербургского ОМОНа. Во сне ему явилась икона Божьей Матери, и в память врезался отчетливый голос, сказавший, что икона – «Белозерская». Видел он так же святого старца, который был похож на преподобного Сергия, но почувствовал, что это другой святой. А когда потом взял в руки книгу о святынях Белозерья, на иконе преподобного Кирилла узнал старца, явившегося ему во сне. Так он приехал сюда, чтобы попостившись, исповедаться и причаститься, облегчить и успокоить душу.

Преподобный Кирилл призвал в свою обитель человека, который раньше ни чего не знал ни про обитель, ни про самого преподобного. Уместны ли разговоры о том, в какой степени обитель возродилась, если святой игумен, как хозяин, приглашает к себе в гости?

Вечером за монастырской стеной на берегу Сиверского озера тишина и покой. Дождь перестал. Почему-то безлюдно, хотя здесь так хорошо отдыхать. Долго-долго всматриваюсь в прозрачные воды, не думая о том, что же там мож-

но интересного рассмотреть. Словно надеюсь увидеть отражение старца Кирилла, который вдруг появится за спиной. Очень хочется поглубже пережить то обстоятельство, что преподобный Кирилл и доныне здесь. Безо всяких иносказаний и метафор. Вполне реально. На самом деле.

Мне довелось узнать про А. Ф. Грошева, который большую часть жизни прожил на территории закрытого и оскверненного монастыря в одной из бывших монашеских келий, хотя не был ни монахом, ни священником. Александр Федорович умер в 1987 году, он наш современник, хотя сам он вполне ощущал себя современником преподобного Кирилла. Грошев говорил: «Преподобный Кирилл здесь живет, каждый камешек здесь священный и вода в озере святая». Он разговаривал с преподобным, как с живым, спрашивал благословения на все дела, задавал вопросы и, видимо, получал ответы.

Как же сумел наш современник так приблизиться душой к древнему святому? Наверное, он его понял, ощутил, как реального живого человека. Мне это не дано, однако, очень хочется.

Преподобный Кирилл очень любил книги. Он их не только читал, но и переписывал. Однажды разбойники решили

его, тогда ещё одинокого отшельника, ограбить, думая, что монах скрывает клад. А старец кротко ответил: «Нет у меня ни чего в этой жизни, кроме одежды той, которую на мне видите, и мало книжиц».

Как трепетно он любил эти «книжицы», если, не желая иметь вообще никакого имущества, с ними всё-таки не захотел расставаться. С каким благоговением переворачивал листы, испещренные буквицами. И ведь речь идет не только о книгах богослужебных. Сборники прп. Кирилла носят энциклопедический характер. В одной из его книг находится древнейшая на славянском языке подборка выписок по естествознанию.

Какой это урок для нас, склонных шарахаться из крайности в крайность. Мы то обожествляем науку, то говорим, что наука – ничто. Многознание, дескать, развивает высокоумие и гордыню. Так бывает, но не всегда и не обязательно. Святой угодник мог любить только то, что приближало его к Богу. Видимо, естественно-научные изыскания давали ему пищу для богомыслия. Знания – это ведь лишь ключик, которым можно открыть прямо противоположные двери. Весь вопрос в том, к какой из дверей стремится душа человека. Одного книги губят, другого – спасают.

Мне показалось поразительным, что Землю прп. Кирилл представлял себе шарообразной и носящейся среди небесной пустоты «якоже некое перо». Мы-то выросли с этим знанием, оно для нас столь же естественно, как и то, что

трава зеленая. Но средневековый человек, по-видимому, совершенно иначе переживал эту «шарообразную летучесть» Земли. Большинство людей тогда жило, ни о чем подобном и близко не подозревая. Они твердо стояли на плоской земле. Как же было жить с пониманием того, что под ногами нет незыблемой твердыни, а лишь планета, несущаяся в пустоте, да к тому же она в масштабах вселенной не тяжелее, чем «перо некое». Как прикрепить себя к этой пушинке? Чем тут спасешься, кроме непрестанной молитвы? И может ли такое быть, чтобы Господь дал нам в удел лишь пушинку? Нет, конечно же, должен быть мир иной, абсолютно устойчивый, вечный.

Очевидно, обширные знания святого должны были повлиять на его духовный склад, создать в нем ту личную «особинку», которую нам сейчас так трудно ощутить. А надо ли нам эту «особинку» ощущать? Не знаю. Знаю только, что святым надо молиться. А как обращаться к человеку, если от тебя закрыт его внутренний мир, его неповторимая индивидуальность?

Ещё один факт из жизни святого, по тем временам совершенно поразительный. Преподобный Дионисий Глушицкий написал прижизненный портрет преподобного Кирилла Белозерского. Потом этот портрет почитался, как икона. Иноки Кирилловской обители сделали для этого образа киот, на одной дверке которого изобразили, как прп.Кирилл позирует прп. Дионисию. Портрет... Для нас это столь же естествен-

но, как и то, что Земля круглая. Но в те времена написать портрет живого человека, к тому же – монаха, было на Руси делом совершенно неслыханным.

Из жития мы знаем, каким смиренным был преподобный Кирилл. И вдруг он позирует. Этим можно было привести в крайнее смятение и смущение всю братию. Игумен явно повел себя вызывающе.

Легко сказать: «Он обогнал своё время». Но преподобный Кирилл и наше время тоже обогнал. Он обогнал время вообще, как таковое, его уделом стала вечность. Не из того времени, не из нашего, поступок святого не объяснить. И всё же... Известно, что при жизни святые никогда не хотели, чтобы их считали святыми. Они сами себя считали и называли недостойными людьми, убеждая в этом других. Так, может быть, игумен потому и позволил написать свой портрет, чтобы братия считала его гордецом? Может быть....

Он, видимо, уже находился на таком уровне духовного развития, настолько очистил свою душу от тщеславия и гордости, что такая чисто внешняя вещь, как позирование, уже не могла повредить его душе. Возможно, была особая Божия воля в том, чтобы этот портрет появился, и святой угодник не имел возможности усомниться в том, что так хочет Бог, и согласился на вызывающий поступок за послушание. К тому же не надо забывать, что это не только портрет святого, но и портрет, написанный святым. Значит, и преподобный Дιονисий также не сомневался в том, что они с преподобным

Кириллом исполняют Божью волю. Между ними, очевидно, была ясность в вопросе о том, почему и зачем они это делают. А для нас это так и останется тайной.

В 1917 году кирилловская газета писала: «Сколько слухов про Кириллов монастырь, что тут большие запасы хлеба? Кто знает входы и выходы из монастыря, пусть придет в продовольственный отдел и скажет». Эти слова звучат почти комично. Вот он стоит, у всех на виду, огромный монастырь. Неужели входов и выходов не найти? А ведь и впрямь не найти. Потому что это монастырь, а не просто крепость. Это обитель духа, а не зернохранилище. Любой монастырь – невидимый. Очень трудно искать «входы и выходы» его духовной реальности. И сказать о находках – нечего.

Горицкое воскресенье

Красивейший вид открывается за стенами Горицкого монастыря на берегу реки Шексны. Пронзительная ширь, ветреная даль, маленькие живописные островки. Водные просторы поглощают внимание так, что и уходить отсюда не хочется, хотя лицо уже горит на ветру. Славно. Только спокойнее было бы ни чего не знать об истории здешних мест. А знать приходится.

Эта красота – рукотворная, то есть не Божеская, а человеческая. И воды эти, собственно, не река Шексна, а разли-

шеся от старого русла в обе стороны Рыбинское водохранилище. Исчезло, поглощенное водохранилищем, Ивицкое озеро, стали островами гора Никитинская и гора Городок.

Есть что-то очень тревожное в этом горделивом деле исправления Божьего замысла. Что-то от Вавилонской башни. А здесь получилась «река Вавилонская» – библейский символ изгнания от лица Божьего.

Конечно, красоту не назовёшь безобразием, но такая красота всегда имеет свою изнанку. В течение многих лет воды вымывали со дна кости из затопленных могил. Люди хотели что-то скрыть под водой, а вместо этого открыли. Могилы разверзлись.

Захожу в монастырь и взгляд прежде всего привлекает здание храма в неплохом состоянии. Заглядываю внутрь и вижу... ряды кресел. Здесь, оказывается, по-прежнему действующий клуб – на территории так же уже действующего монастыря. Этот храм, Троицкий, был возведен над могилой основательницы Горицкой обители. И клубное веселие тоже получилось на костях.

Такова горицкая трагедия и, может быть, корнями своими она уходит во времена Ивана Грозного. Трагична судьба основательницы монастыря княгини Евфросиньи Старицкой. В 1544 году на вклад семьи Старицких здесь был сооружен каменный Воскресенский храм. Князья заботились о душах подданных, о своих собственных душах так же не забывая. Но уже в 1563 году княгиня Евфросинья была насильно по-

стрижена в монашество с именем Евдокия – следствие политических неурядиц той поры. Инокиня Евдокия поселилась в Горицком Воскресенском монастыре, который сама же основала.

Кто-то сказал бы о злой иронии судьбы – сама себе тюрьму построила. Но ведь это скорее Провидение Божие – княгиня, пусть и невольно, загодя позаботилась о спасении своей души. Хотя земную свою жизнь она тем самым не спасла, в 1569 году инокиню – княгиню убили по приказу Ивана Грозного. Здесь её и погребли, а уже в XIX веке над её могилой воздвигли храм.

Господь силен любое зло обернуть во благо. Кто бы сегодня вспомнил об этой княгине, если бы она даже и основала монастырь, но не была бы насильно в нем пострижена и не была бы здесь же убита. А сколько веков здесь молились за душу инокини Евдокии именно потому, что ни как нельзя было забыть её горькую судьбу. Трагедия обернулась духовным благом. А всегда ли мы способны рассмотреть за мрачной пеленой торжествующего зла вечное торжество добра?

Сегодня есть надежда на то, что период смертей и костей в здешних краях уже завершился. В 1996 году началось возобновление Горицкого Воскресенского монастыря – Горицкое воскресение. Сюда вернулись инокини. Сейчас монастырь уже поокреп. Настоятельница, монахиня Евфалия, сама родом из Сокола, а до Гориц 16 лет подвизалась на Украине, в Красногорском монастыре. Кроме неё здесь восемь послуш-

ниц. Недавно в монастырь был назначен постоянный духовник. Восстановлен сестринский корпус, который уже сейчас может принять до 20-ти сестер (Когда-то в этой обители жило 400 инокинь) Обустроивается монастырское хозяйство: скотный двор, огород. Передана монастырю Введенская церковь, та что на берегу, за монастырской стеной. Её построили в 1861 году специально для мирян, потому что считали нежелательным присутствие мужчин на Богослужениях в женском монастыре, а сейчас это единственный монастырский храм.

С храмами собственно монастырскими всё не просто. К реставрации древнего Воскресенского собора пока ещё не удалось приступить, это работа огромная. В Троицком храме всё ещё совершаются светские действия ни мало не напоминающие Богослужения. Но есть надежда на то, что в недалеком будущем за монастырской стеной окажется уже клуб, а не действующий храм.

Ждут восстановления не только и не столько храмы. Монастыри всегда служили миру тем, что помогали в реставрации душ человеческих. А сегодня местные жители очень редко посещают Богослужения. И причины этого ни каких особых разъяснений не требуют. Между тем, село Горицы стало расти именно благодаря возникновению монастыря (Впервые оно упоминается в письменных источниках под названием Древняя Гора в XVIв.) Монастырь родил село и исчез. Не по своей воле. Теперь монастырь вернулся. Вернется

ли село к своему родителю? Осознает ли его, как духовного наставника?

В материальном мире есть вещи явно необратимые. Рыбинское водохранилище никогда не станет прежней рекой Шексной. В духовном мире тоже могут быть необратимые процессы, но здесь сложнее делать прогнозы. Перестанет ли река Шексна быть «рекой вавилонской» – символом духовного изгнания? Будем надеяться.

Сокровенная Маура

Пресвятая Богородица в видении показала преподобному Кириллу место, где он должен поселиться. Святой искал это место в пределах Белозерских и узнал его с высоты горы Мауры, что близ Гориц. И сама гора Маура почитается с тех пор святою.

Из Гориц я пошёл до Мауры лесом, не сомневаясь, что без труда её найду. Конечно, любой лес для горожанина в своём роде «стог сена», но ведь гора-то не «иголка». С.П. Шевырев, посетивший эти благословенные места в 1847 году, писал: «Вершина горы совершенно открыта». Так я и представлял себе Мауру: высокую, открытую, с виднеющимися издали высоким поклонным крестом на вершине.

Но, преодолев уже изрядное расстояние, я начал сильно недоумевать. Горки и пригорки здесь сплошные, а вот гора все никак не обреталась. Кругом виднелся сплошной ельник, растущий то повыше, то пониже и некому было задать во-

прос посреди леса. Уже миновав телевышку, я вынужден был к ней вернуться, полагая, что рядом есть люди. Таковы ориентиры современного человека: святыню он не видит в упор, а вот телевышка (символ расцерковленного бытия) вынуждает к ней приблизиться.

Расчет мои оправдались, у подножия телеиглы я встретил людей. «Так вот же она, Маура», – сказали мне. Я смотрел и по-прежнему не видел перед собой ничего, кроме стены ельника. Вот уже воистину: есть у них глаза, а не видят.

На вершину горы вела просека, ранее мною не замеченная. Подъем крут, но не столь уж продолжителен. Вот уже ровная поляна. По-прежнему не ощущаю того, что нахожусь на горе – сплошной лес закрывает дали. Такая же поляна могла быть и в низине.

Вот уж поклонный крест, рядом с ним – большой камень, встав на который преподобный Кирилл увидел «место обетованное». Сегодня с этого камня было бы ровным счетом ничего не увидеть, если бы не ещё одна просека, очевидно, специально прорубленная, чтобы открыть вид на Кирилло-Белозерский монастырь. Там где он ныне стоит, раньше был сплошной бор, а вот вершина торы, напротив была открыта. Почему так происходит? Меняемся мы, меняется природа вокруг нас. Закрытое открывается, открытое закрывается.

И все-таки камень преподобного там же, где и шесть веков назад. За столетия изменилось лицо земли, а он стоит здесь, по-прежнему открытый всем взглядам. Господь не ли-

шил нас святыни. И отпечаток стопы преподобного по-прежнему хорошо виден.

В 90-е годы воинствующие безбожники пытались уничтожить след святого, но им это не удалось. Тоже удивительный факт. Усердия богоборцам было не занимать, а сбить с камня след, казалось бы, не столь уж сложно. А вот не получилось.

Местное предание повествует о том, что на этот валун прилетал ангел. Легко и охотно этому верю. Думаю, за столетия здесь жило не мало людей, способных ощутить ангельское присутствие. Может быть, это ангел-хранитель святыни, попечением которого камень сохранился до наших времен?

«Сказ о преподобном Кирилле Белозерском» так же отразил местное предание: «На поляне, где остановились Кирилл и Ферапонт, камень серый, могучий, как столп, возвышался... Камень под преподобным Кириллом как бы вздохнул тяжело и ушёл в землю».

Видимо, и правда камень раньше был значительно выше, но, скорее не он ушел в землю, а сама земля поднялась, любовно обняв святыню.

Покидая Мауру, я думаю о нашем времени. Что с нами стало? Мы смотрим и не видим, видим и не чувствуем, чувствуем, но совсем не то. Лес вокруг. Обычный русский лес.

Дело души

Природу здесь красивой не назовешь – болотистая низи-

на. И речка Сора похожа больше на болото. Место, которое избрал преподобный Нил для своего скита «было дико, мрачно, пустынно». Оно и сейчас такое: «Мхи великие и непроходимые». Глаза здесь томятся, а не отдыхают. Сам преподобный Нил писал: «Нашел благодатию Божией место по мыслям моим малодоступное для мирских людей».

Так часто бывало: святые пустынники хоронились от людей, искали ради этого места малодоступные, но люди всё равно стекались к ним, кто для подражания иноческим подвигам, кто ради молитв. А сегодня в бывшей Нило-Сорской пустыни – интернат для неизлечимых душевнобольных. Подбирая места для подобных заведений так же всегда исходили из соображений малодоступности, чтобы зрелище массового безумия нормальным людям не мозолило глаза и не терзало душу. Сегодня пустынь действительно «стоит с краю», сюда даже рейсовый транспорт не ходит, но, желая спрятать сумасшедший дом, достигли эффекта прямо обратного, выставив его на довольно широкое обозрение. Имя преподобного Нила известно всему православному миру, ради того, чтобы увидеть места его иноческих подвигов, сюда притекает немало людей, включая иностранцев.

Как современному человеку понять величие духовного подвига преподобного Нила? Глядя на святую через призму душевных болезней поневоле вспомнишь про идеал духовного здоровья, который воодушевлял православных подвижников. Говоря языком нашего времени, преподобный

был гениальным психоаналитиком и уникальным психотерапевтом. Как и любой православный святой, он решил прежде всего исцелить себя. Для нас это очень поучительно, ведь нам известно не мало специалистов по извлечению «сориннок» из чужих глаз, не способных из собственного мудрого oka извлечь даже «бревно».

А чтобы из душ людских извлекать инородные предметы, надо очень хорошо ориентироваться на пространстве человеческой души, начиная со своей собственной. Про преподобного Нила говорили, что он «разложил дело души на самые мелкие сокровенные части». В своих сочинениях преподобный писал о «мысленном делании», о непрерывном внимании к каждому малейшему движению своей души, что необходимо для избавления от греховных страстей, разрушающих душу. Это путь постоянного созерцания, богомыслия, сердечной молитвы, внутренней беседы с Богом.

Основа этого «психотерапевтического метода» в понимании того, что если Господь не лечит, напрасно трудится врач. Прп. Нил учил тому, что надо делать, как надо трудиться, чтобы «попасть на прием» к Врачу Истинному. Мирянину, тем более современному, это очень трудно понять. Духовная наука «умного делания» – сокровенный иноческий путь. Его не изучить по книгам, его не понять со стороны. Мирское толкование этого пути всегда в определенной степени профанация. Мы можем лишь изучать внешнее устройство монашеской жизни, понимая, что всё внешнее тут не цель, а

набор средств.

Монашеский постриг он принял в Кирилло-Белозерском монастыре, а после 1475 года ушёл в Грецию на Святую Гору Афон, путешествовал по «странам Цареграда», изучал и проходил иноческую науку. Предметом его внимания были древние скитские уставы, он скопил обширные знания о скитах Египта, Палестины, Афона. Вернувшись на Русь, он поселился на речке Соре, где около 1485 года основал первый в России скит и написал свой «устав скитского жития», дошедший до нашего времени.

Скит – нечто среднее между отшельничеством и общежительным монашеским житьем, которое нам более известно. В лесу на Соре стояли избышки – кельи, в каждой из которых жил один инок. Кельи были поставлены не скопом, а так, чтобы из окна одной из них можно было увидеть одну другую. День и ночь скитские иноки проводили в непрестанной молитве. Покидая свои кельи только четыре раза в неделю, дважды в неделю собираясь на службу в храме. На специально насыпанном холме стояли три храма. Сами кельи стояли практически на болоте, от них к храмам были проложены мостки.

Женщинам входить в скит запрещалось. Общей трапезы иноки не устраивали, каждый пек хлеб и питался отдельно, но заботу о материальной стороне жизни всех скитских иноков брал на себя строитель (руководитель) скита, всё необходимое для жизни монахи получали из общей скитской каз-

ны. Сам Нил, судя по всему, был не строителем, а старцем, то есть отвечал только за духовную сторону жизни братии.

Это удивительное скитское житие для большинства иноков ближайших к нам столетий стало уже «бременем неудобноносимым». В 30-е годы XIX века пустынь преобразовали в общежительный монастырь. В переоборудованных помещениях этого монастыря и живут сегодня душевнобольные, их здесь более двухсот человек. Там, где процветало «умное делание», ныне- обитель безумия.

В жизни нет ничего случайного. В чем загадка судьбы этого святого места? (О разгадке и спрашивать неразумно.) Почему лечебница душ стала приютом для неизлечимых душевнобольных?

Всякая личность абсолютно уникальна, души человеческие неизмеримо глубоки. Так глубоки, что даже самых близких людей, да и самих себя мы не всегда способны понять. Тем более сложно понять людей, лишенных обычного человеческого рассудка, они живут в мире, который не подчиняется традиционной логике. Кто их знает, что у них на уме, если у них и ума-то в нашем понимании нет. Вот только «Свято место не пустует». Что у них на месте обычного ума?

История христианства знает не мало святых юродивых, блаженных. В наше время их точно упрятали бы в сумасшедший дом. Даже их православные современники не всегда были способны понять, что у юродивых дышит Дух Божий на том месте, где у других людей заурядно пребывает челове-

ский рассудок. А у других душевнобольных на месте рассудка мрак, природу которого тоже не всегда легко определить.

Кто-нибудь может поручиться, что сегодня в Нило-Сорской пустыни среди больных нет ни одного юродивого, Божьего человека? Может быть, это и есть загадка святого места?

На Соре по-прежнему «мхи непроходимые».

Высокие фрески

Житие при. Ферапонта Белозерского начинается очень неожиданно: «Красоты этого мира, тленные и преходящие, умеют привлекать чувства любящих их и этой малой сладостью колебать чувства возжелавших их, воспарять ум их страстями и заставлять не только презирать обещанные блага, но и отвращаться – увы! – от самого Творца истинной жизни, предпочитая эти настоящие блага будущим и добровольно принимая лютую и бесконечную смерть».

Какая страшная роль приписывается «красотам этого мира» – отвратить от Творца и доводить до лютой и бесконечной смерти. Кажется, это всё-таки перегиб, какие порою случаются по ходу ожесточенной полемики. Но с кем же полемизирует ферапонтовский инок, автор жития? Из текста жития совершенно непонятно, почему житие начинается с этой гневной тирады.

Впрочем, кто из нас, приезжая в Ферапонтово, первым делом не восклицал: «Господи, до чего же красиво». Ка-

кой чудный вид открывается на Бородаевское озеро от монастырских ворот. И сам монастырь, как игрушечка – чистенький, ухоженный, очень красивый. Здесь нет терзающих душу руин и «мерзости запустения». Жаль только, что монастыря здесь как раз и нет. Это музей. Но это всё же лучше, чем руины. И не было бы в наших восторгах по поводу местных красот решительно ни чего плохого, если бы это первое впечатление не оставалось так же и последним, то есть единственным. Сколько людей уезжают из Ферапонтова, не имея ни каких впечатлений, кроме как от внешней, легко ощутимой красоты.

Очевидно, не мы первые так смотрим и чувствуем. Автору жития тоже, наверное, не раз приходилось сталкиваться с восторгами по поводу местных красот. И, может быть, постепенно у него накопилась обида: «Да вы же самого главного здесь не увидели. Вам красота глаза закрыла, и вы не ощутили незримой святости этих мест». Отсюда такой «натиск на красоту», который в другом случае был бы не нужен и неуместен.

А ведь судьба ферапонтовских фресок – это тоже на тему о красоте. Кого они сегодня привлекают, кроме, разумеется, праздных зевак? Ну конечно же, «подлинных ценителей красоты», то есть людей, которые «тонко чувствуют искусство» и способны по достоинству оценить уникальные эстетические ценности. И это восхищение красотой фресок совершенно закрывает от людей святость места. Автор жития

прп. Ферапонта, писавший в середине XVI века, не мог, конечно, знать, какую роль сыграют фрески Дионисия в судьбе монастыря, но он как будто предвидел, что здесь восторжествуют «ценители красоты», ни чего не желающие знать о святости.

Мне повезло, в тот день, когда я приехал в Ферапонтово, собор был открыт, и фрески великого Дионисия доступны для обозрения, к чему и приступил. Обозрение уникальных художественных ценностей должно быть спокойным, неторопливым и по-своему деловитым, на такой лад я себя и настроил. И вот через некоторое время я почувствовал, что у меня начинает болеть шея. Значительная часть фресок – довольно высоко, а ведь надо ещё и те рассмотреть, которые на потолке, так что ходишь в основном с задранной головой. Чувствовалось в этом некое противоречие с авторским замыслом.

В картинной галерее шея никогда не болит, потому что ни кто ведь не станет вывешивать картины на потолке. И в храме во время богослужения частенько ноют ноги, но чтобы – шея – не припомню. Русские храмы расписывали православные изографы, которые хорошо понимали: хочешь молиться – не мучай шею. Во время Богослужения в храме не стоит вертеть головой. Почему же так изумительно расписаны такие труднодоступные для взгляда части храма? Может

быть они делали это даже и не для богомольцев – для Бога. Пусть люди во время службы не увидят высоких фресок, но Господь увидит усердие благочестивых изографов, имевших одно стремление – потрудиться во славу Божию. Это было их Бого-служение.

И вдруг я чувствую всем сердцем, всей душой, что эти фрески воистину гениальны. Тут совершенно неуместно говорить про «высокое мастерство» или «глубокий психологизм», про «цветовые решения» или «композиционные находки». Эти фрески вообще имеют очень слабое отношение к эстетическим ценностям. Они обладают потрясающей духовной ценностью. Дионисий изображал то, что невозможно изобразить – мир невидимый святости. Смотрю на лик святителя Николая и мне кажется, что я узнал о нем больше, чем из жития. Вокруг меня лики людей, сумевших душою приблизиться к Богу. Со всех сторон на меня смотрят такие чистые души, что, кажется, меня на полчаса пустили в Царство Небесное. Как это вообще возможно, открыть для людей содержание души, преображенной благодатию Божией? Воистину, Дионисий творил в соавторстве с Господом.

Становится понятно, что эпитеты «великий», «гениальный» по отношению к Дионисию звучат какими-то придуманными и фальшивыми. Это совсем о другом. Дионисия хочется назвать святым, потому что в мире святости он явно не был чужим. Что же видят здесь утонченные эстеты, вообще не верящие в существование того мира? Ну, наверное,

вот тот самый «глубокий психологизм».

Кем был иконограф Дионисий? Каким он был? Мы почти ничего про него не знаем. Нам неизвестно, где и когда он родился, когда умер и где погребен. Мы знаем только, что уже в 1470-х годах он считался самым знаменитым среди русских иконографов. И мы вполне можем судить о том, как он понимал свой труд, своё служение.

Преподобный Иосиф Волоцкий написал послание к иконописцу, в адресате которого предполагают Дионисия: «Главное в иконах – их Божественный смысл, он отражают истинную, духовную, а не материальную реальность». Что же можно увидеть, если смотреть на фрески Дионисия, как на отражение современного ему материального мира? Ничего таким образом увидеть нельзя. Можно только измучить свою вполне материальную шею.

Сама история создания фресок Дионисия произошла, можно сказать, в мире святости. Жил тогда в Ферапентовом монастыре на покое архиепископ Иоасаф (Оболенский). В 1489 году владыка Иоасаф неожиданно оставил Ростовскую кафедру и удалился в Ферапонтово. Это был человек высокой духовной жизни, он был лично знаком с прп. Нилом Сорским и обсуждал с ним богословские вопросы. Тогда же жил здесь блаженный Галактион, святой человек, юродивый. И вот однажды случился в монастыре пожар. Владыка Иоасаф с большой скорбью смотрел, как горит его келья, а блаженный Галактион стал его укорять: «Бога прогневаешь, скор-

бя». Тогда владыка сознался, что в келье у него – «сокровище некое, монастырского ради строения», то есть не о своём душа болела, а о том, что храм Божий не на что будет воздвигнуть. Узнав об этом, блаженный, перекрестившись, бросился в бушующее пламя и спас «сокровище», вернувшись невредимым. На эти средства и был построен собор Рождества Богородицы. Вскоре архиепископ Иоасаф пригласил в монастырь Дионисия для того, чтобы собор расписать.

Дионисий, конечно, был знаком с богомудрым архиепископом, и с блаженным, который бросился в огонь ради создания этого собора и этих фресок. Все трое каждый по-своему совершали предначертанное им Бого-служение.

А теперь представьте себе, что некий голос шепнул бы архиепископу: «Ты решил пригласить Дионисия для того, что бы он расписал собор, построенный твоим попечением, Сей Дионисий создаст чудные фрески. Пройдут века и люди будут эти фрески очень высоко ценить. Но ради их сохранности люди запретят совершать Богослужение в этом соборе». Владыка, узнав об этом, наверное, горько плакал бы и, наверное, решил бы: «Пусть лучше стоит собор без фресок, но пусть, пока он стоит, в нем совершается чудо Божественной Литургии».

А сам Дионисий согласился бы работать, зная, что его труды воспрепятствуют Богослужению в храме? Он ведь ради Богослужения и трудился. Он, должно быть, не задумываясь, собственной рукой уничтожил бы фрески, если бы знал,

что из-за них храм перестанет быть храмом, превратившись в какой-то непонятный «музей».

Представьте себе, что Дионисий читает слова, написанные – современным искусствоведом: «Рождество-Богородицкий собор должен оставаться музеем. Только так можно спасти фрески». Интересно, наши искусствоведы когда-нибудь пытались реконструировать «волю автора» фресок? Для них имеет значение, какими глазами сам Дионисий посмотрел бы на «музей фресок Дионисия»? Верующих легко объявить дикарями, для которых «средневековые суеверия» дороже, чем «сокровища культуры», но вот ведь какая нестыковка: в число этих «дикарей» бесспорно попадает и сам Дионисий, к имени которого в музее столь трепетно относятся.

Конечно, всё не просто. Ваш покорный слуга ни к чему не призывает, но лишь предлагает задуматься над тем неразрешимым противоречием, которым всё здесь пронизано. Православные должны быть очень благодарны реставраторам и музейным работникам за то, что они сохранили для нас чудо фресок Дионисия – чудо русской святости. И если бы этот храм передать Церкви, то очевидно, что и Церковь не рискнула бы возобновить здесь Богослужение, чтобы не погубить фрески. Богослужение можно совершать в тысячах храмов, а таких фресок нигде в мире больше нет.

В чем же тогда вопрос? Да вот ходишь по собору и как-то очень глубоко переживаешь то, что это бывший собор. Нет алтарной перегородки, нет подсвечников и, кроме фресок,

нет ни одной иконы. Всюду музейная стерильность, не свойственная действующим храмам, потому что храмы строили для жизни, а не для эстетических восторгов. Православного человека не может радовать то, что храм используется не по назначению. Хотя ни один вменяемый православный не станет настаивать на возобновлении в этом храме богослужения. В рамках современного мышления снять это противоречие невозможно.

Фрески здесь всё собой закрыли. Вот решил я написать о Ферапонтове, да так ни слова и не сказал ни о прп. Ферапонте, ни о преподобном Мартиниане. Ну не смешно ли? Ведь если бы не они, так и ничего бы тут не было. Мы не должны об этом забывать.

Осмотрев фрески, я спросил у смотрительницы музея, можно ли приложиться к мощам преподобного Мартиниана? Эта просьба была встречена с уважительным пониманием, меня проводили в Мартинианов храм. Прп. Мартиниан был учеником прп. Кирилла Белозерского, он стал игуменом этой обители вскоре после прп. Ферапонта. Сам монастырь какое-то время назывался не Ферапонтов, а Мартинианов.

Сколько в Ферапонтове красоты? Природа, фрески... А припадая к мощам преподобного, так хочется прикоснуться к неземной красоте его светлой души. Не есть ли святость – самая высокая на земле красота? Преподобне отче Марти-

ниане, моли Бога о нас.

Никольская глубинка

Казанский храм. Рождение.

Впервые побывав в Никольске и увидев храм во имя Казанской иконы Божьей Матери я был поражен до глубины души. Трудно было ожидать, что здесь, в глубинке, вдали от крупных городов, можно увидеть такой огромный, величественный храм, но он поражал в первую очередь даже не размерами, а тем, что являл собой прекрасный образец византийского стиля, воскрешая в памяти Константинопольскую Софию. Теперь я могу твердо сказать, что ни где на необъятных просторах Вологодской епархии из сотен храмов второго такого нет. У нас не строили в византийском стиле, только здесь, в Никольске есть один образец древнего православного величия. А между тем, храм этот был достроен в 1905 году. Он, очевидно, один из последних, если не самый последний храм, построенный на Вологодчине до революции. И это заставляет во многом по-новому посмотреть на духовную историю России.

Известно, что главная причина революционного безумия была отнюдь не в экономике, которая тогда была как раз на подъеме. Народ пошёл за богоборцами вовсе не потому, что его бедствия сверх обычного обострилось, не так уж плохо тогда жили. Дело в том, что, заметно охладев к вере предков, народ относительно легко принял безбожную власть. Глав-

ная причина революции была духовная. Это было естественное завершение того процесса духовного оскудения, который начал у нас развиваться с XVII века. Православие стало подвергаться у нас страшным искажениям, русские люди постепенно переставали чувствовать вкус православия. Отсюда и забвение древней иконописи, которую начали подменять чудовищными образцами псевдорелигиозной живописи, отсюда и совершенно нецерковная архитектура самих храмов, построенных людьми уже не понимавшими, что дом Божий невозможно строить в барочном стиле. Всё это были признаки утраты целостного православного мировосприятия, что и привело в конечном итоге к крушению православного царства.

Всё так, но всё оказывается сложнее. Похоже, что в начале XX века в России начался не только экономический, но и духовный подъем. Русь уже понемногу стала выбираться из мрачного духовного провала, в русских душах уже начался процесс реставрации целостного православного мировосприятия. Тогда канонизировали преп. Серафима, тогда поставили вопрос о возобновлении патриаршества, тогда открыли ценность древней иконописи и многое другое, а кроме прочего, построили в Никольске византийский храм. А ведь чтобы по-византийски строить, надо по-византийски думать, чувствовать, дышать. Этот храм - замечательный памятник русского православного возрождения конца XIX – начала XX века.

Получается, что большевики подкосили Русь в самый момент духовного подъема, который не успел ещё в полной мере состояться. Торопились. Им надо было торопиться, чтобы не позволить вернуться великим идеалам святой Руси.

Мы часто говорим о предреволюционном оскудении веры, о том, как ни во что не верящие мужички разрушали храмы. Это было, но было не только это. Давайте вспомним о том, как наши мужички созидали храмы как раз накануне революции. История строительства Казанского храма Никольска очень трогательна во всех своих незначительных деталях.

Настоятель никольского Сретенского собора протоиерей Александр Замараев в 1890 году сообщил землякам о решении построить в Никольске новую каменную церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери «на средства исключительно добровольных пожертвований от прихожан». Строить решили без богатых благодетелей, только на народные копейки, потому и строили 15 лет.

Основание храму было положено 20 июля 1891 года. Уже через три месяца состоялось освящение святых престолов, их было в новой церкви три. При этом Никольское церковно-приходское попечительство обратилось к местным торговцам с «нижайшей просьбой» закрыть в день освящения престолов «все торговые, промышленные заведения». Этот день они понимали, как всенародный праздник, от которого

ничто не должно отвлекать, и который ничто не должно испортить.

Сбор средств на строительство проходил через кружечный сбор в Сретенском соборе и на рынке, по подписке, через рассылку частных писем купцам. Организатором работ стало церковно-приходское попечительство, куда избирались самые уважаемые люди, известные своей порядочностью, деловитостью и крепкой верой.

Строительством руководил младший архитектор Вологодского губернского правления П. А. Федоров. Он лично следил за работами, вникая во все детали, например, чтобы воду для раствора брали только проточную, из реки. Неукоснительное соблюдение всех технологий принесло свои плоды – здание хорошо сохранилось до наших дней.

Каждый рабочий день на строительстве предваряла молитва, каждому новому виду работ предшествовал молебен. Работы шли хорошо, к 24 августа 1891 года закончили фундамент, но к 1893 году средства истощились. Отец Александр Замараев вновь обратился к землякам: «В нашем благом и святом предприятии одна теперь надежда на милостивых благотворителей вне нашего соборного прихода...»

Крупных благотворителей, судя по всему, так и не появилось, но и донныне известны имена сотни жертвователей, дававших, кто сколько мог – никольских крестьян, мещан, купцов. Большинство жертвователей, впрочем, пожелали остаться безвестными. Деньги на строительство храма

стекались в конечном итоге не малые, только в 1892 году было израсходовано 1174 рубля (Корова стоила тогда 6 рублей).

Строительство храма вела артель нижегородского крестьянина Ивана Строева. При заключении договора Строева обязали представить ручательство от крестьянской общины его родной деревни в том, что его знают, как мастера своего дела, который работает на совесть.

Кирпич для стройки делали из местных глин очень хорошего качества. Тогда крестьяне Никольского уезда имели небольшие частные кирпичные производства, некоторые из них жертвовали на строительство храма по несколько десятков тысяч кирпичей.

Известь на стройку возили крестьяне Аргуновской волости Андрей и Макар Шиловы. Каменный пол в храме настилал вятич Александр Шемякин. Крышу окрасил великоустюгский мещанин Илья Буровкин. Деревянный иконостас выполнил резных дел мастер Михаил Дмитриев. Одежду престола сделал крестьянин Кологривского уезда Дмитрий Воронцов.

Кажется очень важным назвать их имена даже не для того, чтобы они обязательно вошли в историю, а для того, чтобы мы сейчас могли почувствовать сколько конкретных реальных людей вложили в строительство храма свой труд и свою душу, чтобы мы ощутили – близких «народных масс» не существует, народ состоит из людей с именами.

Постепенно строительство храма двигалось к заверше-

нию, в 1998 году был объявлен особый сбор на позолоту шара на крест колокольни. В начале века стали собирать средства на написание икон. Иконостас заказали в Москве в 1904 году иконописной артели И.М. Челякова. Иконостас был полностью готов к марту 1906 года, а Богослужения в храме начались уже в 1905 году.

Этот храм – произведение народной души. В его создании приняло участие огромное количество людей, и ни один из этих людей не мог принимать участия в осквернении и разрушении храмов, которое вскоре последовало.

Казанский храм. Возрождение.

О страданиях русских храмов в XX веке можно говорить так же, как и о страданиях русских людей. У каждого своя судьба, у каждого своё «хождение по мукам». Казанский храм был закрыт так же, как и подавляющее большинство русских храмов, но вот уже в 1956 году священник Иоанн Воронин начал хлопотать об открытии Казанского храма. Кажется, отец Иоанн был очень смелым и решительным человеком, если в годы хрущевских гонений, когда православные не знали, как сохранить за собой немногие оставшиеся действующие храмы, он решал начать обратный процесс и попросил вернуть верующим храм. Тогда все прекрасно понимали, что некоторое послабление, которое Церковь получила в последнее десятилетие сталинского периода, закончилось и борьба с православием возобновилась, иными сред-

ствами, но с той же непримиримостью. Что же позволило отцу Иоанну предпринять эту попытку, входящую в столь явное противоречие с «центральной линией партии»? Вне всякого сомнения – народная поддержка. Батюшка знал, что его поддерживает большое количество земляков, в душах которых веру не удалось убить. «Сильны мы мнением народным».

Разумеется, эта просьба в те годы не могла быть удовлетворена, и всё-таки в реакции власти чувствовалось слабость. Ни кто отцу Иоанну в лицо не рассмеялся и от просьбы его отнюдь не отмахнулись. Могли ведь просто наложить резолюцию «отказать», а могли и того проще – порвать заявление. Жаловаться на подобные действия в те годы было бы не кому. Власть обязательно так и поступила бы, если бы чувствовала, что за её спиной стоит народ, но власть хорошо чувствовала обратное – народ в этой ситуации не на её стороне. И советские чиновники начинают изворачиваться, придумывать искусственные поводы для отказа. Они спешно стали решать вопрос, чем занять здание храма, пустующее уже 17 лет. Ни одному из местных предприятий его не удалось навязать. Огромное здание в хорошем состоянии, годное, как минимум, – для использования под склад, ни один руководитель не захотел взять бесплатно. Тогда решили организовать в храме мельницу, так же ни кому не нужную – молот было нечего.

История эта продолжилась весной 1989 года, во время

очередного «послабления» по отношению к Церкви. Верующие из деревни Кожаево обратились к местной власти с просьбой зарегистрировать православную общину и передать ей Казанский храм. Общину зарегистрировали, но с передачей храма сразу же возникли проблемы. Лукавые коммунисты – перестройщики одной рукой разрешали, не забывая другой рукой вставлять палки в колеса. Православным пытались навязать вместо Казанского храма Никольска старую Георгиевскую церковь возле деревни Иваново, вдали от дороги. Слишком уж большим и заметным был Казанский храм, такого явного для всех возрождения православия советская власть пыталась избежать. И всё-таки длительные хлопоты привели к тому, что 26 января 1990 года общине был передан именно Казанский храм – равно через сто лет после начала его постройки.

Ещё осенью 1989 года в Никольск приехал иеромонах Ефрем (Виноградов), назначенный настоятелем общины. Отец Ефрем – яркая и весьма примечательная личность. Коренной москвич с дипломами МГПИ и МГУ, позднее он закончил Московскую духовную семинарию и решил служить Богу в русской глубинке, там, где более всего нужны были тогда священники. Условия службы были здесь очень непривычны для столичного жителя. Поначалу не только служить, но и жить было негде. Сняли избу в Кожаево, в ней молебствовали, здесь и обитали. Тем временем общине предали Казанский храм, где сразу же начались восстановительные работы. Бо-

гослужения в Казанском храме возобновились осенью 1990 года.

Позднее отец Ефрем вспоминал, что чувствовал себя в Никольске востребованным, очень привязался к людям и даже мысли не имел покидать здешние края, поэтому, когда архиепископ Михаил сообщил ему о назначении наместником возрождаемого Спасо-Прилуцкого монастыря, это вызвало в его душе протест. Архиерейской воле пришлось подчиниться, отец Ефрем уехал в Вологду, а в истории Казанского храма Никольска открылась новая страница.

Отец Сергей Колчеев

С. Ю. Колчеев приехал в Никольск вместе с иеромонахом Ефремом в качестве друга и помощника. Он, так же как и его друг, коренной москвич, выпускник престижного ВГИКа, работал на «Мосфильме» художником-постановщиком. Потом поступил в МГУ на факультет журналистики, готовился к работе на зарубежном радиовещании, что так же было по тем временам весьма престижно. В детстве он вместе с отцом, офицером, долго жил под Берлином, в Потсдаме, и довольно чисто говорил по-немецки. Карьера перед ним открывалась самая блестящая, и вдруг он неожиданно ушёл с пятого курса. Он рассказывал, что его испугала грядущая необходимость ежедневно и неутомимо врать. Сергей Юрьевич оставил тот глянцево-столичный мир, куда и доныне многие рвутся, и уехал в глухомань, откуда и доныне многие пы-

таются сбежать.

Судьбы русской интеллигенции удивительны. Именно наша интеллигенция – главный виновник революции и разрушения храмов. Умники, воодушевленные либеральными идеями, устраивали «хождения в народ», якобы для того, чтобы «просвещать темные крестьянские массы», на самом же деле они, сколько могли, убивали душу народа, разрушали православные основы русской жизни. И вот начался обратный процесс: блестящие столичные интеллектуалы поехали в сельскую глубинку для того, чтобы восстанавливать храмы и просвещать народ светом православия.

Отец Сергия вспоминал: «Я не собирался принимать священный сан, хотел быть иконописцем. Но владыка позвал меня и сказал, что вопрос о моем рукоположении решен, а иконы я и, будучи священником, смогу писать».

Для творческого человека почти невыносимо делать не то, что он считает нужным, а то, что от него требуют, но он смирил себя и стал священником, можно сказать, за послушание. И возрождение Никольского храма Казанской Божьей Матери теперь навсегда останется связанным с именем протоиерея Сергия Колчеева.

Приехав в Никольск в 1993 году, я решил встретиться с местным священником, пришел к нему вечером, но его не было дома, мне предложили подождать. Отец Сергей по-

явился уже около 9 часов, я извинился за поздний визит, а он сказал:

– Хорошо, что вы пришли поздно, днем совершенно нет времени.

– А говорят, что сельские священники по сравнению с городскими не так уж сильно загружены.

В ответ он просто улыбнулся. Труды по реставрации Казанского храма и труды по воцерковлению никольчан – не единственные, легшие на его плечи. Он совершает Богослужение в селе Дунилово, где 12 июля 1993 года совершена первая за 60 лет Божественная Литургия, служит в Аргунове, где так же создана православная община и реставрируется храм. Ездит в Кич.-Городок служить в храме Александра Невского, единственном на весь район, а священника в районе тогда не было ни одного. Постоянно ходит по людям – причащает, исповедует, соборует, крестит. А есть ещё воскресная школа, где постоянно проходят занятия.

– Хорошо, что здесь много работы и времени на всевозможные споры и диспуты не остается, – говорит о. Сергей. – Работа для души спасительнее, чем диспуты. Священник должен постоянно проповедовать и исповедовать, меньше думать о себе. В городе слишком много собственного «я», здесь же оно растворяется в непрестанных делах.

– Вам, москвичу, не тяжело жить на селе?

– Конечно, вживаться было нелегко, это ведь совершенно другой мир по сравнению с тем, в котором я вырос. Сначала

у меня было впечатление, что вернулся на 20 лет назад, настолько иные в здешних краях отношения между людьми. В любую деревню заходишь, как к родным. На многих дверях замков нет. И в Никольске – идешь по улице – все предлагают зайти. На весь Никольск – несколько десятков фамилий, люди живут, как родственники, народ здесь удивительный, в большинстве своём сохранивший прежние основы жизни.

Да, ему было чему поучиться у никольчан, им тоже было чему у него поучиться. А для меня встреча с отцом Сергием стала настоящим событием, одной из тех удивительных встреч, каких у любого человека за всю жизнь наберется лишь несколько. Тогда мы просидели с ним в здании воскресной школы до полуночи, довольно быстро задав все стандартные журналистские вопросы, я перешёл к вопросам личным. Моё воцерковление тогда лишь начиналось, многое в православии было непонятным, во всем хотелось разобраться. Неофитские вопросы всегда очень глупые, отец Сергей отвечал на них не просто с большим терпением, но с удивительной внутренней заинтересованностью, как если бы я спрашивал о самом важном в его жизни, да так ведь и было. И перед ним сидел уже не журналист, а просто человек, жаждущий слова истины. И он до крайности изможденный тяжелым рабочим днем, с радостью подарил мне несколько часов своей ночи. А мне казалось тогда, что передо мной открылись невероятные глубины мудрости, о существовании которых я даже не подозревал. Да ведь мне это и не каза-

лось. Это была неисчерпаемая глубина православия, к которой позволили мне прикоснуться его спокойные, доброжелательные слова. Я понимал, что передо мной человек, по сравнению с которым я вообще ничего не понимаю, а он говорил со мной совершенно на равных. Тогда за несколько часов в своём воцерковлении я прошёл больший путь, чем за предыдущие несколько лет. Вот таким и было служение отца Сергия.

Потом я ещё несколько раз приезжал в Никольск и теперь уже сразу шёл к нему. Каждый раз у меня был к нему целый ворох вопросов, на которые глубже и тоньше, чем он, по моему убеждению, никто не смог бы ответить. А порою, просто находясь рядом с ним, я получал ответы на вопросы, которые возникли у меня лишь через много лет.

Как-то я обратил внимание на то, сколько цветов у него высажено вокруг храма. Он улыбнулся:

– Очень люблю цветы. Я вообще по натуре – созерцатель, могу один цветок целый час рассматривать.

Тогда они с детьми из воскресной школы только что вернулись с Соловков, он много там снимал на камеру, вечерами он монтировал отснятый материал, а я с удовольствием сидел рядом – знакомился с Соловками, вникал в тонкости монтажа. Удивительно видеть, как рождается гармония. А вечером перед сном я слушал записанное на диктофон большое интервью, которое о. Сергей взял у настоятеля Соловецкого монастыря. Для меня это был «диалог посвященных»,

которые не задают друг другу вопросов, вроде моих, и понимают друг друга с полуслова.

Уже после кончины отца Сергия в Вологде организовали выставку его картин. А я никогда не видел ни одной его картины, он мне не показывал. И вот несколько его работ меня, далеко уже не того неопита-несмышленища, потрясли до глубины души. Никогда в жизни мне не доводилось видеть такого глубокого художественного осмысления русской истории. И это отнюдь не была «публицистика в красках», какой сейчас навалом, и производители которой недостаток художественного таланта стараются компенсировать тем, что «рисуют мысли», тоже впрочем, не слишком глубокие. А здесь философская глубина была выражена именно художественно. Автор ни чего не пытался доказать, он и показал-то не лишка, при этом ему удалось осмыслить события русской истории на уровне концепции. Это было потрясающе.

Может быть, в другом случае я сказал бы, что в авторе погиб большой русский художник, но про отца Сергия я знаю, что художник в нем не погиб. Он жил и служил Богу, как художник в самом высоком смысле этого слова.

В один из моих приездов мы вместе с ним съездили на некоторые его приходы. Стоим на автостанции, ждем автобуса, я говорю:

—Вы, батюшка, по всему району постоянно мотаетесь, вам бы хоть какую-нибудь старенькую самую недорогую машину.

Совсем денег нет?

– Да нашел бы приход денег на старую машину. Но вот видишь люди стоят, автобуса ждут. А теперь представь себе, что я сейчас просвистел бы мимо них на личном автомобиле. А так я с людьми в одном котле варюсь. Мне это полезно, надеюсь – им тоже. Порою, и на остановке, и в автобусе вопросы задают. Хорошо, когда священник рядом с людьми.

Конечно, можно сказать, что, имея автомобиль, он смог бы объехать в два раза больше людей и принес бы в два раза больше пользы. Но его путь, это был его путь.

Отец Сергей возобновил традицию крестных ходов из Никольска в Дунилово, а это 40 километров. Он никого не агитировал идти с собой, он просто сам шёл и всё. И никто из местных это не поддержал, они, похоже, смотрели на это, как на чудачество. При мне одна церковная старушка сказала ему: «Вы уж, батюшка в этом году всю-то дорогу целиком не идите, хоть половину на машине проедьте». Старушка искренне переживала за батюшку, который, по её суждению без необходимости себя мучал. Он с мягкой улыбкой ответил: «Надо всю дорогу – целиком». А ведь это была местная, никольская традиция, не он её сюда привез.

Знаю, что у него там хватало скорбей и порою ему было очень тяжело по самым различным причинам. Но он всё претерпел до конца. Иные прекраснодушные интеллигенты, следуя за своими возвышенными порывами, переселяются в глубинку, чтобы значит народу послужить, но быстро лома-

ются и бегут обратно, порою даже обвиняя тот самый народ в неблагодарности. А он так и служил в Никольске до конца своих дней. Человек, выросший в Москве и хорошо знавший Берлин, мог выбрать, где жить. Вот он и выбрал, доказав жизнью то, о чем говорил с амвона.

Полюбив Никольский край, он с увлечением занимался краеведением, по крупицам собирая информацию о церковной истории здешних мест. О строительстве Казанского храма мне известно от него. Также и про епископа Иерофея мне известно от отца Сергия.

Путь епископа Иерофея

Преосвященный Иерофей (вмиру – Тимофей Дмитриевич Афонин) в 1924 году был назначен Никольским викарным епископом Великоустюжской и Северо-Двинской епархии. Он ни когда не скрывал своего отрицательного отношения к светской власти, но не пытался с неё бороться и не призывал к этому верующих.

Владыка Иерофей говорил: «Мы платим власти налоги, и дальше пусть она живет, как хочет. Мы не вмешиваемся в дела власти и не допустим вмешательства власти в церковные дела». Казалось, он пытался пройти «золотым путем», не принимая зло, но и не противясь ему: «Эта власть крепка, и нам с нею не справиться, поэтому положимся на Господа, ибо всё – в руках Его». Но для большевиков это уже была «махровая контрреволюция». Владыка наотрез отказался

принять «Декларацию» митрополита Сергия, а тогда даже те архиереи, которые её приняли, отнюдь не могли чувствовать себя в безопасности.

Для власти всего страшнее было то огромное влияние, которое имел владыка на верующих, поэтому для начала большевики попытались подорвать это влияние, оклеветав владыку. Его объявили махновским офицером, который якобы убил настоящего Иерофея и, завладев его документами, готовил в Никольске свержение советской власти. Разумеется, эта клевета не возымела на верующих ни малейшего воздействия и всем стало понятно, что вскоре власть перейдет к более решительным мерам по отношению к никольскому епископу.

В храме ему служить запретили, и вот на Пасху 1929 года владыка пешком пошёл по своим деревенским приходам в сопровождении лишь нескольких помощников. Везде проповедовал и молился вместе с верующими. Его встречали, как пророка, устилая путь цветами и домашними вытканными половиками. Православные в праздничных одеждах рядами выстраивались на его пути и целовали землю, по которой он вступал.

Молились в потаенных местах, потому что местные воинствующие безбожники всё время пытались помешать молитве. На каждый такой тайный молебен где-нибудь в лесу собиралось до тысячи человек. Власть тогда не стала бы терпеть и десятой доли того, что делал епископ Иерофей, и, разуме-

ется, вскоре поступил приказ о его аресте. В приказе говорилось: «Иерофей – враг советской власти, вполне могущий возмутить народ против нас. У него в каждой деревне свои подручные имеются». Да так ведь в общем-то и было.

Арест произвели легко и безо всякого сопротивления со стороны владыки, но, когда его вели по улице, крестьянин деревни Княжева Николай Евгеньевич Глебов разметал шестерых сотрудников ГПУ, подхватил владыку на руки и скрылся с ним в неизвестном направлении.

Тут уж власть отнеслась к поиску и аресту епископа Иерофея более основательно, из Великого Устюга направили десяток сотрудников ГПУ, а из Никольска – конный отряд милиции. Деревню Путилово окружили, перекрыв все дороги и тропинки, поставив посты на расстоянии 50 метров друг от друга, в самой деревне по углам каждого дома было поставлено по коннику, всем жителя приказали сидеть дома, даже женщин до колодца и обратно сопровождал конник с винтовкой. Всю деревню перевернули вверх дном, но владыки здесь уже не было, местные жители вывели его и спрятали в лесу, куда постоянно к нему ходили. Даже находясь в смертельной опасности, владыка для всех находил слова утешения.

Место, где скрывался епископ, выдал его келейник, тогда ещё молодой человек, провисев ночь вверх ногами – не выдержал пытки. Они пошли с милиционером в лес, за ними следовал отряд конницы. По дороге к шалашу им встрети-

лась женщина, которая шла за благословением владыки. Милиционер сказал, что тоже идёт за благословением, но споткнулся о кочку и непристойно выругался. Женщина поняла, что он не богомолец, но тот навел на неё пистолет и велел молча идти дальше. Когда они подошли к шалашу, келейник окликнул владыку и тот вышел. Милиционер прицелился из пистолета, но женщина бросилась на него и помешала выстрелить прицельно. Пуля ранила владыку в голову. Его забрали и повезли в Никольск на повозке, окружив плотным кольцом охраны.

Когда его провозили мимо людей, владыка пытался поднять руку, чтобы их благословить, но его били прикладом по руке. В Никольске на городской пристани оцепленной в три кольца вооруженными милиционерами, епископа погрузили на пароход и отправили в Великий Устюг.

Тогда весь Никольск вышел на берег Юга. Шла светлая неделя Пасхи Христовой 1929 года. Увидев, что везут владыку, люди заволновались, их тут же стали забирать и сажать на пароход, вместивший около 60 человек. На пароходе был вывешен черный флаг, видимо – знак карательной экспедиции. На всем пути до Великого Устюга пароход постоянно гудел, сбегались крестьяне со всех прибрежных деревень, шли, сколько могли, вдоль берега за пароходом и плакали.

Епископ Иерофей скончался через несколько дней в тюремной больнице Великого Устюга. Предание сохранило его посмертные слова, адресованные к келейнику, предавшему

его под пыткой: «Передайте Коле, пусть он придет ко мне на могилу, и я его прощу.». Этот человек каялся всю жизнь, но так и не смог прийти на могилу владыки, потому что никто не знает, где его могила.

После ареста владыки пошли аресты по всему николюскому краю. Первым делом арестовали монашек, которые приняли от него постриг в Казанском храме, их было около трехсот. У верующих проверяли поминальники и если находили в них имя Иерофея – владельцев забирали. Их принуждали отречься от веры, держали сначала в тюрьме, потом отправляли в концлагеря или высылали под надзор, отбирая имущество. Власть называла всё это борьбой с контрреволюционным заговором, во главе которого стоял, якобы, епископ Иерофей. Появилось даже особое словечко «ерофеевщина».

Конечно, никакого политического заговора не было, и ни один николючанин, арестованный за преданность епископу Иерофею, не боролся с советской властью. Людей уничтожали за веру. Ни в чем, кроме веры во Христа, они не были виноваты. Но если учесть, что самую суть революции составляло богоборчество, а всё остальное в революции было второстепенным, тогда конечно «ерофеевщина» была ярким выражением самой настоящей контрреволюции.

Кажется, мы не достаточно представляем себе, насколько сейчас актуальна память о тех далеких событиях. На приме-

ре епископа Иерофея мы убеждаемся в том, как много может сделать один-единственный духовный лидер, ведущий паству за Христом, если люди видят, что сам он всем сердцем предан Христу, и кроме Христа ни какого иного компаса у него в этой жизни нет. Как переполошились силы зла, имея лишь одного беззащитного противника. Целые отряды конницы были брошены на устранение одного лишь архиерея, не имевшего ни оружия, ни охраны. И ни кто из «ерофесвцев» не имел оружия, а сломить их удалось лишь при помощи большой вооруженной силы. Да и не удалось их сломить.

И всё-таки во время знакомства с подробностями тех давних событий, меня не покидало ощущение, что здесь как будто что-то немного не так. Кажется, в отношении николичан к своему архиерею было слишком много нервного перевозбуждения и болезненной экзальтации. Их любовь к владыке с готовностью пострадать ради этой любви достойна преклонения, но целовать землю, по которой он проходил, это уже явно – через край. Похоже, что здесь проявила себя одна черта русского православного народа – влюбчивость. Мы всегда готовы влюбляться в своих батюшек и архиереев, в пламенных проповедников, подвижников, которых готовы при жизни считать святыми. Эта влюбленность имеет порою уже мало общего с любовью во Христе. Самая большая опасность здесь в то, что предмет влюбленности закрывает собою всю Церковь, и мы уже слушаем и слышим только его, а слово других иерархов для нас теряет всякое значе-

ние или даже воспринимается враждебно. Мы забываем, что полнота истины пребывает только в полноте церковной, и ни один человек, даже если он великий подвижник, не может говорить от имени Церкви, потому что никто не застрахован от ошибок.

Конечно, не нам судить святых мучеников и исповедников, которые, не дрогнув, пострадали за Христа. Не известно ещё, как бы мы себя держали, оказавшись на их месте. И духовных облик епископа Иерофея от нас сегодня сокрыт. Трудно сказать, насколько сам он был причиной того, что его почитание со стороны некоторых верующих приобрело черты чрезмерности. И в том, что владыка может быть порою перегибал палку в своём противостоянии советской власти, язык не поворачивается его упрекнуть. В те невероятно сложные времена было почти немислимо избрать безупречную линию поведения. И всё-таки владыка Иерофей совершил одну бесспорную трагическую ошибку. Он сказал своим приближенным, что, когда храмы вновь откроются, ходить в них будет уже нельзя. При всем уважении к владыке, это были слова до крайности безответственные. И эти слова дожили до наших дней, и произвели свою погибельную работу.

Почитание епископа Иерофея никогда не прерывалось на Никольской земле. Отец Сергей рассказывал, что ему не раз доводилось в самых глухих деревнях района видеть в домах фотографию владыки рядом со святыми иконами. Нет причин сомневаться в том, что это проявление самой чистой,

искренней любви во Христе. Но в здешних краях есть бабушки, которые ради памяти о епископе Иерофее отреклись от Церкви. Они считают, что, по слову владыки, в храмы теперь уже нельзя ходить, и священники им не нужны. Они собираются, например, на святом месте под Аргуновым на празднование Тихвинской иконы Божьей Матери, согласно местной традиции, но священника сторонятся, и в чем-либо их убедить совершенно невозможно. «Владыка говорил, что в церковь нельзя будет ходить» и точка. Владыка Иерофей учил любви ко Христу и Церкви Христовой, но изо всего, что он говорил, они запомнили только те слова, которые запоминать как раз не стоило.

Эти бабушки сами катают свечи, вместе молятся, но их вера имеет уже мало общего с православием. Оставшись без духовного руководства, они усвоили себе множество совершенно языческих представлений и обычаев, сами о том не догадываясь. Они вроде бы делают всё это из любви к владыке, но в сердцах людей, которые ушли из Церкви, уже не может быть любви Христовой. Как горько плакал бы владыка Иерофей, если бы только знал, к каким последствиям приведут его слова. К таким вот последствиям приводит то, что человеку воздают почести, которых достоин только Бог, и слово человеческое воспринимают, как прозвучавшее с Неба.

Мы разговариваем с отцом Сергием об этих делах, и я не слышу от него ни одного слова осуждения ни по отношению к людям, которые жили в те времена, ни по отношению к

современникам, хотя он не боится посмотреть в глаза горькой правде. И я стараюсь перенять эту его спокойную манеру рассуждения без осуждения, но, кажется, у меня не очень получается. Время от времени всё в душе так и начинает бурлить. Господи, как трудно быть православным...

Аргуново. Ангелы на поляне

Когда останутся далеко позади городские соборы, когда и скромные деревенские храмы скроются где-то за деревьями, и даже признаки человеческого жилья понемногу исчезнут из виду, тогда начинается самое главное.

Село Аргуново – где-то за полсотни верст от Никольска, потом ещё пару километров по шоссе и сворачиваем на тропинку. Вокруг самый обычный лес, достопримечательности кончились и смотреть больше не на что. Мы надеемся встретиться с невидимым.

Паломничество – дело невероятно сложное и самое простое. Паломничество никогда не бывает удачным, но, к счастью, оно бывает удачным всегда. В дороге, если она долгая и сложная, с множеством пересадок и пеших переходов, особенно остро чувствуешь, что Господь всегда рядом. Ведь на каждом шагу происходят «случайности», способные загнать в тупик, но вместо этого любое паломничество становится цепью непрерывных удач, превращающих дорогу словно бы в ковер, расстеленный специально для тебя. Постоянно благодарить Бога за удачно купленные билеты, за очень кстати

встретившихся попутчиков, за то что ночлег найден сразу же, а поужинать довелось без проблем и за многое другое.

Но потом спрашиваешь себя: вот побывал ты в святом месте, а почувствовал ли всю его святость, хорошо ли помолился, достаточно ли Бога благодарил? Нет, я опять не на высоте. Ну что ты будешь делать!

А места под Аргуновым всё-таки очень красивые, хотя я и назвал их самыми обычными. «Обычное» ведь не обязательно «заурядное». Стройные сосны на склоне горы изумительны. Этот холм хочется назвать именно горой. Подъём очень крут, запыхавшись, я подумал: хорошо, что обувь не скользит, иначе было бы нелегко сюда забраться, Мы поднялись на гору и, едва прошли несколько шагов, моя попутчица сказала: «Это здесь». Добавить нечего тому, кто знает, что это место – святое.

Теперь уже никто доподлинно не помнит, когда явилась на этой горе чудотворная икона Тихвипской Божьей Матери. Образ нашли женщины, висящим на сосне. Множество исцелений и других чудес, связанных с этой иконой, привлекли сюда православных со всей округи. Здесь был построен храм. Показывали так же камень со стопочкой Пресвятой Богородицы – чудесное свидетельство того, что сама Царица Небесная отметила гору своим присутствием.

Православному человеку не нужны «доказательства подлинности» святынь. Жаль, конечно, что сегодня история чудотворной иконы и святого камня покрыта неизвестностью,

но в конечном итоге не это главное. И дело даже не в чудесах, которыми отмечено святое место. Жизнь, одухотворенная светом истинной веры, всегда и на любом месте исполнена чудес. Но воистину удивительно то неистребимое почитание, которым пользуется эта гора среди жителей окрестных селений. Невидимая сила многие годы тянула сюда православных не смотря ни на что. Такая любовь к обычному, казалось бы, месту случайной быть не может и лучше всего свидетельствует, что здесь – особая благодать, особое присутствие Божие.

Господь, конечно, слышит везде, и чтобы обратиться к Нему не обязательно идти за многие километры от дома. Но так уж устроены наши души, что мы-то сами не всегда и не везде способный слышать Господа. Нас тянет туда, где легче обрести молитвенный настрой. И если туда тянет многих верующих, значит там действительно благодать.

Но такие места привлекают к себе не только верующих, но и особую злобу бесовскую. При советской власти поруганию подверглись почти все храмы на Руси, но храм на горе под Аргуновым не просто закрыли и не только разрушили. Его сравняли с землей. Сегодня только местные жители могут показать, где стояла церковь – даже фундаменты не видны.

А люди сюда всё шли и шли даже в самые лютые годы богоборческих гонений. Особое паломничество со всей округи было и сейчас бывает 9 июля, в день Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы. Когда-то на гору поднимались по кир-

пичной лесенке. Многие женщины в знак особого почтения к святости места поднимались на коленях. Однажды, уже в хрущевские годы, местные комсомольцы вымазали ступеньки дегтем, желая, видимо, посмотреть, как отреагируют верующие. Но женщины всё равно поднимались на коленях, не взирая на то, что пришлось безнадежно испортить одежду.

Так благодать Божия и злоба бесовская противостояли годами. Православные шли сюда молиться, а безбожники напряженно искали, что бы ещё испохабить. Кирпичную лесенку в конечном итоге уничтожили вообще, сегодня на её месте обычная тропинка. Взорвали камень со стопочкой Пресвятой Богородицы и осколки сбросили в ручей за горой. Спилили сосну, на которой была обнаружена чудотворная икона.

Богоборческое усердие в уничтожении материальных предметов воистину бессмысленно. Ведь святость места уничтожить невозможно. Православные прикладывались к сосне, на которой икона была явлена. Теперь прикладываются к пеньку от той сосны. Даже если срыть святую гору до основания, будут приходить туда, где она была. Если и место обнести забором – к забору будут приходить.

Сейчас, когда гонения прекратились, на горе поставили маленькую-простенькую часовенку, похожую скорее на сараечку. В ней стоят большие ветхие иконы, которые явно никто не украдет. Но православного человека вряд ли можно смутить убожеством и ветхостью, а в иконах среди леса есть что-то щемяще русское, родное.

Рядом небольшая поляна, где раньше стоял храм. А храм, как духовную реальность, уничтожить невозможно – на месте разрушенных церквей Богослужение совершают ангелы. Как удивительно знать, что ангелы служат на этой поляне. Обхожу вокруг, но на саму поляну ступить не решаюсь.

Присел на ствол поваленного дерева, и на душе стало удивительно хорошо и спокойно. Перестал болеть зуб, до этого неотступно донимавший. Кажется, даже комары отвязались, или я просто перестал обращать на них внимание. Со святого места не хотелось уходить.

Вот на таких полянах и стоит Святая Русь. Необъятные просторы Богохранимой страны нашей таковы, что едва исчезнет из глаз одна святыня, как тут же где-нибудь вблизи обнаружится святой источник, святой камень или святое дерево, почитаемые местными православными ради благодати Божией, которая на них почил.

Однако, злоба сатанинская не только неукротима, но и невероятно изобретательна. И если по отношению к святым местам примитивные методы материальных разрушений действительно ничего не дают, так ведь борьба на этом не заканчивается, потому что главное поле битвы – сердца человеческие.

Именно здесь, на поляне под Аргуновым, собираются те самые нецерковные старушки, считающие себя поклонницами епископа Иерофея и отвергающие современное священство. Они вносят в души местных верующих много смуты и,

может быть, святое место «уничтожается» псевдоправославным, по-существу – языческим его почитанием. Ведь вне Церкви благодать не пребывает, и не отойдет ли благодать оттуда, где водворились люди, враждебные Церкви?

Сегодня в Аргунове трудами православной общины восстанавливается храм. Многое уже удалось сделать, хотя работы в храме – непочатый край, а средств совершенно нет. Ещё более печалит верующих то, что у них нет своего священника. Есть от чего печалиться, потому что православные без священника подвергаются многим духовным опасностям. Святыни, благодатные намоленные места именно сейчас могут начать незримо понемногу «разрушаться», хотя, казалось бы, самое время приумножать духовные богатства, накопленные предками.

Дунилово. Дорога, как молитва

Во вторник около 19-и часов на улицах Дунилова – звенящая тишина. Людей почти невозможно встретить, хотя поселок не сказать, что маленький. Кажется, мир и покой разливаются по всей округе от белых стен аккуратного стройного храма, который стоит на высоком берегу реки Юг. Храмы – хранители покоя. Любовь, вложенная в их создание и возрождение, может умиротворяюще воздействовать на всю округу.

Едва переступив церковный порог, видишь, с какой любовью всё обустроено дуниловскими прихожанами. Милые по-

ловички и коврики создают совершенно домашний настрой, а строгие свежесвеженные стены и высокие недостижимые своды напоминают о сверхчеловеческой реальности бытия. Здесь особенно чувствуется, что храм – величественный дом Божий, это вместе с тем и наш дом, а точнее – дом Отчий, где мы хотя и не хозяева, но всё-таки «у себя».

После службы прихожане, выйдя на улицу, сетуют: что это у нас в церковных окнах – четыре рамы и все разные? Зря так сделали. Они нормальные, эти рамы, но плохо, что разные. Неблагообразно. Спрашивают у батюшки, которая рама лучше, чтобы и все остальные такие же сделать. Чувствуется в этих людях особенная любовь к дому Божию, даже, может быть, большая, чем к своему жилищу, где на такие мелочи, вероятнее всего, и внимания не стали бы обращать.

С той же любовью хранили они великую местную святыню – чудотворную икону Дуниловской Божией Матери, которую чтит вся Русская Православная Церковь. Хранили в своих домах, когда храм был разорен, рискуя в известные периоды жизнью, а позднее – по-крайней мере благополучием.

Эта икона была явлена в 1677 году. Местный крестьянин Диомид Крохалевский ловил рыбу на берегу реки Юг, недалеко от впадения в неё речки Дуниловки. Вдруг он заметил на сучьях прибрежных кустов икону Пресвятой Богородицы, которая стояла никем не поддерживаемая. Пораженный столь дивным и неожиданным явлением Диомид помолился перед иконой и поспешил сообщить об этом событии одно-

сельчанам.

Вот уже четвертую сотню лет Пресвятая Богородица по-дает исцеление и духовную поддержку всем с верою прите-кающим к её Дуниловскому образу. Ныне пречистый лик на старинной иконе едва различим, но для нетленной духовной реальности это не столь и важно, ведь благодать Божия, исте-кающая от чудотворного образа, не только не ослабевает, но, может быть, ещё и усиливается, потому что икона за несколь-ко веков намолена народом православным. Меркнут краски, но не меркнет святость.

Сохранность святынь в Дунилове вообще удивительна. Когда отец Сергей освящал летний храм, перед ним лежа-ло напрестольное Евангелие 1711 года. Оно было подарено в Москве первому строителю Дуниловской пустыни иеро-монаху Авраамиию, когда в начале XVIII века на месте яв-ления чудотворной иконы устраивалась небольшая монаше-ская обитель. Святое Евангелие петровских времен в цер-ковном обиходе деревенской церкви... В это трудно пове-рять, но ведь и сам деревянный храм, освященный тогда же, в 1712 году, стоит, как и прежде, рядом с более поздним – каменным.

Маленький и ветхий, здесь давно уже не служат, он словно возвещает с высокого берега реки Юг, что места сего косну-лось духовное нетление, что и чудотворная икона, и старин-ное Евангелие, и он, этот небольшой деревянный храм, хотя и пребывают во времени, но не подвластны ему, потому что

они – граждане вечности.

Это место стало таким удивительным, может быть, потому, что здесь испокон торжествовала не извращенная воля людская, а Божия воля, которую люди искали сознательно и напряженно. Там, где явилась Дуниловская икона, первоначально была поставлена часовня, но это место подверглось весеннему наводнению, а потому решили поставить храм на сухом месте. По человеческому разумению, казалось бы, не было ни чего проще – выбрать место удобное во всех отношениях. Но люди православные искали не личных удобств и не стали строить церковь там, где им захотелось бы.

Решили, стоя рядом с часовней, выстрелить из лука вверх и, куда упадет стрела, там и поставить церковь, А стрела упала на другом берегу. Не очень-то, кажется, было сподручно строить храм от деревни через реку, но люди не печалились об этом и не сомневались, что сама Пресвятая Богородица указала им место постройки.

Дорога к храму оказалось не простой, так же, как не бывает простой дорога к Богу. А в наши дни всё тем более не просто. На одной стороне с храмом вырос поселок, но многие дуниловские прихожане по-прежнему живут в деревне, на другом берегу. Небольшой деревянный мостик напротив церкви есть, только, когда Юг разливается, этого мостика «не хватает». Он упирается уже не в другой берег, а в маленький островок посреди реки, ставшей вдвое шире. Из деревни в храм идти приходится в обход, через капитальный

мост – получается километров не менее пяти.

Но это хорошие километры, добрые. Пока идешь, храм, стоящий на возвышении, можно видеть почти отовсюду и всё время по-другому: новый фон, иной угол зрения, разная степень близости. И дорога получается, как молитва – она постепенно, шаг за шагом, позволяет войти в духовную реальность этих мест. Дорога позволяет не просто увидеть, а всмотреться и вжиться в промоленое пространство. Дорога дает время, чтобы ощутить вечность, перед такой возможностью все удобства кажутся ничтожными. Мы привыкли к тому, что великие древние святыни вывозят в крупные города, хранят среди пышного великолепия огромных соборов. Казалось бы, всё логично – так больше людей смогут добраться до них. Но ведь речь идет лишь о том, чтобы добавить удобства этим многим людям. Мы устраняем дорогу. А, может быть, напрасно?

В 1815 году Дуниловская пустынь была приписана к Никольскому Сретенскому собору, чудотворная икона покинула Дунилово и отправилась в Никольск. Жители Дунилова очень скорбели об удалении от них горячо любимой святыни и в течение десятилетий многократно пытались вернуть её к себе. Впрочем, и никольчане не были совершенно жестокосердными – ежегодно на Петров день чудотворную икону крестным ходом несли из Никольска в Дунилово, где она и пребывала некоторое время.

Многие сопровождали икону от Никольска до Дунилова

пешком, а это 40 километров. Здесь было великое духовное торжество. В маленькую деревеньку богомольцы стекались даже из Вятской и Костромской губерний и набиралось их до тысячи. Люди, не боясь ни каких дорог, более охотно стекались именно сюда, а не в Никольск, где икона, хотя и довольно долго, но всё-таки лишь гостила.

Никольчане, как бы извиняясь перед жителями Дунилова за то, что завладели их святыней, на свой средства построили в Дунилове каменный храм, который был освящен в 1867 году. Этот храм и возрождается ныне.

Воля Божия, видимо, была в том, чтобы чудотворная икона Дуниловской Божией Матери находилась именно в этом сельском храме. Святая Русь – это ведь в первую очередь не города, не шоссе, не соборы, а скорее деревни, проселки, церковки, которыми покрыты наши необозримые пространства, политые слезами и измеренные трудническими ногами богомольцев.

На дороге от Никольска до Дунилова насчитывают 104 поворота. Непростая дорога. Но совершенно необходимая. Она, как молитва. Отец Сергей возродил старый благочестивый обычай – на Петров день он крестным ходом пешком идет в Дунилово. Ведь и правда, до святыни надо ноженьки помять, иначе легко ли нам будет почувствовать, что это святыня? Если подкатить с комфортом, можно ни чего перед собой не увидеть, кроме достопримечательностей.

Владыка Феодосий, в 1877 году посетивший Дунилово,

сказал, вздохнув: «Пожил бы здесь». Это желание – переселиться поближе к святому месту, известно, наверное, многим православным. Но не многим это дано. Наш удел – дорога.

В лето явления Вологды

Год, когда в истории Руси впервые упомянута Вологда, очень богат событиями церковной истории. Эти события составляют тот духовный контекст, без которого трудно понять внутренне содержание дня явления Вологды, невозможно ощутить тонкий, с трудом уловимый дух того далеко лета. Потому мы попробуем не только перенестись во времени на восемь с половиной веков назад, но и подняться над Русью, чтобы одновременно охватить взглядом происходившее в разных уголках нашего Отечества.

Говорить о первом упоминании Вологды в церковно-историческом контексте вполне естественно, ведь речь идет о церковном событии- в нашу северную землю пришёл киевский инок Герасим, основавший первый в здешних краях монастырь. Посмотрим, как всё в том же 1147 году впервые была упомянута Москва и почувствуем разницу: «Юрги река: буди, брате, ко мне на Москов», сообщает Московский летописный свод под 1147 годом оприглашении суздальским князем Юрием Долгоруким Новгород-Северского князя Святослава. Это всего лишь политическая, а то и бытовая подробность. Не так с Вологдой. Она была впервые

упомянута не в связи с пустяками, а по поводу своего истинного духовного рождения.

Города – как люди. Прежде чем воцерковиться, они рождались телесно и порою даже успевали накачать мускулы. Можно сказать, что таким телесным рождением Вологда обязана господину Великому Новгороду. Стремясь овладеть обширным и богатым краем, предприимчивые новгородцы колонизировали берега рек Вологды и Сухоны, приобретая у местных жителей землю куплею или силою. Новгородские колонизаторы привозили с собой и священников. Овладев какой-либо местностью и срубив городок, они обязательно строили церковь. И всё-таки отнюдь не усердие к распространению христианства влекло новгородцев в дремучие леса. Озабоченные соображениями корысти, они являлись скорее носителями цивилизации и торговли, нежели Евангелия. В Вологде их стараниями была срублена одна только небольшая церковь Воскресения Христова, и ни кто не имел заботы об умножении храмов. Новгород не мог вдохнуть Дух Божий в тело новорожденного града.

Киев, отец городов русских, был тогда уже подлинной твердыней православия. Сердце южной столицы – Киево-Печерская лавра – стала средоточием истинной святости. Здесь не просто хватало усердных монахов, в монастыре считали десятками подвижников, способных одним словом изгонять

бесов. Печерские иноки не единолично, а соборно, как некая сплоченная дружина, совершали столь великие духовные подвиги, что и Русь, и весь православный мир исполнены были благоговейного изумления.

Благословение греческой Святой Горы Афон, принесенное на горы киевские преподобным Антонием Печерским, уже принесло многие плоды. Это благословение надлежало теперь нести дальше – на земли будущей Северной Фиваиды. Как цельный и гармоничный телесно-духовный организм Вологла родилась от совместного приложения творческих усилий двух великих центров Руси, северного и южного, Новгорода и Киева.

В 1147 году августа 19 дня (ст. ст.) после продолжительного и трудного странствия по лесам и болотам под палящим солнцем и проливными дождями преподобный Герасим достиг наконец берегов реки Вологды. Преподобный был рад, увидевши в посаде церковь Воскресения Христова. Перешедши за Волгу, он ещё не встречал ни одного храма и, чем более удалялся на север, тем меньше имел к тому надежды. Осмотрев местность, он избрал себе для жительства дремучий лес, отделенный от посада одним только ручьем Кайсаровым. Тут, в полуверсте от реки Вологды, среди лесной чащи он устроил себе хижину, и в тиши уединения предался подвигам иноческим.

Перенесемся теперь с берега Вологды на берег Волхова. В том же августе 1147 года 3 числа (ст. ст.) отошёл ко Господу преподобный Антоний Римлянин Новгородский. Это был инок удивительной судьбы, тоже странник на путях Господних, как и наш Герасим, но в своем роде.

Антоний родился в Риме, принял иночество ещё на родине и некоторое время подвизался в одной из италийских пустыней. Юный римлянин с Божьей помощью избежал соблазнов католицизма и не увлекся на губительный еретический путь – он сохранил в сердце святоотеческое православие. Но вот папский Рим начал на православных самые настоящие гонения. И Антоний, исполняя Божью волю, бежал от злобы еретической в далекую страну русов.

В 1106 году он пришёл в Новгород и избрал для себя место в трех верстах от Кремля, вниз по течению Волхова. Здесь, по благословению новгородского епископа Никиты он соорудил деревянную церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Антоний, по всей видимости, был не бедным человеком и вскоре смог купить околежащую землю, а в 1117 году заложил каменную церковь и устроил монастырь. Купил он так же и село Волховское, то есть земли с обитавшими на них крестьянами. Это не противоречило тогдашним представлениям об устройстве иноческой жизни.

Антонию не было необходимости принимать на себя мис-

сионерские труды. Когда римский инок ещё только прибыл в Новгород, а было это ночью, начали звонить к заутрене, весь город наполнился колокольным звоном, возвещая торжество Православия. К этому торжеству он и стремился, убегая из еретического Рима. Видимо, труды преподобного Антония были угодны Богу, поскольку основанный им монастырь просуществовал до наших дней. Но Герасимовы пути были направлены в сторону прямо обратную – из Киева, где православие и так уже торжествовало, в Вологду, где истину ещё только предстояло утвердить.

Когда лесная хижина преподобного Герасима благодаря своей близости к посаду стала известна вологжанам, многие из них стали посещать его. Сначала из любопытства, потом, когда увидели в нем опытного старца, ради советов и наставлений. И сам преподобный иногда бывал в посаде – в храме на службе и для покупки еды. Постепенно он близко познакомился с вологжанами, увидел их духовную бедность, наивные, недостаточные представления о вере и жизни христианской. Поболел преподобный душой о наших предках и возгорелся желанием послужить их спасению. Он решил построить храм во имя Святой Троицы и основать при нем иноческую обитель. Для крещеной, но не достаточно ещё просвещенной Северной Руси это было самым насущным делом. А в это время великий киевский князь Изяслав затеял дело

весьма несвоевременное.

В июне 1147 года князь созвал в Киеве собор русских епископов. (Преподобный Герасим, по всей видимости, только что покинул Киев). Изяслав предложил архиереям самим, без патриарха Константинопольского, избрать и поставить для Руси нового митрополита на освободившуюся кафедру. Князь хотел, чтобы теперь это был русский, а не грек, как раньше. Как на достойного, он указал на схимника Климента Смолятича, про которого говорили, что он такой «книжник и философ», какого прежде на Руси не бывало.

Но на соборе мнения архиереев разделились. Черниговский епископ Онуфрий сказал: «Епископам, собравшимся вместе, принадлежит власть поставлять митрополитов». На это новгородский епископ Нифонт ответил: «Нет такого в законе, чтобы митрополита ставить епископам без патриарха».

На соборе было девять епископов. Только шесть из них согласились с великим князем на постановление Климента Смолятича русским митрополитом. Формально Климент стал киевским первосвященником, но в некоторых епархиях его так и не признали. Епископ Нифонт Новгородский был самым рьяным противником нового митрополита, который, по его мнению, был поставлен незаконно. Патриарх Константинопольский даже слал Нифонту грамоты, в которых уподоблял его святым за подвиг мужественной верности цер-

ковным канонам.

Дело было, однако, отнюдь не только в Нифонте. Митрополит Климент не получил на Руси общецерковной поддержки, то есть не был признан всем народом Божиим. Многие русские люди видели в Константинополе столицу Православия, а потому смотрели на попытки великого князя посадить «своего» митрополита, как на беззаконие. А когда киевским князем стал Юрий Долгорукий (1155 г.), немедленно дано было знать в Константинополь, что Киев готов принять митрополита от патриарха, и Климент был изгнан во Владимир Волынский.

Разрушилось это дело, видимо, не без Божьей воли. Раньше времени оторвавшись от Матери-Церкви Цареградской, Русская Церковь, а с ней и Русское государство могли захиреть духовно. Русь, не будучи ещё самодостаточной, могла заплатить жестокую цену за политические амбиции князя Изяслава. Видимо, Юрий Долгорукий, мудрый православный политик, это прекрасно понимал, а потому и не счел за унижение поклониться Цареграду.

Убогое духовное состояние северных русичей, открывшееся преподобному Герасиму, лучше всего подтверждает, что наш час ещё не пробил. Мало было иметь на первосвятительской кафедре в Киеве одного весьма ученого «философа» Климента. Надо было ещё всему народу русскому возрасти духовно. Ещё только начинали монахи-подвижники просвещать глухомани. Ещё предстояло вырасти под Москвой Сер-

гиевой обители, великой лавре северной, на смену разгромленной татарами южной лавре Киевской. И когда разлетятся птенцы гнезда Сергиева по самым дремучим уголкам Руси, привлекая к Богу простой деревенский люд, тогда Москва станет Третьим Римом на смену одряхлевшему Константинополю. И будет в русской столице свой патриарх.

Преподобный Герасим начал рубить лес и очищать место для построения храма и обители. Но, когда он сказал об этом вологжанам и стал просить помощи и содействия, его желание показалось странным, ненужным, а главное – неслыханным. Ведь на севере Руси не было тогда ещё ни одной обители иноческой. Сначала преподобный не только не нашёл в местных жителях никакого сочувствия своему предприятию, но и встретил противодействие. Некто Пятышев, богатый земледелец и христианин (?!) пожалел места для храма Божия, начал с преподобным спор о земле, хотя она не приносила Пятышеву ни какой выгоды.

Преподобный Герасим не пал духом и не отчаялся в успехе строительства. Он возложил свои надежды на Бога и усердно продолжал начатое, трудясь с утра до вечера. Когда приходили к нему вологжане, он старался объяснить им, что трудится не для самого себя – у него на родине в Киеве много храмов и монастырей. Это строительство начато по воле Божьей ради них – северян. И нечего было нашим предкам

возразить на справедливые слова киевского старца.

А в самом Киеве, между тем, кипели страсти. Вступивший на великокняжеский престол князь Игорь Ольгович был, однако, разбит на поле брани соперником Изяславом, который и стал в Киеве княжить. Игоря пленили и отвезли в Переяславль, заключив в темницу. Благоверный – князь, наученный православием спокойно относиться к превратностям судьбы, без скорби и даже духовно радуясь воспринял своё новое положение. «Давно и в самом счастье хотел я посвятить душу мою Богу. Ныне в темнице и при дверях гроба могу ли желать другого?» Игорь (в крещении – Георгий) принял схиму с именем Гавриил. Он как бы умер для всего мирского, но мир не желал оставить его в покое.

Родственники Игоря, Ольговичи, грубо потребовали отпустить их брата. Киевляне тут же выразили готовность идти против Ольговичей войной, а для начала решили убить несчастного князя схимника. Князя Изяслава не было тогда в Киеве. Напрасно брат его, Владимир, говорил народу, что эта расправа противна воле Изяслава. Темный люд, помраченный жаждой крови, нагло отвечал: «Мы знаем, что он того не хочет, да мы хотим». Напрасно митрополит и тысяцкие пытались успокоить толпу. Убийцы с криками бросились к Федоровскому монастырю, где бывший князь Игорь, схимник Гавриил, молился за литургией перед иконой Пресвятой

Богородицы. Его вытащили из храма и повлекли из обители. Подоспевший князь Владимир отбил несчастного и, принимая на себя удары, отвел в дом своей матери, заперев ворота. Но злодеи вломившись и сюда, умертвили страдальца и голого с бесчестьем волочили по улицам и площадям.

Святой благоверный князь принял мученическую кончину с великим мужеством и смирением. В народе Божиим память св. Игоря была чтима с самого момента кончины. Многие благочестивые люди собирали капли его мученической крови, как святыню, и, по вере, получали от неё исцеление. А образ Божьей Матери, пред которым незадолго до смерти молился страстотерпец, прославился, как Игоревская икона. Ныне мы празднуем явление Игоревской иконы – 18 июня (н.с.). А память преставления князя Игоря – 2 октября (н.с.) Преподобный Герасим пришёл в Вологду, напомним, 1 сентября (н.с.) – как раз между этими двумя датами.

Так Русь становилась святой, обретая святыни и святых. Неутомимо работала злоба бесовская, силясь разрушить великое дело воцерковления нашего народа. Но не напрасно проливалась мученическая кровь, не напрасны были упорные труды смиренных отшельников по лесным глухоманям.

Слух о намерении преподобного Герасима построить на Вологде храм Божий и при нем иноческую обитель распространился по окрестностям. Строгая подвижническая жизнь

старца, его кротость и терпение казались необыкновенными, изумительными. Его отеческие беседы, дышавшие искренностью и любовью, всё более привлекали к нему суровых северян и, наконец, тронули сердца многих. Нашлись желающие не только содействовать ему в строительстве, но и разделить с ним иноческие труды. Вскоре был устроен храм Живоначальной Троицы и появился первый в северных пределах Руси Троицкий Кайсаров монастырь.

Град Вологда родился теперь духовно. Пустыня отступала.

Святитель Антоний Вологодский

«Единство, – возвестил оракул наших дней,
Быть может спаяно железом лишь и кровью.»
Но мы пробуем спаять его любовью,
А там увидим, что прочней.
Федор Тютчев

Про святителя Антония Вологодского мы почти ничего не знаем. Нам неизвестно даже, откуда он был родом и какого происхождения. Между тем, основания для канонизации вологодского архиерея были более, чем достаточные, но не биографического свойства. Для причисления к лику святых не всегда необходим разбор всех поступков и деталей жизни человека. Детали ускользают, поступки забываются,

а память о святости угодника Божия живет в народе православном. О многих святых люди не помнят ни чего, кроме того, что они были святыми. Такая память может сохраняться только по особой Божьей воле, она и дает основание для канонизации.

Мы знаем главное: святитель Антоний очень любил Бога и очень любил людей. Потому и люди доньше его любят, не сомневаясь, что он пребывает с Богом. Не достаточно ли нам этого? Надо ли непременно допытываться до подробностей? Если есть любовь – этого всегда достаточно. Но ведь любовь не знает ни времени, ни пространства, любовь побуждает их преодолевать, потому что не хочет быть слепой. Давайте попытаемся перенестись во времена святителя Антония.

Болдинская осень игумена Антония

В 15-ти верстах от Дорогобужа преподобный Герасим основал Свято-Троицкий Болдинский монастырь. Болдинская обитель наполнилась иноками, а земные дни преподобного Герасимы были уже сочтены. Он лежал на смертном одре и рассказывал про свою жизнь любимому ученику – иноку Антонию.

Дело было очень необычное – преподобный перед смертью озаботил себя тем, чтобы продиктовать автобиографию – Антоний благоговейно записывал каждое слово. Никогда раньше игумен Герасим не рассказывал болдинским инокам о себе, полагая это маловажным. И перед кончиной он без

сомнения куда более желал помолиться поусерднее, чем заниматься диктовкой. Но, видимо, инок Антоний умолил его об этом, желая донести до потомков каждую частичку святости преподобного Герасима. Герасим знал, что Антонием движет великая к нему любовь, а потому не смог отказать в смиренной просьбе.

Преподобный Герасим отошёл ко Господу, инок Антоний стал игуменом и принял на себя попечение над Болдинской обителью. Он, видимо, полагал себя недостойным написать житие преподобного учителя, оставив запись автобиографии как материал для другого, более, по его мнению, способного агиографа. Но братия приступила к нему: «Напиши, отче игумене, житие». Он чувствовал, что ими движет великая любовь, а потому не смог отказать. Дополнив автобиографию рассказами иноков, хорошо знавших преподобного Герасима, он написал житие.

Как писалось? Богу ведомо. Но этот духовный труд стал одним из немногих известных нам фактов жизни самого святителя Антония.

Просвещенные святители

Когда вологодская архиерейская кафедра сделалась праздною, Антоний собором иерархов признан был достойным занять её «многого ради добродетельного жития своего». Жизнеописатель свт. Антония отнюдь не говорит, что игумена рукоположили в епископа поскольку был «в книж-

ных писаниях зело искусен». Не потому слава о нем дошла до Москвы, а потому, что был «зело искусен» в любви и смирении. Если бы не умел любить, не взялся бы и писать. Слава ученого мужа не могла прельщать инока.

И всё-таки его «книжность» вероятнее всего сыграла свою роль в том, что он стал епископом Митрополитом Московским был тогда Дионисий, которого называли «премудрым грамматиком», он слыл за человека очень умного и образованного. Для него, стало быть, было естественным брать на примету близких ему по образованности ученых игуменов. И вот ведь какой изумительный факт. Хиротония и наречение святителя Антония во епископа Вологодского и Великопермского состоялась 11 октября 1586 года. А уже 13 октября митрополита Дионисия свели с первосвятительской кафедры, отправив в ссылку в Хутынский Новгородский монастырь.

На добро ли митрополит зело увлекся митро-политикой? На добро ли первосвятитель вступил в открытую борьбу со всесильным «первобоярином» Годуновым? Желал, конечно, добра, добивался мира между враждующими боярскими партиями. Трудно нам о его правде рассуждать, интереснее тут другое. Промедли Дионисий всего два дня и, может быть, не было бы святителя Антония Вологодского, а был бы преподобный Антоний Болдинский. У нового первосвятителя могли быть свои кадровые расклады, он мог быть лучше знаком с другими кандидатами на архиерейство. Но, видимо,

тут была особая Божия воля. Антонию суждено было Богом прославиться не в лике преподобных, а в лике святителей. И Вологодчина обрела ещё одного молитвенника на Небесах.

Архиерейство святителя Антония протекало при святителе Иове, митрополите Московском, которому суждено было стать первым русским патриархом. Это был удивительный святой. Он знал наизусть всю Псалтирь, Евангелие и Апостол, про него говорили: «Прекрасен в пении и во чтении». Но главное – он был известен, как великий постник и молитвенник, любивший ежедневно совершать Божественную Литургию.

Конечно, и святитель Иов обязательно разглядел бы игумена Антония в его Болдинской обители, но на это уже не было времени, архиерейство пришло к Антонию во времена поздней жизненной осени.

Загадка Софии

Каким сохранила для нас святителя Антония память православных вологжан? Он прославился тихостью нрава и кротостью обращения, всех привлекал к себе любовью, каждого простого мирянина старался пожалеть, приласкать, утешить. Митрополит Иоанн (Снычев) писал, обрисовывая духовно-нравственный облик русских святителей XVI века: «Не забытой русскими архиереями осталась и материальная сторона жизни паствы. В этом отношении они были милосердны и нежны к бедноте и нуждающимся, стараясь помочь

их бедственному положению посильной помощью, таковы были свт. Иоасаф, свт. Гурий, свт. Антоний Вологодский».

Ко времени архиерейства ему было уже около 60 лет. Душа его, просвещенная многолетними иноческими подвигами, источала свет мирной любви. Мы в наше время часто называем любовью страсть, но страсть испепеляет, а любовь греет, любовь тиха и непритязательна, она не лезет в глаза, но именно поэтому не может укрыться от людей. Вологжане платили владыке Антонию взаимной любовью.

Святитель не был лишен так же и активного деятельного начала. Кто совершил первую Божественную Литургию в стенах Вологодской Софии? Это был он. Хотя всё было не просто.

Когда святитель Антоний прибыл в Вологду, древний деревянный Воскресенский собор был уже крайне ветхим и служить в нем, видимо, было нельзя. Архиерейский дом находился при Софийском соборе, а здесь служить было еще нельзя. Это непостижимая загадка Вологодской Софии: собор, полностью отстроенный ещё при Иване Грозном, в 1571 году, стоял без внутренней отделки и неосвященный целых 17 лет. До него как будто никому и дела не было, а ведь это был первый каменный храм в Вологде. Объяснить это не сложно. Труднее понять. В любом случае получается, что не было Божьей воли на начало здесь Богослужения, а почему Господь так судил, не могли знать, конечно, и современники. Может быть, София дожидалась святого архиерея, епископа

Антония?

Без малого два года был он на вологодской кафедре, имея монастырскую привычку к совершению всех Богослужений. Здесь он вынужден был служить в храмах, отдаленных от архиерейского дома. Он с этим мирился, но здоровье ухудшалось и ежедневно добираться до отдаленных храмов ему было уже не по силам. Святитель не мог обустроить весь Софийский собор, а потому решил освятить один придел – Усекновения главы Иоанна Предтечи. Это произошло 1 октября 1588 года. В Софии святитель Антоний служил каждый день до самой смерти.

Венценосец Православия

Случайно ли, что в те же годы на царском троне был государь, нравом подобный святителю Антонию Вологодскому? Карамзин пишет о том, что на престоле грозного царя «Россия увидела постника и молчальника, более для келии и пещеры, нежели для власти державной рожденного». Наш великий историк, оставаясь, увы, в плену устоявшихся стереотипов, характеризует царя Федора Исанновича, как правителя слабого. Но в чем надо усматривать силу помазанника Божьего?

Царь Федор был большим молитвенником, не пропуская ни одного Богослужения, постился, как настоящий инок, был незлобив и кроток нравом. В своей царской келье он отмаливал Русь. Не в этом ли самое главное предназначение

православного государя: быть посредником между Богом и народом? При царе Федоре реально правил, конечно, Годунов, и не плохо правил. Но много ли и успешно ли Годунов направил без федоровых молитв, когда сам стал царем?

Карамзин пишет о том, что при царе Федоре Иоанновиче внутри царства всё было спокойно. Правительство занималось описью людей и земель, уравниванием налогов, населением пустынь, строительством городов. В Москве заложили Белый или Царев город (В том самом 1586 году, когда святой Антоний прибыл в Вологду). И это признаки «слабого царствования»? Это, скорее, картина благоденствия.

Во внешней политике царствование Федора ознаменовано присоединением Грузии к России. Грузинский князь Александр умолил царя Федора взять древнюю Иверию под свою высокую руку, говоря: «Мы, единоверные братья россиян, стенаем от злочестивых. Един ты, венценосец православия, можешь спасти нашу жизнь и душу...» Можно долго говорить о политических обстоятельствах, интригах, расчетах, а можно просто сказать, что русский и грузинский народы были соединены молитвами православных государей, Федора и Александра.

Кстати, при «слабом царе» Федоре польский сейм всерьез обсуждал вопрос о том, чтобы передать русском самодержцу корону польскую. За Федором последовали «сильные цари», доправившие до того, что русская корона была предложена польскому королевичу. Воистину, «сила Божия в немощах».

щи совершается».

Преподобные свидетели

Митрополит Исанн (Снычев) с горечью отметил: «В русской жизни XVI века нравственность находилась на весьма низком уровне». Не сомневаемся, что для такой оценки есть достаточно оснований, и нам не стоит идеализировать минувшие столетия. Если писать «портрет» той эпохи, на темных красках сэкономить не удастся. А если писать не «портрет», а «икону» эпохи? Сколько светлых красок потребуется!

Попытаемся прочувствовать хотя бы несколько фактов: на царском троне – смиренный молитвенник. На первосвященительской московской кафедре – святой митрополит, на вологодской кафедре – святой епископ. А ведь тогда в Вологде жили и другие святые.

Преподобный Галактион Вологодский был сыном знаменитого боярина Ивана Бельского, родился в Москве в 1535 году. Боярин Бельский враждебной боярской партией был сначала сослан на Белоозеро, а вскоре убит. Его семилетнего сына Гавриила спрятали в столице, откуда он, повзрослев, перебрался в Вологду, как простолюдин. Гавриил овладел сапожным ремеслом, которое пришлось ему по душе.

Вскоре родной дядя Гавриила стал одним из самых приближенных царю Иоанну бояр, но Гавриил вполне сознательно не захотел возвращаться в Москву, к царскому двору, к сытой и почетной жизни. Боярин – сапожник женился на во-

логжанке, у них родилась дочь, но молодая жена умерла. Тогда Гавриил возложил на себе железные вериги и всё свое время делил между молитвой и трудами по воспитанию дочери. Когда дочь выросла, он решил стать отшельником, соорудил себе келью-избушку на речке Содеме и принял монашеский постриг с именем Галактион.

Преподобный Галактион никогда не выходил из своей кельи, пищу принимал через маленькое окошечко, не брал, впрочем, ни чего, кроме хлеба и воды. Но и это скудное пропитание он с лихвой отработывал, продолжая заниматься сапожным ремеслом. Угодник Божий пребывал в постоянной молитве, без малейшего отдыха, для этого он приковал себя короткой цепью к потолку, так что не мог даже лечь на пол.

Погиб преподобный во время польско-литовского нашествия, но это было потом, в 1612 году, а пока, в годы архиерейства святителя Антония, к Галактиону, на Содему, за духовным советом стекались многочисленные богомольцы. Был ли он знаком со святителем Антонием? Трудно предположить обратное. Они не могли друг о друге не знать и, верно, испрашивали друг у друга святых молитв.

С другим вологодским угодником святителю Антонию пришлось соприкасаться вполне определенно. Это был преподобный Иосиф Заоникиевский. Крестьянина Илариона Вологодского уезда Кубенской волости поразила слепота, он использовал все возможные врачебные средства но, не имея больше ни каких надежд на целителей, все надежды возло-

жил на Бога, Иларион постоянно ходил по церквям, молился о возвращении зрения. Однажды явился ему святой целитель Косма бесребреник и велел придти в определенное место на небольшую поляну. Там его встретили святые Косма и Дамиан. Внезапно явилась в воздухе, ни кем не поддерживаемая, икона Божией Матери, испускающая лучи, подобно солнцу. Святые велели Илариону приложиться к иконе, едва он это сделал, как почувствовал себя совершенно здоровым. А от иконы услышал голос, повелевший, чтобы на этом месте поставили крест, а перед ним икону.

Иларион так и поступил, а кроме того, обнес поляну стеной и сам туда переселился. Множество людей стекались к новоявленной иконе, больные получали исцеление. Святитель Антоний, узнав об этом, велел исследовать все обстоятельства дела и постановил на месте явления иконы Божией Матери построить храм, а при нем монастырь. Крестьянин Иларион принял монашеский постриг с именем Иосиф и стал первым иноком новой Заоникиевой обители.

Как нам представить Вологду, в которой явно совершались такие великие чудеса, где одновременно жили несколько святых, которых уже современники высоко чтили за святость жизни? Представить трудно, но если мы будем молиться вологодским угодникам, Вологда святителя Антония станет нашей Вологдой.

Чудеса любви

Всего два года и две недели был святитель Антоний вологодским архиереем. Он таял на глазах. После очередной службы едва смог дойти до своей кельи, но по-прежнему с радостью и любовью принимал всех к нему приходящих. И по кончине его уже мёртвая рука осталась благословляющей.

Митрополит Иоанн (Снычев) писал: «Последние минуты жизни святителя Антония говорят о том, что душа его воистину достигла духовного совершенства и его нравственный облик содержал в себе гораздо больше добродетелей, чем о них передает его жизнеописание.»

Более трех недель тело святителя не предавали земле, но и по прошествии этого времени он выглядел так, словно вчера умер – ни малейших признаков тления не появилось. На погребение его собралась вся Вологда от мала до велика, не было никого, кто не плакал бы от горести. Такова была любовь вологжан к святителю. И не только любовь, но и вера в его святость. Погребли свт Антония в Софийском соборе и вскоре у его гроба стали совершаться чудеса.

В феврале 1596 года привели в Софийский собор Дарью Степанову, уроженку тотемскую, которая находилась в буйном помешательстве. В храме она бесчинствовала, выкрикивала безумные слова, тогда её поставили у гробницы святителя Антония, и Дарья заметно поутихла. Когда её привели в собор во второй раз, больная внезапно пришла в совершенно здравый рассудок. Со слезами благодарности святителю Антонию, она сама заявила о своём исцелении настоятелю

собора.

Через неделю вологжанка Фекла принесла ко гробу святителя свою ослепшую дочь, младенца Матрону. По совершении панихиды святителю, когда женщина приложила дочь к гробнице, девочка очевидным для всех образом тотчас прозрела.

Эти чудеса у мощей святителя были, конечно, не первыми и не единственными, хотя о других нам, к сожалению, ни чего не известно. Может быть, записи чудес погибли в смутное время. Но и эти факты драгоценны. Ведь с надеждой на исцеление к святителю шли всего через восемь лет после его блаженной кончины. Шли, вероятнее всего, люди, лично его знавшие и не сомневавшиеся в его святости.

Люди во все времена были склонны подмечать и даже выискивать недостатки у ближних, особенно – высокостоящих. А вот у святителя Антония современники ничего плохого выискать не смогли, иначе не молились бы ему, как святому.

Про святителя Антония говорили, что он старался «всем быть вся». Наверное, это и есть святость.

Две Фиваиды

(В пустынях Египта и в лесах Вологодчины)

Ещё в конце XIX века священник Иоанн Верюжский писал: «... Должна быть дорога сердцу каждого русского православного человека сторона вологодская по множеству бывших в ней обителей иноческих и подвизавшихся в ней вели-

ких угодников Божиих. Казалось, что дремучие леса и болота вологодские только и удобны для жительства диких зверей, но в них отовсюду стремились искавшие себе уединения и безмолвия... так что по справедливости и без всякого преувеличения можно назвать её (Вологодчину) Фиваидой Севера».

И донныне Вологодчину называют Северной Фиваидой, когда хотят подчеркнуть её значение в духовных судьбах России. Насколько это всё-таки обоснованно?

В исконном значении слова, Фиваида – область египетского города Фивы. Этим же именем назывался вообще весь Южный Египет. А прославилась Фиваида благодаря своим диким пустыням, в которых, начиная с конца III века, селились отшельники, многие из которых стали великими святыми. Фиваида – родина монашества. Здесь зародился этот особый тип христианской жизни, здесь прославились первые в мире иноки, жизнь которых и донныне остается образцом для всего православного монашества.

Неужели и у нас, в вологодских лесах, было нечто подобное? Читая жития египетских и вологодских преподобных перестаешь в этом сомневаться. Это люди одного духа, общих устремлений, единого внутреннего склада. Возьмем для примера житие преподобного Антония Великого (ум 356 г.) и преподобного Дионисия Глушицкого (ум 1437 г.) Первый из них – египтянин, из Фиваиды Южной, второй – русский, из вологодской Северной Фиваиды. Между ними – более ты-

сячи лет и тысячи километров, они принадлежат к очень непохожим культурам, а жития их похожи так, словно они были близнецами.

Если кто-то решит, что «все жития писались под копирку», с единого образца, то тут выйдет осечка. Составители житий при. Антония (свт Афанасий Александрийский) и приДионисия (инок Иринарх) лично знали угольников, беседовали с их учениками, так что историческая достоверность этих житий сомнений не вызывает. А похожи они потому, что святые разных эпох и народов саму жизнь свою «списывали с единого образца» – Христа. И чем более приближались они к своему идеалу, тем более похожими друг на друга становились.

Начнем с того, что и прп. Антоний, и прп. Дионисий с юности возжелавшие пустынного жития, вопреки своему желанию стали основателями монастырей, когда рядом с ними начинали селиться желающие им подражать. И оба покинули свои монастыри, вновь стремясь к уединению. В их житиях читаем:

«К жилищу Антония собрались многие, желавшие подражать его подвижнической жизни. Они насильно разломали вход в его жилище, когда отшельник не захотел им открыть... Вскоре там образовалось несколько монастырей... Тогда Антоний решил отправиться в верхнюю Фиванду, но голос с неба, услышанный им, когда он сидел на берегу Нила, велел идти во внутреннюю пустыню».

«Постепенно на место, где остановились Дионисий с другом, стали стекаться люди на богомолье и для жительства. Ему тяжело было вновь становиться предметом почитания, и он решил удалиться на речку Глушицу. Когда по дороге он лег отдохнуть, то в забытии услышал колокольный звон на том месте, где, как он понял, ему надлежало поселиться».

Совпадают, как видим, даже выбор места для нового поселения по указанию свыше. Но самое поразительное сходство судьбы египетского и русского подвижников пожалуй в том, каким ожесточенным нападениям со стороны бесов они подвергались.

«Диавол, собрав демонов, подверг Антония таким ужасным побоям, что преподобный лежал потом недвижим и безгласен. Товарищ, приносящий Антонию хлеб, принял его за мертвого и унес в селение. Едва поправившись, подвижник вновь вернулся в пустыню».

«Однажды прп. Дионисий увидел целый полк демонов, которые скрежеща зубами, с яростью напали на него и стали наносить ему удары, требуя, чтобы он оставил монастырь, и угрожали убить. Избив Дионисия до полусмерти, бесы подняли несколько половиц и положили его под пол. Когда братия пришла вызволять его, Дионисий сказал: «Видите, братья, дерзость врага и слабость сил его».

«Множество демонов ворвались к прп Антонию в виде львов, волков, змей, скорпионов. Антоний, поражаемый и терзаемый ими, переносил мучительные страдания, но не

впадал в страх, а сохранял ясность и бодрость ума. При этом говорил: «Если бы у вас было хоть сколько-нибудь силы, то для борьбы со мной хватило бы и одного из вас».

«Один ученик пришёл к прп. Дионисию и увидел его покрытым ранами и лежащим на полу. Видя изумление ученика, Дионисий спокойно сказал: «Если мы и этого стерпеть не можем, то как возможем стерпеть адские муки?» С этого времени ему была дана от Бога такая власть над духами нечистыми, что уже ни один из них не смел прикасаться к нему».

Такая открытая и явная злоба бесовская, прямое вмешательство нечистых духов в физический план бытия – дело исключительное даже для житий святых. Это прежде всего признак высочайшего уровня духовного совершенства преподобных отцов, при борьбе с которыми зло уже не считает нужным пользоваться масками и действует, не прячась, под своим подлинным обликом. Максимально возможное приближение души преподобных к Богу вызывает и максимально возможную злобу бесовскую. Это сходство говорит о том, что египетский и русский подвижники находились примерно на одном уровне духовного совершенства.

Ныне, верим, преподобные отцы Фиванды Египетской и Северной Фиваиды вместе предстоят престолу Божию, и не разделяют их больше ни национальность, ни принадлежность к разным цивилизациям, ни тысяча лет, ни тысячи километров.

Вологодчина – Соловки

Улица Зосимовская

«Следующая остановка – улица Зосимовская», – объявляет водитель в вологодском автобусе. Отчего она «Зосимовская»? Кто такой Зосима? Неведомо. А дело в том, что был некогда в Вологде храм преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, по которому и назвали улицу. Храм давно уже недействующий, в его здании располагается кукольный театр, и мало кто из вологжан помнит, чьи имена носил некогда этот храм.

Но вот улице Калинина вернули историческое название, и теперь духовные связи между Вологодчиной и Соловками отразились в топонимике Вологды, будем надеяться, уже навсегда.

Появление в Вологде храма соловецких преподобных уже само по себе говорило о многом. Из полсотни вологодских храмов конкретным святым посвящены были только два десятка, а из них русским святым – лишь полдюжины. Получается, что из великого множества святых вологжане избрали для особого почитания лишь нескольких, значит соловецкие угодники были в нашем городе особо чтимы. И не случайно.

На Соловки ехали со всех концов огромной России чаще всего через Вологду (Москва-Вологда-Архангельск), в Вологде было подворье Соловецкого монастыря. Из «Истории Русской Церкви» митрополита Макария известно, что

в 1659 году, когда умер соловецкий архимандрит, «на место его братия избрала постриженника своего же монастыря иеромонаха Варфоломея, который жил тогда в звании приказного старца на Соловецком подворье в Вологде».

Игумен Соловецкий – архиепископ Вологодский

Мы очень мало знаем о святителе Маркелле, архиепископе Вологодском и Белозерском, Соловецком. В «Соловецком патерике» его жития нет, так же не упомянут он в жизнеописаниях вологодских святых священника Иоанна Верюжского. Память о святителе зависла где-то между Вологодой и Соловками. А ведь это был один из самых уважаемых архипастырей своего времени. Достаточно сказать, что архиепископ Маркелл, Вологодский и Белозерский, был одним из кандидатов на патриарший престол на соборе, избравшем патриарха Никона. Двенадцать священнослужителей были первоначально избраны в кандидаты на патриаршество: 2 митрополита, 3 архиепископа, 6 архимандритов, 1 игумен. В их числе был и свт. Маркелл. Надо заметить, что на собор 1652 года прибыли 4 митрополита. Значит, архиепископ Маркелл был авторитетнее, чем 2 из них, старших его по сану.

Вологодский владыка участвовал так же в соборах 1654, 1656, 1660 годов. На последнем ему пришлось уже решать вопросы, связанные с отшествием патриарха Никона, который, к слову сказать, тоже был соловецким постриженником.

Начиналась духовная биография свт Маркелла в соловец-

ком монастыре, игуменом которого он стал не без Божьей воли. В житии преподобного Иринарха Соловецкого читаем: «В 1636 году, в игуменство Варфоломея, Маркелл, впоследствии Соловецкий игумен и архиепископ Вологодский, находясь вне монастыря на послушании, увидел во сне будто стоит в Преображенском соборе обители у западной стены, а перед царскими воротами лестница, достигающая большой главы. Покойный игумен Иринарх, сойдя по лестнице, направился к игумену Варфоломею, взял посох из его рук и сказал: «Довольно, брат, не твоё это дело», потом, взглянув на Маркелла, произнес: «Подойди и возьми этот посох». Маркелл приблизился, взял посох и видение окончилось».

Странным – образом «Соловецкий патерик» (репринт с издания 1906 г.) ограничивается по поводу свт Маркелла лишь одним замечанием: «Кроме подвижников, просиявших в Соловецкой обители, в ней приняли монашество и духовно возросли... архиепископ Маркелл Вологодский». Как бы это и не святой, раз уж «кроме подвижников». А ведь свт Маркелл не только постриженник соловецкий, но и скончался на покое в Соловецком монастыре.

В путеводителе «Православные русские обители» (репринт с издания 1910 года) говорится, что в соловецком храме во имя преподобного Германа «на левой стороне от входа почивают под спудом мощи Маркелла, архиепископа Вологодского, бывшего игуменом в Соловецком монастыре». То есть речь о нем явно идет, как о святом.

Нам, к сожалению, не известно время канонизации святителя Маркелла, и дело, может быть, в этом. Во всяком случае в списке игумена Андроника (Трубачева) от 1996 года он назван, как канонизированный святой: «+1663, 22 марта. Свт Маркелл, архиеп. Вологодский и Белозерский, Соловецкий (9 августа – Собор Соловецкий святых).

Преподобный Герман Соловецкий. Тотемский?

Интересно, что мощи игумена Соловецкого – святителя Вологодского почивают в храме преподобного Германа, который был, возможно, уроженцем Вологодчины.

Преподобный Герман – спутник и сотрудник сначала преподобного Савватия, а после его кончины – преподобного Зосимы. В житии преподобных Зосимы и Савватия говорится: «И пришёл Савватий на реку Выг, там где была часовня, и встретил он там некого монаха по имени Герман, был же он родом из корельских людей».

Но вот житие самого преподобного Германа, помещенное в патерике и составленное значительно позже, дает другую родословную святого: «Преподобный Герман был родом из города Тотмы. Родители его были люди простые и благочестивые, почему Герман в юности своей не был научен даже начаткам образования и на всю жизнь остался неграмотным... Более 50 лет преподобный Герман прожил на острове, стараясь как можно более быть полезным для обители... Предание сохранило память о явлении преподобного Герма-

на пресвитеру Григорию на старой Тотьме, почему в 1602 году этим пресвитером был составлен тропарь преподобному и написан образ, где преподобный Герман представлен вместе спреподобными Зосимой и Савватием».

Отсюда не ясно, каковы свидетельства того, что преподобный Герман был тотьмичем (Как, впрочем, не названы основания и для того, чтобы считать его корелом). Во всяком случае, чудо с тотемским пресвитером Григорием уже устанавливает духовную связь преподобного Германа и Тотьмы. У Бога нет случайностей, а первый тропарь соловецкому святому был составлен в Тотьме и тотьмичем.

Белозерье и Беломорье

«В одном из монастырей Белозерских, именуемом Кириллов, пребывал упомянутый нами Савватий», – повествует житие. Преподобный Савватий был постриженником Кирилло-Белозерского монастыря, оттуда ушёл на Валаам, а потом уже стал соловецким первоначальником.

Прп Савватий не основал на Соловках монастыря и жил там вместе с прп Германом, как отшельник. Монастырь был основан чуть позже прп. Зосимою, а с прп. Савватием так вышло, что он и похоронен был не на островах, а на континентальном берегу. Память о нем на Соловках начала меркнуть.

Но не забыли про своего инока Савватия в обители Кирилловой. Однажды соловецкому игумену Зосиме «привез-

ли письмо с Бело-озера, из обители Пречистой Богородицы Кириллова монастыря, написанное от имени игумена и братии, в котором говорилось: «... Одного дара вы лишены оказались: раньше вашего трудолюбия во имя Господне пребывал на острове Соловецком ... блаж. Савватий, удалившийся от жизни мирской подобно древним преподобным отцам... К тому же мы и сами были свидетелями добродетельной жизни святого, ведь блаженный Савватий пребывал ранее в обители Пречистой Богородицы, Кирилловом монастыре. Ныне же мы даем вашей святости совет духовный, чтобы не были вы лишены дара, которого удостоились от Бога, скорее отправляйтесь в путь и потрудитесь, чтобы перенести мощи блаженного в свой монастырь. Пусть святые мощи его там положены будут, где он много лет провел в трудах телесных».

Соловецкая братия с великой радостью исполнила духовный совет кирилловских иноков. И в последующие столетия связь между Соловками и Кирилловым не прерывалась. Беломорский монастырь и белозерская обитель были частью единой монашеской северорусской ойкумены.

Ещё при Иване Грозном, к примеру, соловецким игуменом стал инок Варлаам из Кирилло-Белозерского монастыря. А в 1826 году соловецким настоятелем был определен архимандрит Кирилловского монастыря Досифей, соловецкий постриженник. Такое случалось на протяжении веков не редко и говорило это не только об административной взаимоподдержке, но и о единстве духовного опыта.

Примечательна в этом смысле судьба блаженного Феодорита, просветителя лопарей. Он прослужил неотходно в Соловецкой обители 15 лет, потом попросил у архиепископа дозволения посетить другие монастыри. Прожив 2 года в Кирилловой обители, Феодорит удалился в пустыни, окружающие этой монастырь. Прошли годы, и уже пребывая архимандритом Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, по клевете еретиков, единомысленных с Башкиным, старец-труженник подвергся двухлетнему заточению опять-таки в Кирилло-Белозерском монастыре. Освобожденный из заточения, блаженный Феодорит удалился на покой в Спасо-Прилуцкий монастырь под Вологдой. А умер он в 1571 году уже на Соловках.

Патриарх Никон назвал Соловецкий монастырь третьим по значению после Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского. Беломорская и Белозерская обители стояли рядом, как крупнейшие жемчужины Святой Руси.

Даже само житие преподобных Зосимы и Савватия писалось в белозерских краях: «Я... священник Досифей... после преставления отца своего преподобного игумена Зосимы жил в одной келье с сопостником его старцем Германом... И рассказал он мне всё, что знал о жизни святого старца. Но я, грубый разумом, не смог рассказ его достойно записать и украсить, написал же только памяти ради... Случилось мне быть на Белом озере в Ферапонтовом монастыре. И пришёл я там просить благословения у некого старца... по имени Спи-

ридоны, бывшего ранее митрополитом Киевским. И показал я ему грубые записи свои, так как знал, что человек он мудрый и с юности хорошо изучил Божественное писание. И Божьего имени ради не отказался он, переписал и изложил всё достойно для общей пользы хотящих спастись».

Вологодский строитель соловецкой крепости

В справочнике «Православные русские обители» читаем: «Строилась Соловецкая крепость в течение десяти лет с 1584 по 1594 год монастырскими людьми и на монастырскую сумму, на что было Высочайшее соизволение и воспоможение царя Федора Иоанновича. Главным строителем этой крепости был соловецкий инок Трифон».

В.В. Скопин в книге «На соловецких островах» приводит некоторые подробности этого дела: «Сколь бы ни был талантлив монах Трифон, он не мог сразу приступить к строительству кремля, а должен был пройти школу профессионального мастерства у опытного мастера – «горододельца». Таким мастером скорее всего был вологодский зодчий Иван Михайлов. В монастырской книге есть запись, где сказано, что «с Вологды Иван Михайлов сын каменщик делал город каменный два лета 7090 до 91...» (1582-1583). Приписка «городовой мастер» несомненно свидетельствует о его высоком профессиональном статусе, который имели в Древней Руси лишь немногие талантливые зодчие.

В 1571 году в Вологде по воле Ивана Грозного прервалось

строительство крупного каменного города, где имелись башни, выложенные из крупного булыжника. Возможно, именно там Иван Михайлов и был «городовым мастером». Сотрудничество с Иваном Михайловым позволило монаху Трифону вникнуть в специфические особенности крепостного дела, а позже и самому возглавить возведение крепости».

То, что не было достроено в Вологде было построено на Соловках нашим вологодским мужиком.

Вологодский купец – соловецкий инок.

Иеросхимонах Матфей был из купцов города Вологды, он родился в 1777 году, а 45-и лет поступил в Соловецкий монастырь. Ещё вмиру он жил благочестиво, хранил себя в целомудрии. Занимаясь торговлею, он не пропускал ни одной церковной службы, с первым ударом колокола запирая свою лавку, отправлялся в храм. Но купец никогда не нес убытков из-за своей набожности, скорее напротив. О честности его, чуждой малейшего лихоимства, знали даже отдаленные деревенские жители, терпеливо ожидая, когда он вернется из храма. «Вот придет Матфей из церкви, у него всё и купим, сходнее и без обмана», – говорили простолюдины.

Это был настоящий православный купец, не удивительно, что он стал очень хорошим монахом, о чем рассказывает «Соловецкий патерик». Даже в преклонной старости он не пропускал ни одной и самой малой монастырской службы. Во время чтения кафизм ни когда не садился, не смот-

ря на монастырский обычай. От продолжительных стояний церковных и келейных ноги его опухли и раны на них не заживали. Из-за этого он не мог носить и сапогов, а ходит в башмаках, но никогда не лечил ног и никому не говорил о своей болезни.

Скончался иеросхимонах Матфей в 1857 году, имея от роду 82 года.

Северное сияние

Ныне Соловецкая обитель кажется нам, вологжанам, далекой, но на самом деле она по-прежнему удивительно близка. Близка нам, православным северянам, как часть единой духовной ойкумены, вбирающей в себя так же и Вологодскую епархию. Соловки просияли, может быть, ярче, чем большинство вологодских обителей, но это сияние очень близкое нам, родное, в известном смысле – вологодское.

Вологодский Валаам

Спасо-каменный монастырь, когда подплываешь к нему на теплоходе, производит впечатление ни с чем не сравнимое, особенно в ясную погоду. Высокая, крепкая, яркая колокольня вырастает словно из воды, впечатываясь в небо. Кажется, что этого никак не может быть, что это противоречит всем законам природы. Здесь, посреди водной равнины колокольня ни как не должна была появиться. Она словно из другого мира и кажется чудом, а чудо всегда немного пугает,

выбивая нас из привычной жизненной колеи.

Когда по мере приближения уже отчетливо видишь, что горсть камней под этой колокольней всё-таки есть, и когда вступаешь на эти камни, ощущение чуда не исчезает. Остров Каменный так мал, что здесь, вроде бы, совершенно невозможно жить. В какую бы сторону не вступил всего лишь несколько шагов, и уже вода. Это совсем не то, что другие монастыри на островах. На Валааме, например, или на Соловках можно гулять по лесу часами, совершенно позабыв, что ты на острове. Если поставить скит в таком лесу, так можно годами не приближаться к берегу и вообще не видеть воды. На большом острове нет постоянного обостренного ощущения того, что это остров. Но, оказавшись на камнях острова Каменный, человек оказывается в таком плотном и непрерывном окружении воды, что, кажется, вскоре тут никто и ни о чем не сможет думать, кроме как о возвращении на материк. Разум противится мысли о том, что люди жили здесь годами, ничем не будучи к этому вынуждены.

А ведь местные условия не просто тяжелые, они совершенно невыносимые. В 1833 году, например, на острове напором льда забросило на крышу трехэтажного монастырского корпуса камень весом более 500 пудов. В 1837 году льдом выбило стекла на третьем этаже того же корпуса. Это лишь примеры, на этом острове всегда так. Ледоходы здесь таковы, что они должны стирать с этих камней всё живое, а во всё остальное время такие ветра, какие людям не дано по-

стоянно выдерживать.

Люди не могут здесь жить, но на протяжении многих веков люди не только здесь жили, но и стремились сюда так, как будто покой только здесь. Когда всерьез об этом задумываешься, вдруг неожиданно понимаешь, что мы ни чего не знаем о человеке. Кто он, этот обитатель планеты Земля? Какова его природа? К чему он стремится, что он любит, что для него самое главное? Как мы можем этого не знать, если мы сами люди? Так вот о самих-то себе мы ни чего и не знаем.

Даже сама история острова Каменный непостижима. Известно, что 6 августа 1260 года здесь обрел спасение от бури белозерский князь Глеб Василькович, плывший в Устюг. Он нашёл на Каменном 23-х старцев – монашескую общину, которая, впрочем, не имела даже церкви и довольствовалась небольшой деревянной часовней. Старцы под руководством одного из них – Федора проводили жизнь в аскетических подвигах, подвизались в обращении ко Христу карельских и чудских языческих племен, обитавших на северо-восточном берегу озера.

Почему старцы жили не на берегу, а на острове? Говорят, они боялись язычников. Но если уж они посвятили себя обращению язычников в христианство, то прятаться от них было бы странно. И погибнуть на острове было куда проще, чем

на берегу. Если весной ледяные торосы поднимаются здесь порою до высоты третьего этажа и несут в себе огромные булыжники, то как же должны были чувствовать себя в ледоход обитатели землянок? Они же тут каждый раз оказывались на волосок от гибели. Зачем им это было надо? И ведь это была не пара чудаков, а 23 человека. Что это были за люди? Трудно даже сказать, какого они были роду-племени, откуда сюда пришли и к какому поколению монахов на острове принадлежали.

«Таковы были первые обитатели Каменного острова», – заключает составитель жизнеописания вологодских святых. Совершенно не ясно с чего мы взяли, что они здесь были первыми? Мы не имеем этому никаких доказательств. Точно так же можно назвать первыми обитателями Америки туземцев, которых увидел Колумб. Весьма затруднительно и почти невозможно поверить в то, что отшельники числом более двух десятков вселились на остров одновременно. Видимо, сначала пришёл один или несколько человек, а потом, как это чаще всего и случалось в истории монашества, пришли другие, желавшие подражать аскетическому житию. А поскольку житьё здесь было зело аскетическим, такое умножение общины требовало немало времени, и вполне возможно, что к моменту появления здесь «первооткрывателя», князя Глеба, на острове сменились уже многие поколения монахов.

То, что нам известно (а точнее – неизвестно) вынуждает нас разомкнуть историю монашества на острове Каменный

вглубь веков. При этом опять-таки нет никаких оснований ограничивать ретроспективный взгляд временем принятия христианства на Руси.

Вспомним о более известном собрате острова Каменный, о Валааме. Родоначальники монашеского житья на этом острове – преподобные Сергей и Герман Валаамские. Время их жизни неизвестно, на сей счет есть несколько версий, среди которых одна, опираясь на местные предания, называет Сергия и Германа учениками самого апостола Андрея Первозванного. Во всяком случае, есть свидетельства того, что монашество появилось на Валааме до принятия христианства на Руси.

Что делает версию об апостольском происхождении валаамского монашества весьма вероятной? Главное основание – духовного свойства. Трудно поверить в то, что проповедь святого апостола Андрея не оставила на землях будущей Руси ни каких следов. Ведомый Духом Святым, апостол был обречен на успех. И хотя ни чего не известно о плодах его миссионерской деятельности в наших краях – это ни о чем не говорит. Христианство на Руси от апостола Андрея до князя Владимира могло храниться отдельными христианами и монашескими общинами, как неприметная искорка, не раздуваемая по времени в пламя. Туманная, таинственная история островов Валаама и Каменного дает основания для такой гипотезы.

Христианские отшельники, появившиеся на Валааме по-

сле проповеди апостола Андрея, могли начать расселяться вглубь будущей Руси. Примеров такого расселения история монашества знает великое множество, а Кубенское озеро находится от Ладожского на расстоянии вполне досягаемом. Естественно и то, что валаамские выходцы, углубляясь в неведомые земли (вероятнее всего – водными путями) избрали для себя уже опробованное островное житьё, позволявшее не смешиваться с языческим миром и одновременно не отрываться от него, чтобы влиять на местное население. Так не валаамских ли старцев встретил на острове Каменном князь Глеб? Не от апостола ли Андрея приняли их предшественники христианство? Мало вероятно, что в первой половине XIII века в Северной Руси образовалась значительная монашеская община от той волны распространения христианства, начало которой дал князь Владимир. Эта волна ещё не достигла берегов Кубенского озера. Похоже, что монашество острова Каменный принесено сюда волной, предшествовавшей владимирову крещению Руси. Среди тех 23-х старцев могли быть и греки, и варяги, и славяне, и представители местных финно-угорских племен. Вероятнее всего, это был самый настоящий интернационал, обитавший на острове уже много сот лет к моменту появления здесь князя Глеба. Во всяком случае нам не известен ни один факт, вынуждавший бы нас полностью исключить такую вероятность.

Так когда же появились на острове Каменном первые монахи? Остров никогда не откроет эту тайну.

Преподобный Сергей Радонежский дал мощный толчок развитию монашества на Руси. Сколько монастырей основано его учениками, имевшими радонежского старца за образец. До преподобного Сергия монашество у нас ещё только начинало рождаться, оформляться, обретать свои высокие идеалы. Но на острове Каменный монашество было к тому времени уже давно, даже если отнести его появление здесь к первой половине X века. Оно питалось из других, досергиевых источников.

При Дмитрие Донском пришёл в Москву из Царыграда афонский пострижник Дионисий, он был благосклонно принят князем и получил от него келью в Московском Богоявленском монастыре. Вскоре после этого пришли в Москву старцы Спасокаменного монастыря просить себе игумена. Князь дал им в игумены святогорца.

Дионисий украсил церкви Спасокаменного монастыря иконами, обогатил книгами и церковной утварью, ввел строгий устав Святой Горы, который кроме прочего запрещал вход в монастырь женщинам. Когда великая лавра Сергиева ещё только рождалась, на Каменном уже действовал суровый и древний афонский устав. Валаам, к слову сказать, называют Северным Афоном. Спас-Каменный вполне заслуживает такого же названия, он лишь в силу малых своих размеров не смог стать крупной твердыней православия, но отсюда всегда

шёл сильнейший духовный импульс, преобразовавший Русь.

От игумена Дионисия приняли пострижение, под его руководством начали подвизаться и много лет служили украшением братии преподобные Дионисий Глушицкий, Пахомий Святолуцкий, Александр Куштский и Евфимий Сямженский, пока сами не сделались основателями новых обителей. При игумене Дионисии подвизались в монастыре почивающие в нем угодники Божии Петр Чудотворец и Василий Блаженный. Сам игумен Дионисий в начале XV века был рукоположен в архиепископа Ростовского, там скончался и погребен.

Многие русские святые, получив духовную закалку на Каменном, прославились вдали от его берегов, но и на самом острове прославились восемь угодников Божиих. Такой концентрации святости на единицу площади, похоже, не видели нигде. Каждый святой – это человек со своей судьбой, чаще всего очень сложной судьбой, переполненной скорбями. Никому из них не было легко в этом мире.

Преподобный Иоасаф (в миру – Андрей) был сыном князя Заозерского Дмитрия Васильевича, владевшего землями на северном берегу Кубенского озера, неподалеку от устья реки Кубены. Князь Дмитрий был человеком благочестивым и набожным, как и его жена княгиня Мария. Родовое гнездо, где вырастали три сына и дочь, согревалось взаимной любовью.

вью всех членов семьи. И соседние князья, и подданные искренне любили Дмитрия Васильевича со чадами и домочадцами.

Но вот обрушилась на эту семью череда бедствий. В 1429 году погибает в битве князь Дмитрий, который отправился в Ярославль защищать эти земли от набега крымских татар. Лишь удалился князь с дружиной, местные грабители начали разорять его села и деревни, усугубив горе вдовы, княгини Марии. через несколько лет умирает и она, оставив князя Андрея с братьями и сестрой круглыми сиротами. А в 1447 году великий князь Василий Темный отбирает у молодых заозерских князей вотчину.

Князь Андрей был ещё младенцем, когда погиб отец, и ко времени лишения родового надела не успел возмужать. Что видел он вокруг себя, вырастая? Смерть, разбой, несправедливость, разбившие вдребезги маленький светлый мир, созданный его родителями. С шести лет он жадно читал священные книги и узнал, что есть другой светлый мир, о который злоба людская разбивается в бессилии. Этот мир человек может обрести внутри самого себя, надо только сделать шаг туда, без сожаления оставив за спиной всё то, ради чего смертным поедом едят друг друга люди. Но вот ему, молодому князю, уже и оставлять нечего. Лишенный всего, он поступил в братство Спасо-Каменного монастыря.

Здесь сама природа восставала на иноков, но здесь была любовь, разрушить которую не могли ни люди, ни стихии.

Монахи дивились, глядя на юного князя, который виделся с насельниками обители только в храме и за трапезой, остальное время проводя в келье, всю свою неиссякаемую, сбереженную в сердце любовь обратив в молитву.

После четырех лет жизни на острове непрерывная молитва стала для него уже не долгом, а потребностью души, и пост из обязанности превратился в счастье. В последний год своей жизни преподобный вкушал пищу только по воскресениям. Такого необыкновенного воздержания не выдержало тело этого ещё молодого человека. Некоторое время он тяжело болел и наконец отдал Богу душу. Было это 10 (23) сентября 1453 года.

Иноки были настолько уверены в святости преподобного Иоасафа, что решили пока не предавать тела почившего земле, а перенесли в церковь Успения Богородицы и поставили гроб перед иконостасом. Множество людей собрались в монастырь к его погребению и немало больных тогда же получили исцеление от прикосновения к его гробу. С тех пор мощи его многим возвращали здоровье.

Люди убили его отца и отняли у него богатство. И он ушёл от людей, но не потому что возненавидел их, а для того, чтобы в уединении молиться за всех, включая обидчиков. Он хотел в общении с Отцом Небесным скопить богатство неистребимое и завещать его людям. И остров Каменный помог ему в этом.

Кажется, для преподобного Иоасафа остров Каменный был даже велик. Он не нуждался в таком количестве земли, вполне довольствуясь храмом и кельей. Что мы знаем о человеке, о его стремлениях и желаниях, о его горе и счастье? Что есть человек? Меряя шагами крохотный остров, думаешь об этом непрерывно.

Именно здесь, на Каменном, в 1481 году был построен первый не только на земле Вологодской, но и на всём Русском севере каменный храм. Почему не в крупных городах, где живёт много людей? Почему на этой горсти камней посреди озера, куда и попасть нелегко, где и жить невыносимо? Такое событие – первый каменный храм, и его ставят в таком месте, которое вообще не должно было заинтересовать человека.

Это место, кажется, хорошо подходит только для штрафного изолятора. Это естественный, природный карцер. И ведь действительно, в начале XX века сюда ссылали монахов-пьяниц в качестве самого сурового наказания. Неужели тогда уже забыли, что такое монашество? Нет, хуже. Начали забывать, что есть человек.

В 1528 году на Каменный приезжал великий князь Василий Иванович. Потом Иван Грозный поехал на Каменный, приготовив подарок монастырю – колокол. Царь прибыл в Устье, но в монастыре не побывал из-за непогоды.

Почему монастырский храм при советской власти был

взорван? Ведь не мешал же никому. Здесь вообще ни что и никому не может мешать. Говорили – ради кирпичей. Но новые кирпичи купить дешевле и проще, чем выколупывать их из взорванной кладки, а потом доставлять на берег. И действительно, кирпичами от взорванного храма никто не попытался воспользоваться. Говорят, человек, решивший взорвать храм на острове, плохо кончил. Впрочем, самое страшное в его жизни произошло уже тогда, когда он решил взорвать храм.

Поразительно и то, что Александр Плигин, которого по праву можно считать возобновителем Спасо-Каменного монастыря, отнюдь не был монахом и к монашеству вовсе не стремился. А между тем он принял на себя огромные труды и пошёл на невероятные лишения ради того, чтобы монастырские строения начали понемногу отстраивать. Поступки монахов мы можем объяснить хотя бы теоретически, но чем так притянула эта горсть камней, убогая и неудобная, нашего современника – светского человека? Что чувствовал Плигин сидя в бурю один на острове в маленьком стальном вагончике? Что за счастье подарил ему остров Каменный? Про Плигина можно написать книгу, а можно ограничиться одним словом. Это человек. Так что мы знаем о человеке?

Молодой москвич по имени Сергей тоже не монах и не факт, что человек, стремящийся к монашеству, приезжает сюда ежегодно, живет безвыездно, проводит экскурсии. Он говорит: «В этом году хочу 4 месяца выдержать». Глаза –

счастливые. Попробуйте понять этого юношу.

В Спасо-Каменный монастырь уже назначен настоятель. Братии пока нет, хотя строительство идет полным ходом. Но монастырский корпус возводят не монахи и не послушники. Что это за люди? Это люди.

Остров Каменный – огромная духовная загадка. Здесь всё неразгаданно, начиная с истории, уходящей в непроницаемую древность, продолжая современностью, тоже ведь неразгаданной, и заканчивая будущим, которое совершенно невозможно прогнозировать. Будет ли здесь когда-нибудь монастырь, то есть монашеская община? Пока мы ничего не знаем о самих себе, что мы вообще можем знать?

Дело о Смоленской Чудотворной

В Устюжне прекрасный музей. Жаль только, сравнительно небольшое церковное здание не позволяет иметь в постоянной экспозиции большинство экспонатов. музей выходит из этого положения, постоянно организуя выставки, каждая из которых достойна самого пристального внимания.

Проходя из зала в зал и уже забыв о том, что нахожусь в церкви, я неожиданно оказываюсь в самом настоящем храме перед лицом торжественного величественного иконостаса. В последние годы в этой части здания проводятся богослужения, религия и культура сосуществуют мирно и бесконфликтно, да ничего другого им не остается.

Здесь лишь немного напоминает о том, что с улицы в по-

мещение я попал по музейному билету – скамейки для посетителей концертов и затянутые холстом места, где должны быть иконы, с табличкой «экспонат на реставрации». Ни одна икона, очевидно, не подозревает, что она – «экспонат», но дело, конечно, не в названии, а в отношении.

На некоторых холщовых рамках табличек нет. Это значит: «Экспонат украден». Хотя вполне можно было написать: «Окно закрыто». Ведь икона тем и отличается от картины, что она – окно в мир Вечности. Причем, открытое не снаружи, а изнутри. Оттуда. А затворились эти семь окошечек (столько икон было украдено), выходит, руками грабителей?

Устюжна до сих пор (1994 г. – прим. автора) слегка гудит от свежей памяти об этом ограблении. Майской ночью сторож музея («привратник вечности»?) впустил на территорию «охраняемого объекта» своего пьяненького приятеля. Неизвестно, что они хотели совместно делать, а только сделать они этого не успели. Вскоре в дверь постучали совершенно трезвые дяди, связавшие друзей-приятелей и с деловитой неторопливостью обчистившие – храм-музей, Они не выбирали, что «покрасивше», брали заранее намеченные, причем самые ценные предметы. Именно «предметы», а не «иконы» и даже не «экспонаты». Такие вот три разные подхода.

Устюженский музей вообще не был на милицейской охране и задача перед грабителями стояла из простых простая. Говорят, что для постановки музея на охрану по полной форме требовалось 50 млн. руб. Это где-то 30 тысяч долларов.

Немалые деньги. А эти семь икон после «ухода» были оценены в 4,5 миллиона долларов. Деньги тоже большие. Продолжая денежную тему, надо сказать, что за точные сведения о грабителях милицией объявлена награда в миллион рублей, то есть 500 долларов. Такие вот три разные цифры.

Не подумайте, что меня заклинило на цифре «три», но это уже третье ограбление Устюженского музея. Два предыдущих так и не были раскрыты. Последнее пока тоже, как сказал в каком-то фильме один очень умный мерзавец: «Такие вещи воруют не для того, чтобы попадаться». Но окаянный автор этого афоризма не понимал, что «такие вещи» и не исчезают бесследно, а грабители, перемещающие вечное в пространстве, не столько чудовищны, сколько жалки.

Музей обворовывали в 1982 году (застой), в 1990 году (перестройка) и, стало быть, в 1994-м (годы реформ). Когда задумаешься над этими цифрами, пропадает даже желание возмущаться по поводу того, «какие гады в наше время русскую землю топчут». Топтали, топчут и буду топтать. Воровской мир, где любые ценности можно перевести на доллары, очень постоянен, почти неизменен в своих наклонностях, пристрастиях и ориентирах. Политические бури если и влияют на него, то очень косвенно и опосредованно. Вор по большому счету безразлично, присваивает ли он золотой слиток, золотой подсвечник или золотой крест. Золотого тельца можно отлить всё это вместе бросив в общий тигель. Незыблемость и неизмеримость ценностей воровского мира

почти зловеща. А в нашем мире, близком и родном, идут какие-то постоянные переливания из форму в форму.

Вот нынче, например, резко сократилась посещаемость Устюженского музея (хотя воры не перестают его посещать). Раньше частыми были заезды групп из Вологды, Москвы, Ленинграда. Из Ленинграда – ехали, а из Санкт-Петербурга – не очень. Раньше меньше ходили в храм, теперь – больше. А когда заходишь в действующую церковь Устюжны, то невольно начинаешь первым делом рассматривать великолепные фрески, словно в музей пришёл. А в музее – богослужения совершаются. Раньше, когда проводили экскурсии, не делали, очевидно, акцента на том, что похищенная икона Смоленской Божьей Матери, не покидавшая своего законного места уже три века – чудотворная. А теперь, когда она украдена и оценена в миллион долларов, акцент сразу же упал на то, что в 1612 году заступлением Пресвятой Богородицы по молитвам устюжан перед её чудотворным образом произошло избавление Устюжны от нашествия шведов и поляков. Мы вдруг вспомнили, что это не просто икона, а великая святыня. Чтимых списков Смоленской иконы Божьей Матери на Руси всего десять, причем, Устюженская – самая древняя из них.

Неужели в нашем «нормальном» мире, в отличие от ненормального, воровского, ценности как-то странно зыбки, расплывчаты, неустойчивы? Доллар – он и в Африке доллар. А икона – она и в России не только икона.

Хорошо, что я приехал в Даниловское, село под Устюжной, где находится усадьба – музей Батюшковых, рано утром. Усадьба сверкала в утренних лучах свежей краской, травы в ближайших окрестностях поблескивали росой. На небольшом поле за усадьбой в звенящей деревенской тиши два крестьянина пахали на лошади. Один вел её под уздцы, а другой шел за плугом. И земля была землей, и лошадь была лошады, и плуг был плугом, так же, как и много веков назад.

Вернемся ли мы когда-нибудь на твердую почву исконных русских ценностей? Сможем ли правильно осмыслить духовные основы нашего бытия? Вот эта наша растерянность перед кражей Смоленской Чудотворной говорит о том, что нам недоступен духовный смысл происходящего.

Чудотворную икону нельзя похитить иначе как по попущению Господню. А попущение это всегда имеет свой внутренний смысл, очевидный для православного сознания и недоступный сознанию расцерковленному.

Крупнейший церковный деятель начала XX века, архиепископ Никон (Рождественский), бывший, кстати, несколько лет епископом Вологодским и Тотемским, писал в 1913 году: «Девять лет назад была выкрадена великая святыня русской земли -чудотворная икона Казанской Божьей Мате-

ри. Болью, тоскою, тяжелым предчувствием грядущих бед отозвалось в русском сердце это событие, и разве не оправдались наши предчувствия? Не даром в народе издавна было верование, что пока цела эта святая икона, пока она стоит на страже между христианской Европой и иноверным, языческо-магометанским миром Азии, дотоле мы и можем быть спокойны, а покинет Она, наша Заступница усердная, место своё, и беды грозят нам и останемся мы беззащитными... Так ведь оно и случилось... Нет нужды говорить о том, что мы пережили за эти девять лет... Да, это попущение Божие – похитить святую икону, было знамением, вразумлением Божиим для нас. Но мы не вняли сему знамению...»

Икона о которой говорит владыка Никон, была украдена в 1904 году при ограблении Благовещенского собора в Казани. (Кстати, «дело о Казанской чудотворной» так и не было расследовано). Вскоре Россия позорно проиграла русско-японскую войну, не сумев сдержать натиск языческой Азии. Тогда покинул нас духовный щит, ограждавший Отечество с Востока.

А ведь Смоленская икона, носящая имя одного из самых западных городов России, и в своё время оградившая Устюжну от дикой агрессии Запада, тоже была духовным щитом, прикрывавшим Россию от Европы. Святыню нельзя просто так украсть, но иногда святыни как бы сами «уходят». И вот ровно через 90 лет после того, как ушла Казанская чудотворная, ушла Смоленская чудотворная. И произошло это

в те годы, когда мы испытали на себе сильную духовную и экономическую агрессию Запада. Нет нужды говорить о том, что мы пережили в 90-е. Россия фактически оказалась поставлена перед Западом на колени.

Услышали ли русские люди это вразумление Божие? Кажется, всё-таки слышали. Может быть, не все и не сразу, может быть, не столько осознанно, сколько подсознательно. Но сейчас мы вспоминаем про 90-е, как про кошмарный сон. Россия больше не кланяется Западу, русские люди постепенно возвращаются к вере православной, к своим исконным национальным ценностям. Я слышал, что Смоленская Чудотворная вернулась на Русь. Хотя дело о её похищении так и не было расследовано.

Всё это стало известно и понятно много позже. Что же было в Устюжне тогда, в год похищения Смоленской Чудотворной? Крестный ход.

День Смоленской иконы Божией Матери православные устюжане почитают за городской праздник. Однако, не было 10 августа на улицах Устюжны излишнего веселья с гармониями, плясками и бойкой торговлей, не было всенародной пьянки-гулянки. А был крестный ход, который прошёл от действующей церкви к собору, где сейчас располагается музей и где ещё совсем недавно пребывала Смоленская чудотворная.

Вглядываясь в счастливые, светящиеся улыбками лица горожан, я заметил разницу с более привычным для нас светским весельем: все улыбались, но никто не смеялся. Это очень показательно. Ведь человек, который смеётся, хотя и весел, и доволен происходящим, что само по себе неплохо, утрачивает душевное равновесие, а это уже чревато – к слезам, говорят, такое веселье. А если оно подогрето обильными возлияниями, то, может быть, и к мордобою, если не поножовщине. Православные праздники – другие – за счастливыми улыбками просвечивает взаимная любовь, нежелание обидеть кого-то даже мелочью.

Этот праздник не только радовал и веселил сердца православных устюжан. Он напоминал о грозном предостережении Божьей Матери, чтимый Смоленский образ которой покинул Устюжну. Видимо, предупреждает нас Пресвятая Богородица – если не постараемся исправить свою жизнь, Она покинет нас своим заступничеством.

Смоленская икона именуется ещё Одигитрия, то есть Путеводительница. Какой же путь указывает Одигитрия? Крестный ход – это и есть путь. В Устюжне он проходил от храма к храму.

Реставрация памяти

В поселке Кирпичное Грязовецкого района открыли музей митрополита Иннокентия (Пустынского). Это был выдающийся иерарх начала XX века, «архипастырь богомуд-

рый», как про него говорили. Владыка Иннокентий принял на себя тяжелейшие труды по просвещению народов Аляски, это был один из апостолов нового времени, и в памяти современников он сохранился, как замечательный человек. В 1937 году митрополита Иннокентия расстреляли большевики, он принял смерть за веру Христову.

И вот на родине митрополита, где он когда-то рос мальчишкой-сиротой, появился воистину народный музей, как отражение живой любви к своему прославленному земляку. А вскоре в газете «Красный Север» появилось разъяснение некоего священника, который сказал, что митрополит Иннокентий (Пустынский) ушёл в обновленческий раскол, покаяния не принёс и за него даже в церкви молиться нельзя. Для земляков владыки, и не только для них, это прозвучало, как оскорбление памяти выдающегося православного иерарха.

Письма земляков владыки – очень искренние и пронизанные живой болью. Они очень показательны во многих отношениях.

Е. Н. Макунина: «Митрополит Иннокентий приехал на родину в конце 20-х годов. Он приехал из Америки, где служил на Аляске. Привез в подарок из Америки ризу, она была очень тяжелая, золотая, и по ней были колокольчики – звенели и горели, как солнечные лучики. Митрополита очень любил народ. Он был вежливый, всегда поговорит с людьми. Жил он не богато. Я и то помню, даром, что маленькая была: жили мы на хуторе, а он к нам ходил на рыбалку с удочкой, на

ногах были лапотки и белые портяночки. Мы теперь ходим в музей, как в святой уголок, там у нас душа успокаивается. В начале 30-х его арестовали, когда его повезли, люди о нём плакали. Мы не верим, что митронолит отрекся от Церкви».

А. В. Ширкунов: «Доколе будет русский бить русского, православный православного? Владыка Иннокентий меня крестил в 1932 году, как я могу спокойно читать, что его даже поминать нельзя? Разве это по-христиански, по-божески? Мне столько мама рассказывала об этом удивительном человеке. Когда я сам своими руками для музея в разрушенном здании сложил печь, вместе с Костей Макуниным настилали пол, стеклили рамы – всё делали от души, от чистого сердца. Где же милосердие у этого священнослужителя, который родился поздно, а то бы ему тоже была такая участь? А мы – простые люди, которых будет судить Господь Бог».

А.И. Стожкова: «Ещё девятилетней девочкой я ходила на исповедь к владыке Иннокентию. Он, было, каждого ребёнка погладит по головке. А когда его увозили, звонил колокол, все плакали и провожали его до самого леса. Все жалели владыку, потому что он был добрый и его все уважали. И вот я хранила фотокарточку митрополита, которую мне дала одна бабушка, жившая рядом с владыкой. Потом отдала фотографию для музея. Но когда прочла в газете, что даже поминать его нельзя... Нам очень обидно за нашего земляка».

А ведь это и есть голос православного народа – главного хранителя веры. Конечно, наши люди – не знатоки канони-

ческого права, про обновленчество до сего момента ничего не слышали и как его правильно понимать ничего сказать не могут. Их оценки очень простодушны, но в них может быть больше истины, чем в безупречном богословском заключении.

Создавая музей митрополита Иннокентия (Пустынского), они делали самое важное для души, которая была пронизана светом православия, перебрасывая мостик оттуда к нам, в современность. Благодаря их трудам, мы можем сейчас возрождать веру наших предков, опираясь на живую непрерывную традицию.

И вот я представил себе, что мне поручили сообщить им, что владыка Иннокентий действительно перешёл в обновленчество, и это был действительно раскол, и за него сейчас действительно нельзя молиться в церкви. И не через газету мне поручили бы это сообщить, а лично. Как бы я это сделал? Наверное, прятал бы глаза, переминался с ноги на ногу...

Стариков безумно жалко. Как можно осквернить то самое светлое, что только есть в их памяти? А дело ведь не только в том, что, причиняя боль старикам, любой нормальный человек сам будет испытывать боль. Главное в том, что это будет действие не созидательное, а разрушительное. Старики стараются передать нам веру, сохранённую в лютую эпоху безбожия, а мы её разрушаем? Но как же быть с правдой? Ведь раскол есть раскол и «грех раскола не смывается даже

кровью». На понимании этой суровой истины уже две тысячи лет держится Церковь.

Конечно, у земляков владыки Иннокентия нашлись защитники. Грязовецкий журналист Н. Николаев писал, что переход митрополита в «Живую Церковь» «не означал измену православию, а попытку хоть как-то сохранить Церковь в невероятно тяжёлых условиях коммунистической диктатуры». Об этом же писала Асия Хайретдинова, сотрудник «Голоса России», в своё время написавшая хорошую статью о митрополите Иннокентии: «Я получила обширный материал, исключая односторонний и жёсткий подход к толкованию обновленчества. Оно отнюдь не было изменой православию».

Мне кажется, эти господа встали на ложный путь. Их логика примерно такая: митрополит Иннокентий был хороший. Он перешёл в обговленчество. Значит обновленчество не такое уж плохое. Если мы будем следовать такой логике, то не найдется в мире мерзости, которую мы в конечном итоге не оправдаем.

Обновленчество – мерзость перед Богом. Так называемая «Живая Церковь» была создана чекистами для разрушения Церкви изнутри. Это известно любому, кто имеет об истории обновленчества хотя бы общие представления. И уж совсем нелепо звучат слова г-жи Хайретдиновой: «Православный иерарх, епископ Аляски, новомученик... вновь подвергся экзекуции, на сей раз со стороны священнослужите-

ля, обвинившего его в раскольническом грехе». Можно подумать, батюшка выразил личное мнение. То, что обновленчество является расколом – это позиция Церкви. Неужели мы готовы пойти против Церкви, чтобы оправдать одного человека? А кто-то и готов.

Церковное сознание найдет выход из этого нравственно-го тупика. Церковь учит нас разделять отношение к человеку и совершенному им греху. Мы не имеем права осуждать человека, но грех должен быть осужден нами решительно и однозначно.

Образ митрополита Иннокентия, который встает из воспоминаний лично знавших его людей, совершенно не похож на вождей обновленческого раскола – надменных, самовлюбленных, продажных. Владыка Иннокентий, конечно, не был таким. Как же он попал в эту малопочтенную компанию? Но ведь он же не мог тогда не знать об обновленчестве то, что мы знаем сейчас. Облик этого сложного явления не вдруг прорисовался, не всем и не сразу стало понятно, что обновленчество – это раскол. Были и другие честные, искренние иерархи, вляпавшиеся в обновленчество, не распознавшие, что это измена православию. Конечно, владыка Иннокентий сознательно православию не изменял, но невольный грех – тоже грех, хотя и гораздо меньший. Конечно, владыка пытался служить Христу, а не врагам Христовым. Косвенно об этом свидетельствует то, что он был арестован и расстрелян.

Почему же владыка Иннокентий не принёс покаяния в

грехе раскола вместе с другими честными иерархами? Это навсегда останется загадкой. Могли быть чисто внешние причины, которые тому препятствовали, и о которых нам ничего не известно. А, оказавшись в заключении, владыка при всем желании не мог принести публичного покаяния, при этом могло иметь место сильное внутреннее раскаяние. Или владыка так и не разобрался в ситуации, не смог правильно оценить природу своего поступка? Мало ли кто совершает ошибки, порою даже трагические.

Увы, мы действительно не можем молиться за него в церкви, но это не повод его осуждать. Нам никто не запретит помянуть владыку в частной молитве, сохраняя к нему уважительное, теплое отношение. Пусть он останется в нашей памяти добрым, честным, любвеобильным, а что происходило в его душе навсегда останется известным только Богу. Что же касается музея, который создали его земляки, это не смотря ни на что – торжество православия.

Восьмое чудо Вологды

В этом здании я впервые побывал много лет назад, когда ещё мальчишками заходили с другом к его маме, работавшей здесь – на валенной фабрике. Откровенно говоря, не запомнил ни как выглядело помещение, ни чем занимались люди. Закрепилось в памяти лишь одно очень сильное впечатление – невыносимый смрад, стоявший там. Помню, подумал: «Как они тут целыми днями работают, если я и 10 минут еле

выдержал». А о том, что валенная фабрика находится в здании бывшего храма святителя Николая во Владычной слободе просто не знал тогда, это здание ничем церковь не напоминало.

И вдруг в этой части набережной, отовсюду заметные, выросли купола. Сейчас хорошо чувствуется, что именно их именно здесь не хватало. Вот убери, и будет пусто. Раньше мы этой пустоты не замечали, так же, как и духовного опустошения, а смрад, нестерпимый для любого нормального человека, становился привычным.

Сейчас, когда этот храм воссоздан и возобновлен – самое время заглянуть в историю. Вологодский краевед Александр Мухин писал: «Никольскую во Владычной слободе церковь начали строить в 1669 году. Это было восьмое каменное здание в Вологде, но так как храмы в Дюдиковой пустыни, в Духовом монастыре и на соляном дворе не сохранились, этот храм становится чуть ли не третьим по древности каменным зданием в Вологде». В те времена каждое каменное здание казалось вологжанам чудом. И вот Никольский храм – восьмое чудо Вологды – ныне попал на третье место. Это сейчас, когда поневоле смотришь, как на чудо, на любую церковь старше XVIII века.

Интересно, что этот храм уже тогда, когда строился, закрепил в своём названии историю ещё более древнюю. Владычная слобода называлась так потому что принадлежала вологодскому архиерею, владыке. Но после Соборного уло-

жения 1649 года правительство провело конфискацию городских владений духовенства, и слобода перестала принадлежать владыке. Храм был заложен через 20 лет после этого, но народная память сохранила название, которое мы употребляем и по сей день.

Владычная церковь была одной из самых богатых в Вологде, приход её был самым большим, в начале XVIII века в нем значилось 135 дворов, к началу XX века у церкви была почти тысяча прихожан.

Потом этот храм, как и многие другие, начали убивать – постепенно, поэтапно. В 1922 году комиссией по изъятию ценностей из храма было изъято 10 серебряных предметов общим весом 2 пуда 60 фунтов. В феврале 1930 года с церкви сняты 18 колоколов. Вскоре после этого церковь была закрыта для размещения высланных «кулаков» – храм временно стал тюрьмой для несчастных, обездоленных, ограбленных крестьян. В 1936 году было принято решение о полном или частичном уничтожении храмов Вологды. По поводу Никольской во Владычной слободе церкви последовала резолюция: «Сдана в аренду артельсоюзу. Использовать – игрушечный завод. Примечание – снять купола».

Когда советские мытарства закончились, этот храм являл собой руины и гораздо меньше многих других вологодских храмов был пригоден к реставрации. Казалось, лучше возрождать другие, куда более сохранные храмы, а руины эти просто оставить в покое, как и по сей день остаются за-

брошенными руины многих вологодских храмов. Но именно Никольский во Владычной слободе храм оказался возрожден даже раньше других во всём своём первоизданном древнем великолепии. Это кажется настоящим чудом – произошло то, что по логике не должно было произойти.

Инициатором возрождения храма стала небольшая группа вологодской интеллигенции. «Одни славляли красоту кистью, другие воспевали её в вузовских аудиториях, третьи – сухими фразами научных отчетов...» – позднее писал один из них. Мало ли у нас интеллигентских кружков, состоящих из прекраснотеленных мечтателей, которые, собираясь вместе, строят грандиозные планы. Склонность к говорильне, прожектёрству – врожденная болезнь нашей интеллигенции. Это давно уже известно, и ничего, кроме улыбки, не вызывает. И вот горстка мечтателей, никогда в жизни не имевших никакого отношения к строительству, решила взвалить на себя не просто сложную, а архисложную задачу, хотя можно было взяться за возрождение храма куда более сохранного. Конечно, над ними посмеивались. Как вспоминал А.М. Чирков, один из тех самых интеллигентов, первый председатель приходского совета храма: «Тогда нам все говорили, чтобы мы отошли от этих стен подальше, пока они на нас не упали».

Именно Алксей Модестович («Модестыч», как звали его за глаза) стал главным инициатором и, можно сказать, основной движущей силой возрождения этого храма. Это очень своеобразный человек. Доктор биологических наук и при

этом – художник, он взвалил на себя роль строительного прораба и искал благотворителей с такой неиссякаемой энергией, что все только диву давались. Модестыч – человек чрезвычайно сложный, общение с ним далеко не всех и не всегда радовало, но если бы не он – не было бы сегодня у Вологды этого храма. А. М. Чирков навсегда вписал своё имя в историю Православной Вологды.

Впрочем, без государственной поддержки этот храм было бы не восстановить, а на государственную поддержку было рассчитывать весьма затруднительно. На смену государству атеистическому пришло государство светское. Оно уже не боролось с Церковью, но старательно от неё дистанцировалось. Можно ли было получить из бюджета средства на реставрацию храма? Нет, конечно же. Но ведь получили. Сначала нашли поддержку у начальника управления культуры администрации области Владимира Кудрявцева, потом у губернатора Николая Подгорнова. Из бюджета вопреки всему и не смотря ни на что выделили деньги.

По совести, так и должно быть. Когда-то советское государство путем вооруженного грабежа захватило храмы, объявив эти здания своими, и большинство из них если не уничтожило, то довело до состояния руин. Российская Федерация дистанцировалась от грабителей, но при этом объявила себя правопреемником Советского Союза. Руины начали нехотя возвращать Церкви. Награбленное было бы логично возвращать законным владельцам предварительно отреста-

врировав – ведь отнимали здания в прекрасном состоянии. Но об этом даже речи не шло. А тут власть неожиданно поступила по совести, не настаивая на своём светском характере.

Впрочем, быстро поняли, что восстановить храм с таким количеством разрушений на одни только бюджетные деньги не удастся. Тогда руководство администрации области обратилось к организациям и учреждениям с просьбой оказать посильную помощь в реставрации, как сейчас говорят – подключили административный ресурс. Откликнулись очень многие. Одни благотворители бесплатно или за символические суммы выполняли работы, другие жертвовали материалы, третьи перечисляли деньги. А губернатор Николай Подгорнов лично бывал на строительстве и контролировал его ход.

Работы были выполнены огромные. Даже внутри храма кирпичную кладку частично приходилось заменять на новую. Старый кирпич от многолетнего соседства с химическими реактивами (которые так невыносимо воняли) частично деструктурировался, потерял свои свойства. Бесследно ни что не проходит. В этом храме особенно чувствуется, что в наше время нормальная жизнь во многих случаях начинается заново, когда возобновить старое уже нет возможности.

Помню, как бывал в этом храме, когда он ещё реставрировался. Нештукатуренные кирпичные своды чем-то напо-

минали таинственные катакомбы первых христиан. Маленькие иконы, наскоро устроенные подсвечники из дерева и жести – словно походное, быстро развернутое убранство, которое так же быстро можно и свернуть, если что. Да, наверное, первым христианам многое показалось бы здесь понятным и близким. А мы и были первыми христианами постсоветской эпохи.

Сейчас на Богослужении в этом храме испытываешь особые чувства. Высокие, сверкающие белизной своды наполняют душу ощущением причастности к древнему русскому православию. Чувствуешь, что молишься в настоящем старинном русском храме. Это не просто эстетическое ощущение, это ощущение духовное. Чувство родства и близости с нашими православными предками драгоценно. Стоило потрудиться над возрождением этого храма.

Полагаю, не случайно именно в этот храм были перенесены из Софийского собора мощи святителя Антония Вологодского. Название храма – «во владычной слободе» – устаревшее уже к началу его строительства вдруг неожиданно обрело реальный смысл – главной святыней храма стали мощи вологодского владыки. И в этом факте, и во множестве других фактов, связанных с возрождением этого храма, так явно проявилась Воля Премудрого Промысла, что нам остается лишь благодарить Бога за всё.

Спасение на воде

Храм преподобного Антония Великого, что стоит на берегу Кубенского озера в деревне Пески, разорили в 30-е годы. Были в его стенах за полвека и клуб, и общежитие, а в последнее время – склад рыбзавода. В алтаре храма, куда не каждому мирянину и заходить можно, установили печи для копчения рыбы.

На кровле обветшавшей колокольни выросли две рябинки. Непостижимым образом пустив корни в трещины кирпичной кладки, они постепенно превратились в крепкие деревца, легко выдерживая резкие порывы озерного ветра. Вот уж воистину – было, прошло и быльём поросло.

Первую после возобновления храма Литургию отслужил протоиерей Василий Чугунов 30 января 1991 года, на Антоньев день. Служба шла в зимнем храме, где нет даже алтарной перегородки и царских врат, но есть по крайней мере крыша над головой. А у летнего храма в конце 70-х рухнул купол. Сгнившие балки, валяющиеся на полу, уже успели порости травой. Алтарь, общий на зимний и летний храм, в загаженном состоянии, колокольня – с проломленным куполом и без креста.

Люди всё равно тянутся в разрушенный, но теперь уже живущий своей естественной жизнью храм. Божественную Литургию о. Василий служит на каждый праздник. В этом году (1993 г. – прим. авт.) на Рождество и Крещение Господне совхоз «Нефедово» дал автобус жителям окрестных деревень, а потому народа в храме было гораздо больше.

Многие, даже пожилые сельчане, ни разу в жизни в церкви не были, и это не их вина. Не все знают, как правильно вести себя во время Богослужения, но сии нехитрые премудрости постигнутся со временем. Главное, что теперь уже ни кто не будет пытаться разлучить людей с Богом, не будет лишать радости общения с Ним.

А верилось в это с трудом до последнего момента. В. А. Елизаров, глава сельской администрации, немало похлопотавший о том, чтобы храм передали верующим, говорил, что, когда отдавал документы, люди и говорили едва ли не шепотом, и в руки боялись бумаги взять. Нам трудно понять, что значит для этих людей возобновление Богослужений в храме, который всю жизнь был у них перед глазами – поруганный и оскверненный. Эти перемены казались уже необратимыми, а сейчас старики словно вернулись в пору своей молодости.

Е. И. Чекмарева, всю жизнь прожившая в деревне Пески, ещё в 70-е рассказывала мне, что в годы самых лютых гонений на Церковь одна тайная монахиня предрекла ей: «Верь, Лизутка, Антоньевская церковь вновь откроется». Тогда в это невозможно было поверить, но Елизавета Ивановна всю жизнь в это верила и ждала. Она умерла за несколько лет до возобновления храма. А другие – дождались. Для людей, которые ездили на Богослужение в Вологду, за 80 километров, прийти на службу в храм в собственной деревне – ни с чем не сравнимый дар.

Сейчас и молодежь посещает храм, хотя, конечно, не составляет большей части прихожан. Бывают и местные ребята, одни, без родителей, чего в Вологде вы никогда не увидите.

У старожилов 60 лет хранилась большая икона преподобного Антония и Голгофа, спасённые от рук безбожников во время разорения храма. Теперь икона и Голгофа вернулись домой – в храм. Они тоже ждали и дождались.

Есть в антоньевском храме ещё одна реликвия, да такая, какую вряд ли хоть одной закрытой церкви удалось сохранить. Это огромный, на две с половиной тонны, колокол. Он был отлит в 1870 году в Санкт-Петербурге и подарен храму Российским обществом спасения на воде. ведь преподобный Антоний считается покровителем рек и озёр.

Колокол не только созывал православных на службу. Его мощный бас служил ориентиром для рыбаков в туман и непогоду, нередкие на Кубенском озере. Всего на колокольне было 25 колоколов. большевики в одночасье расправились с меньшими собратями этого гиганта, и его, разумеется, хотели сбросить, но поняли, что без крови это будет не сделать. Старики на защиту встали, а один из них сказал прямо: «Если сбросите колокол, то лишь со мной».

В конечном итоге решили – пусть служит колокол рыбакам. Лишенный возможности указывать путь к спасению души, он указывал по крайней мере путь к спасению жизни. Этот рукотворный голос давно уже стал частью местной при-

роды.

Однако, увы. Стодвадцатилетний старец не может похвастаться тем, что над ним не каплет – течет в три ручья. Нечем закрыть прохудившийся купол колокольни. Нет денег. Ни копейки.

Сразу, как была открыта антоньевская община, в пяти местах установили урны для пожертвований. Определённую сумму удалось собрать, да и члены общины жертвовали на восстановление храма кто сколько мог. На эти деньги сделали оконные рамы и решетки, электропроводку, отремонтировали печи, закупили круглого леса. Всё в основном заботами церковного старосты К. М. Филимонова.

Заезжие, весьма авторитетные господа, имеющие отношение к реставрации, заверили Константина Михайловича, что на реставрацию храма преподобного Антония выделено 100 тыс. рублей. Да вот только с тех пор ни господ этих, ни денег – помина нет. Пытались концы искать – безрезультатно. «И остались мы среди моря без руля», – горько сетует староста.

Был в Песках один приезжий. Чувствовалось, что тысячная бумажка для него – как для нас рублевая. Попросил у него староста денег на храм – отказал, говорит, неверующий я. Соврал приезжий, верующий он. Только молится не на иконы, а на пачки тысячных купюр.

Такие, как он – слепые, с них спрос невелик. Но и у «зрячих» зрение порою так устроено, что не могут рассмотреть самоцвета, если он размером меньше булыжника. Восстанав-

ливаются храмы и монастыри в больших городах и столицах. А на такие вот – в глубинке, кто внимание обратит? Между тем, на них, на сельских храмах, от века держалась Святая Русь.

Спасо-Каменный монастырь, храм преподобного Антония Великого, монастыри Белозерья – это единое и неделимое Золотое Кольцо Вологодчины, Сегодня антоньевская церковь надеяться может только на то, что и про неё не забудут, восстанавливая эти святыни.

С тех пор, как я беседовал с жителями Песков в 1993 году о судьбе их храма, много воды утекло. Храм преподобного Антония Великого в основном восстановлен. Но не надо забывать, как это было трудно.

«Откуда, как разлад возник?»

Спасо-Сергиевский храм в деревне Спас-Нурма Грязовецкого района стоит на высоком холме. С паперти видна чуть ли не вся округа: перелески, дорога, речка. Даже верхушки электрических столбов, стежка которых пробегает неподалёку, находятся ниже основания храма. Он словно возвышается над землёй.

Близко могилы – кладбище рядом с храмом. В некоторых оградах над одной могилой крест, а над другой – звезда. Эти люди и жили так же, как упокоились – рядом, но не вместе.

И после смерти они разлучены чуждыми друг другу непримиримыми символами.

В Спас-Нурме всего шесть дворов, да и раньше было немного. А храм большой и по городским меркам – двухэтажный, некогда пятиглавый. Поражает контраст между этим величием и скромным окрестным житьем. «Откуда, как разлад возник?»

В конце XIV века от Радонежской обители расходились по всей Руси волны благочестия, ученики преподобного Сергия приходили и в здешние места, в непроходимый Комельский лес. Они, покинув людей, искали мира с Господом, отринув земные блага, стремясь приблизиться к небу душой. Преподобный Павел Обнорский в 1414 году на берегу реки Нурмы основал Свято-Троицкий монастырь. Несколькими километрами ниже преподобный Сергей Нуромский основал Спасо-Нуромский монастырь. По одним источникам это случилось в 1389 году, по другим – в 1426 году.

В 1764 году, когда начался повсеместный упадок монастырской жизни, монастырь был упразднен, а главный храм обители, Спасо-Сергиев, был обращен в приходской. Уже тогда эта церковь была своего рода осколком былого духовного мира. Дальнейшее можно было предвидеть.

В 1934 году настоятель храма протоирей Константин Цивилев был арестован и увезён в неизвестном направлении. Сам храм был закрыт и обращён в зернохранилище. Рассказывают, как после закрытия снимали с колокольни главный

колокол. «Умельцы» надеялись, что, когда перепилят балки, колокол, подтянутый за язык к окному проёму, благополучно скатится вниз по кровле. Но медный гигант рассудил иначе. Вырвавшись, он с грохотом проломил потолок, пол и зарылся в землю под храмом. Пришлось подкапываться под него и подкладывать динамит, чтобы разбить на части. Целиком его поднять не могли.

Когда в зернохранилище отпала нужда, Спасо-Сергиев храм продолжал стоять, как величественно-беспольный памятник былой духовной монолитности. Русь зависла между землей и небом, но ближе к земле, между звездой и крестом, но ближе к звезде.

В 1991 году протоиерей Алексей Бриленков, служащий в Грязовецком районе, заронил в душу местных жителей мысль о возобновлении Богослужения в Спасо-Сергиевом храме. Предложили пенсионерке З.П. Исправниковой, живущей в Спас-Нурме, принять на себя труды председателя приходского совета. Зинаида Петровна рассказывает: «Сначала отказывалась, но пришлось взяться, раз народ оказал доверие. Да и за церковь душа болела. Живу напротив неё, всю жизнь кресты в глазах. Особо верующей раньше не была, в партии состояла. Но всегда старалась людям добро делать, вот и сейчас стремлюсь по мере сил».

Видите, как всё просто. Реставрация храмов и реставрация человеческих душ связаны неразрывно, да и не имеет смысла одно без другого.

Хлопоты были немалые. С одним только оформлением документов сколько поездила Зинаида Петровна и в районную администрацию, и в епархиальное управление. Наконец, в октябре 1992 года было выдано областным отделом юстиции свидетельство о регистрации общины. Владыка Михаил благословил её создание.

Начались поиски благотворителей. Материалами и деньгами на реставрацию помогли совхоз «Ростиловский», целый ряд других местных организаций. З.П. Исправникова пытается установить контакты с теми, кто строит дачи в здешних местах, ведь это в основном люди состоятельные. С некоторыми из них удалось найти взаимопонимание.

Храм большой, отреставрировать весь ещё не скоро удастся, предполагают первоначально привести в состояние, пригодное для Богослужения, лишь некоторую его часть. Хорошо бы, думают местные православные, в будущем иметь своего приходского священника. Уже прикидывали, где ему можно было бы поселиться. А без прихожан храм не остался бы – вокруг десятка два деревень, которые и раньше составляли нуромский приход.

Сегодня внутреннее состояние храма, как и вся наша жизнь, наполняет душу ощущением зыбкой неустойчивой двойственности. Обшарпанные, избитые стены, проломленные потолки, но уже начинают настилаться полы из свежего теса, кое-где вставлены застекленные рамы. Мертво валяются полусгнившие балки, и аккуратно лежат мешки с цемен-

том.

Из пяти куполов, некогда венчавших храм, до нашего времени уцелели два. Оба, на удивление, с крестами. Недавно один купол накренился, угрожая рухнуть. Он пережил всю эпоху разрушений и сдал, когда уже началась реставрация. Может, свалить его и заменить на новый? Или купол с крестом ещё крепок изнутри, и его достаточно лишь подправить?

Святой горы больше нет. Но она есть.

Мне бы хотелось, чтобы это бесхитростное письмо в редакцию осталось где-нибудь в истории нашей епархий. С годами начинаешь обостренно чувствовать большую ценность подобных свидетельств, довольно типичных и обычных, вроде бы не содержащих в себе ни чего особенного, но ведь тут – судьба, одна из миллионов судеб, составляющих историю Русской Церкви.

К. А. Фролова писала: «Место, где раньше стояла церковь Казанской Божьей Матери, мы по-прежнему называем Святой горой, хотя сейчас уже нет не только церкви, но и самой горы. Её срыли, весь песок развезли по дорогам Междуреченского района, но и само это место мы считаем святым, часто ходим туда молиться. Хотя бы небольшую часовенку здесь построить, чтобы лучше было молиться людям.

Как бы надо было, чтобы на нашу просьбу о строительстве часовни откликнулись те, кто может помочь. За доброе дело Господь вознаградит обильно, а за сохранность часовни,

если она будет построена, можно не беспокоиться – Господь не допустит, чтобы там занимались тем, чем человеку не положено.

Не удивляйтесь, что я так верю в святость этого места. У одной моей приятельницы есть книга, в которой написано, сколько человек исцелилось у Казанской иконы Божьей Матери, указаны деревня, фамилия, имя, отчество, год. И со мной произошло тоже самое в 1952 году.

Я сильно болела, думала, помру, такая была худая. Мне и говорят знакомые старушки: «Надо тебе, милая, на святую гору сходить разочка три, помолиться». В то время ни машины, ни автобусы не ходили, а до горы от нашей деревни – 25 километров. Уже снег стаял, дороги начало распускать, но я рано утром отправилась в путь. Думала, мне не дойти, но ничего, дошла с Божьей помощью. И сходила не три раза, а и до сих пор хожу. Болезнь отошла, сейчас мне 76 лет, хватает сил и на даче работать.

Посмотрите, как сейчас все люди ринулись в храмы, Значит, у русского человека ещё не погас огонек веры. Ведь все храмы в праздники переполнены, так люди обрадовались».

А ведь «Святая гора» – самая что ни на есть объективная реальность, то есть нечто существующее совершенно независимо оттого, что мы на сей счёт думаем, и думаем ли мы об этом вообще. Известные православные понятия «намолё-

ное место», «промоленное пространство» вполне могут иметь строгое научное объяснение.

Если где-то в течение длительного времени собираются для молитвы люди, они привлекают не только к себе лично, но и к самому этому месту благодать Божию, божественную энергию, которая благотворным образом влияет на духовное состояние и здоровье человека. Могут происходить удивительные энергетические изменения на обширных пространствах, причем изменения эти носят зачастую устойчивый, долгосрочный характер.

Почему же мы, оказываясь в таких местах, чаще всего не ощущаем этого? Потому что маловеры и неверующие лишены воспринимающей способности. Например, транзистор, несмотря на то, что пронизан со всех сторон радиоволнами, «не запоет» без блока питания, который обеспечивает воспринимающую способность. Согласитесь, что такое понимание веры в деле исцеления сильно отличается от концепции самовнушения.

В России намолённых мест очень много, одним из них, очевидно, является и Святая гора в Междуреченском районе, о котором рассказывала Клавдия Александровна. Это уникальное национальное достояние, которое скапливали наши предки на протяжении многих веков. Мы же, чаще всего, не только не можем им воспользоваться, но даже и не подозреваем о его существовании, а в конечном итоге «от жажды умираем над ручьем».

Одно утешает – богатство этих заповедников духа невозможно расхитить нечистыми руками. Вот уничтожили церковь на святой горе, мало – уничтожили саму гору, а она как была, так и есть – та же святость места, та же исцеляющая тело и душу благодать Божественных энергий.

Часовенку бы там поставить, молились бы православные и приумножалось бы богатство Святой горы. На таких горах и стоит Святая Русь, как на прочном духовном фундаменте.

Источник жив

В двух километрах от деревни Стризнево Вологодского района есть чудотворный источник. Когда-то здесь была часовня во имя святителя Николая и купель. Да мало ли что когда-то было на Святой Руси. В 1932 году часовню разрушили, местным жителям ходить сюда запретили. Теперь видны только остатки купели – мощные брёвна, почти не тронутые временем. Сам источник тоже жив. Упругие струи бьют и под землю, уходят ручьем. Родник – обычное природное явление. А когда-то он был явлением духовным.

Удивительный феномен – наши чудотворные источники, каких не мало на Вологодчине. Обращение к Богу среди родной природы, в живописных местах – это ни с чем не сравнимо. Понятия «Вера» и «Отечество», кажется, сливаются здесь воедино, любовь Родине становится неотделимой от устремления к Высшей Реальности. Люди любят бывать в таких местах. Здесь наша духовная восприимчивость обостря-

ется, душа настраивается на особый светлый лад. А если на чудотворном источнике всё разрушено, ничего нет?

У молодого вологжанина Антона Тараканова в тех местах – дача. Антон не раз бывал на источнике, и постепенно у него созрела мысль возродить здесь всё, как было раньше – поставить часовню, обустроить купель. Это начинание поддержал глава поселения Владимир Иванов. Сразу же взялись за дело: привлекли местных жителей, благоустроили территорию, – сделали мостки. Начинание благословил владыка Максимилиан. Проект часовни согласовали в епархиальной комиссии по церковному искусству. Заручились поддержкой некоторых организаций, обещавших помочь. Люди как будто были готовы к тому, что им предложат участие в этом проекте, стоило только мысль заронить.

Спрашиваю Антона:

– А тебе-то самому зачем это надо?

– Хотелось бы восстановить историческую справедливость. Если есть возможность делать добрые дела – надо делать.

Антону – 21 год, он работает юристом в частной фирме. Казалось бы, необычное мироощущение для его возраста и рода занятий? Но для Антона проект восстановления источника – естественное продолжение того, чем он занимается последние годы.

Антон увлекается ретро-музыкой, он дает вторую и третью жизнь песням, которые теперь уже не звучат. В его ре-

пертуаре – песни Шульженко, Утёсова, романсы и многое другое. На старых пластинках удаётся находить некоторые песни, которых даже в нотах нет. Вместе с пианисткой из областной филармонии Элиной Денисовой в 2007 году Антон дал 17 концертов почти во всех райцентрах Вологодчины. А в мае 2008 года они стали лауреатами Всероссийского конкурса имени Шульженко, который проходил в Челябинске.

Теперь для Антона проект восстановления часовни и его увлечение ретро-музыкой стали неотделимы. На концертах он объявляет о сборе средств на часовню. Дал в областной филармонии благотворительный концерт, средства от которого так же пойдут на обустройство чудотворного источника.

И вот протоиерей Андрей Смирнов отслужил на источнике водосвятный молебен. Установили и освятили поклонный крест. Антон рассказывает: «Мы думали, что на установку креста придет человек 20-30, а собралось человек 150, причем не только местные, люди приехали из Вологды, из Сокола». Потом был благотворительный концерт в местном доме культуры. Выступил коллектив из Устья, сказали добрые напутственные слова представители власти. Этот праздник, наполненный по-настоящему духовным содержанием, подарил людям не мало радости.

На вопрос о том, как он пришёл к Православию, Антон ответил просто: «Я воспитан в Православии, в детстве ещё в воскресную школу ходил».

Удивительно убеждаться в том, что для значительной ча-

сти современной молодежи Православие – естественно. Им никто не отравлял душу враждебностью к вере предков и навязывал всем некий обязательный путь. Можно получать радость от того, что даришь радость другим людям. А можно ловить кайф от бесконечного остервенелого зарабатывания денег.

Кстати, в чем разница между «радостью» и «кайфом»? Это очень трудно выразить словами. Может быть, чтобы это понять, надо съездить на чудотворный источник? Иногда полезно просто побыть там, среди святой тишины, остановить на время свой лихорадочный бег неизвестно куда, о жизни подумать. Может быть, это станет первым шагом на пути к обретению чистой и незамутненной радости?